

rocket**book**

МАРГАРЕТ МИТЧЕЛЛ

Унесенные ветром

Том 1

Annotation

Согласно легенде, создание романа «Унесенные ветром» началось с того, как Маргарет Митчелл написала главную фразу последней главы: «Ни одного из любимых ею мужчин Скарлетт так и не смогла понять и вот — потеряла обоих». Последующая работа над произведением продолжалась около десяти лет и потребовала от писательницы огромной самоотдачи и напряженного труда. Стремясь проникнуть в самый дух эпохи, Митчелл кропотливо изучала историю родной Атланты, использовала газеты и журналы середины XIX века. На страницах ее рукописи оживали рассказы очевидцев Гражданской войны и семейные предания. Некоторые сцены Митчелл переписывала по четыре-пять раз, а что касается первой главы, писательницу удовлетворил лишь 60-й вариант!

Роман, вышедший весной 1936 года, имел беспрецедентный успех и сразу побил все рекорды по популярности и тиражам во всей истории американской литературы. А одноименная экранизация с Вивьен Ли и Кларком Гейблом в главных ролях завоевала 10 премий «Оскар» и стала одной из самых знаменитых лент в истории мирового кинематографа.

Маргарет Митчелл
Унесенные ветром. Том 1

Скарлетт О'Хара не была красавицей, но мужчины вряд ли отдавали себе в этом отчет, если они, подобно близнецам Тарлтонам, становились жертвами ее чар. Очень уж причудливо сочетались в ее лице утонченные черты матери, местной аристократки французского происхождения, и крупные, выразительные черты отца — пышущего здоровьем ирландца. Широкоскулое, с точеным подбородком лицо Скарлетт невольно приковывало к себе взгляд. Особенно глаза — чуть раскосые, светло-зеленые, прозрачные, в оправе темных ресниц. На белом, как лепесток магнолии, лбу — ах эта белая кожа, которой так гордятся женщины американского Юга, бережно охраняя ее шляпками, вуалетками и митенками от жаркого солнца Джорджии! — две безукоризненно четкие линии бровей стремительно взлетали косо вверх — от переносицы к вискам.

Словом, она являла взору очаровательное зрелище, сидя в обществе Стюарта и Брента Тарлтонов в прохладной тени за колоннами просторного крыльца Тары — обширного поместья своего отца. Шел 1861 год, ясный апрельский день клонился к вечеру. Новое зеленое в цветочек платье Скарлетт, на которое пошло двенадцать ярдов муслина, воздушными волнами лежало на обручах кринолина, находясь в полной гармонии с зелеными сафьяновыми туфельками без каблуков, только что привезенными ей отцом из Атланты. Лиф платья как нельзя более выгодно обтягивал безупречную талию, бесспорно самую тонкую в трех графствах штата, и отлично сформировавшийся для шестнадцати лет бюст. Но ни чинно расправленные юбки, ни скромность прически — стянутых тугим узлом и запрятанных под сетку волос, — ни степенно сложенные на коленях маленькие белые ручки не могли ввести в обман: зеленые глаза — беспокойные, яркие (о, сколько в них было своенравия и огня!) — вступали в спор с учтивой светской сдержанностью манер, выдавая подлинную сущность этой натуры. Манеры были результатом нежных наставлений матери и более суровых нахлобучек Мамушки. Глаза дала ей природа.

По обе стороны от нее, небрежно развалившись в креслах, вытянув скрещенные в лодыжках, длинные, в сапогах до колен, мускулистые ноги первоклассных наездников, близнецы смеялись и болтали, солнце било им в лицо сквозь высокие, украшенные лепным орнаментом стекла, заставляя жмуриться. Высокие, крепкотелые и узкобедрые, загорелые, рыжеволосые, девятнадцатилетние, в одинаковых синих куртках и горчичного цвета бриджах, они были неотличимы друг от друга, как две коробочки хлопка.

На зеленом фоне молодой листвы белоснежные кроны цветущих кизиловых деревьев мерцали в косых лучах закатного солнца. Лошади близнецов, крупные животные, золотисто-гнедые, под стать шевелюрам своих хозяев, стояли у коновязи на подъездной аллее, а у ног лошадей переругивалась свора поджарых нервных гончих, неизменно сопровождавших Стюарта и Брента во всех их поездках. В некотором отдалении, как оно и подобает аристократу, возлежал, опустив морду на лапы, пятнистый далматский дог и терпеливо ждал, когда молодые люди отправятся домой ужинать.

Близнецы, лошади и гончие были не просто неразлучными товарищами — их роднили более крепкие узы. Молодые, здоровые, ловкие и грациозные, они были под стать друг другу — одинаково жизнерадостны и беззаботны, и юноши не менее горячи, чем их лошади, — горячи, а подчас и опасны, — но при всем том кротки и послушны в руках тех, кто знал, как ими управлять.

И хотя все трое, сидевшие на крыльце, были рождены для привольной жизни плантаторов и с пеленок воспитывались в довольстве и холе, окруженные сонмом слуг, лица их не казались ни безвольными, ни изнеженными. В этих мальчиках чувствовалась сила и решительность сельских жителей, привыкших проводить жизнь под открытым небом, не особенно обременяя свои мозги скучными книжными премудростями. Графство Клейтон в Северной Джорджии было еще молодо, и жизнь там, на взгляд жителей Чарльстона, Саванны и Огасть, пока что не утратила некоторого налета грубости. Более старые и степенные обитатели Юга смотрели сверху вниз на новопоселенцев, но здесь, на севере Джорджии, небольшой пробел по части тонкостей классического образования не ставился никому в вину, если это искупалось хорошей сноровкой в том, что имело подлинную цену. А цену имело умение вырастить хлопок, хорошо сидеть в седле, метко стрелять, не ударить в грязь лицом в танцах, галантно ухаживать за дамами и оставаться джентльменом даже во хмелю.

Все эти качества были в большой мере присущи близнецам, которые к тому же широко прославились своей редкой неспособностью усваивать любые знания, почерпнутые из книг. Их родителям принадлежало больше денег, больше лошадей, больше рабов, чем любому другому семейству графства, но по части грамматики близнецы уступали большинству своих небогатых соседей — «голодранцев», как называли белых бедняков на Юге.

Как раз по этой причине Стюарт и Брент и бездельничали в эти апрельские послеполуденные часы на крыльце Тары. Их только что исключили из университета Джорджии — четвертого за последние два года университета, указавшего им на дверь, и их старшие братья, Том и Бойд, возвратились домой вместе с ними, не пожелав оставаться в стенах учебного заведения, где младшие пришлось не ко двору. Стюарт и Брент рассматривали свое последнее исключение из университета как весьма забавную шутку, и Скарлетт, ни разу за весь год — после окончания средней школы, Фейетвиллского пансиона для молодых девиц, — не взявшая по своей воле в руки книги, тоже находила это довольно забавным.

— Вам-то, я знаю, ни жарко ни холодно, что вас исключили, да и Тому тоже, — сказала она. — А вот как же Бойд? Ему как будто ужасно хочется стать образованным, а вы вытащили его и из Виргинского, и из Алабамского, и из Южно-Каролинского университетов, а теперь еще и из университета Джорджии. Если и дальше так пойдет, ему никогда не удастся ничего закончить.

— Ну, он прекрасно может изучить право в конторе судьи Пармали в Фейетвилле, — беспечно отвечал Брент. — К тому же наше исключение ничего, в сущности, не меняет. Нам все равно пришлось бы возвратиться домой еще до конца семестра.

— Почему?

— Так ведь война, глупышка! Война должна начаться со дня на день, и не станем же мы корпеть над книгами, когда другие воюют, как ты полагаешь?

— Вы оба прекрасно знаете, что никакой войны не будет, — досадливо отмахнулась Скарлетт. — Все это одни разговоры. Эшли Уилкс и его отец только на прошлой неделе говорили папе, что наши представители в Вашингтоне придут к этому самому... К обоюдодоприемлемому соглашению с мистером Линкольном по поводу Конфедерации. Да и вообще янки слишком боятся нас, чтобы решиться с нами воевать. Не будет никакой войны, и мне надоело про нее слушать.

— Как это не будет войны! — возмущенно воскликнули близнецы, словно открыв бессовестный обман.

— Да нет же, прелесть моя, война будет непременно, — сказал Стюарт. — Конечно, янки боятся нас, но после того, как генерал Борегард выбил их позавчера из форта Самтер, им ничего не остается, как сражаться, ведь иначе их ославят трусами на весь свет. Ну а Конфедерация...

Но Скарлетт нетерпеливо прервала его, сделав скучающую гримасу:

— Если кто-нибудь из вас еще раз произнесет слово «война», я уйду в дом и захлопну дверь перед вашим носом. Это слово нагоняет на меня тоску... да и еще вот — «отделение от Союза». Папа говорит о войне с утра до ночи, и все, кто бы к нему ни пришел, только и делают, что вопят: «Форт Самтер, права Штатов, Эйби Линкольн!», и я прямо-таки готова визжать от скуки! Ну и мальчики тоже ни о чем больше не говорят, да еще о своих драгоценных эскадронах. Этой весной на всех вечерах царила такая тоска, потому что мальчики разучились говорить о чем-либо другом. Я очень рада, что Джорджия не вздумала отделяться до Святков, иначе у нас были бы испорчены все рождественские балы. Если я еще раз услышу про войну, я уйду в дом.

И можно было не сомневаться, что она сдержит слово. Ибо Скарлетт не выносила разговоров, главной темой которых не являлась она сама. Однако плутовка произнесла свои угрозы с улыбкой — памятуя о том, что от этого у нее заиграют ямочки на щеках, — и, словно бабочка крылышками, взмахнула длинными темными ресницами. Мальчики были очарованы — а только этого она и стремилась достичь — и поспешили принести извинения. Отсутствие интереса к военным делам ничуть не уронило ее в их глазах. По правде говоря, даже наоборот. Война — занятие мужское, а отнюдь не дамское, и в поведении Скарлетт они усмотрели одно лишь свидетельство ее безупречной женственности.

Уведя собеседников в сторону от надоевшей темы войны, Скарлетт с увлечением вернулась к их личным делам:

— А что сказала ваша мама, узнав, что вас обоих снова исключили из университета?

Юноши смутились, припомнив, как встретила их мать три месяца назад, когда они, изгнанные из Виргинского университета, возвратились домой.

— Да видишь ли, — сказал Стюарт, — она пока еще не имела возможности ничего сказать. Мы вместе с Томом уехали сегодня из дома рано утром, пока она не встала, и Том засел у Фонтейнов, а мы поскакали сюда.

— А вчера вечером, когда вы явились домой, она тоже ничего не сказала?

— Вчера вечером нам повезло. Как раз перед нашим приездом привели нового жеребца, которого ма купила в прошлом месяце на ярмарке в Кентукки, и дома все было вверх дном. Ах, Скарлетт, какая это великолепная лошадь, ты скажи отцу, чтобы он приехал поглядеть! Это животное еще по дороге едва не вышибло дух из конюха и чуть не насмерть затоптало двух маминых чернокожих, встречавших поезд на станции в Джонсборо. А как раз когда мы приехали, жеребец только что разнес в щепы стойло, едва не убил мамину любимую лошадь Земляничку, и ма стояла в конюшне с целым мешком сахара в руках — пыталась его улестить, и, надо сказать, не без успеха. Чернокожие повисли от страха на стропилах и тарасили на ма глаза, а она разговаривала с жеребцом, прямо как с человеком, и он брал сахар у нее из рук. Никто не умеет так обращаться с лошадьми, как ма. Тут она увидела нас и говорит: «Боже милостивый, что это вас опять принесло домой? Это же не дети, а чума египетская!» Но в эту минуту жеребец начал фыркать и лягаться, и ма сказала: «Пошли вон отсюда! Не видите, что ли, — он же нервничает, мой голубок! А с вами я утром потолкую!» Ну, мы легли спать и поутру ускакали пораньше, пока она в нас не вцепилась, а Бойд остался

ее умасливать.

— Как вы думаете, она вздует Бойда?

Скарлетт, как и все жители графства, просто не могла освоиться с мыслью, что «крошка» миссис Тарлтон держит в ежовых рукавицах своих великовозрастных сыновей, а по мере надобности и прохаживается по их спинам хлыстом.

Беатриса Тарлтон была женщина деловая и несла на своих плечах не только заботу о большой хлопковой плантации, сотне негров-рабов и восьми своих отпрысках, но вдобавок еще и управляла самым крупным конным заводом во всем штате. Нрав у нее был горячий, и она легко впадала в ярость от бесчисленных проделок своих четырех сыновей, и если телесные наказания для лошадей или для негров находились в ее владениях под строжайшим запретом, то мальчишкам порка время от времени не могла, по ее мнению, принести вреда.

— Нет, конечно, Бойда она не тронет. С Бойдом ма не особенно крепко расправляется, потому как он самый старший, а ростом не вышел, — сказал Стюарт не без тайной гордости за свои шесть футов два дюйма. — Мы потому и оставили его дома объясниться с ней. Да, черт побери. Пора бы уж ма перестать задавать нам трепку! Нам же по девятнадцать, а Тому двадцать один, а она обращается с нами, как с шестилетними.

— Ваша мама поедет завтра на барбекю к Уилксам на этой новой лошади?

— Она поехала бы, да папа сказал, что это опасно, лошадь слишком горяча. Ну и девчонки ей не дадут. Они заявили, что она должна хотя бы раз приехать в гости, как приличествует даме — в экипаже.

— Лишь бы завтра не было дождя, — сказала Скарлетт. — Уже целую неделю почти ни одного дня без дождя. Ничего нет хуже, как испорченное барбекю, когда все переносится в дом и превращается в пикник в четырех стенах.

— Не беспокойся, завтра будет погожий день и жарко, как в июне, — сказал Стюарт. — Погляди, какой закат — я никогда еще, по-моему, не видал такого красного солнца! Погоду всегда можно предсказать по закату.

Все поглядели туда, где на горизонте над только что вспаханymi безбрежными хлопковыми полями Джералда О'Хара пламенел закат. Огненно-красное солнце опускалось за высокий холмистый берег реки Флинт, и на смену апрельскому теплу со двора уже потянуло душистой прохладой.

Весна рано пришла в этом году — с частыми теплыми дождями и стремительно вскипающей бело-розовой пеной в кронах кизилковых и персиковых деревьев, осыпавших темные заболоченные поймы рек и склоны далеких холмов бледными звездочками своих цветов. Пахота уже подходила к концу, и багряные закаты окрашивали свежие борозды красной джорджианской глины еще более густым багрецом. Влажные, вывороченные пласты земли, малиновые на подсыхающих гребнях борозд, лиловато-пунцовые и бурые в густой тени, лежали, алкая хлопковых зерен посева. Выбеленный известкой кирпичный усадебный дом казался островком среди потревоженного моря вспаханной земли, среди красных, вздыбившихся, серповидных волн, словно бы окаменевших в момент прибоя. Здесь нельзя было увидеть длинных прямых борозд, подобных тем, что радуют глаз на желтых глинистых плантациях плоских пространств Центральной Джорджии или на сочном черноземе прибрежных земель. Холмистые предгорья Северной Джорджии вспахивались зигзагообразно, образуя бесконечные спирали, дабы не дать тяжелой почве сползти на дно реки.

Это была девственная красная земля — кроваво-алая после дождя, кирпично-пыльная в

засуху, — лучшая в мире для выращивания хлопка. Это был приятный для глаз край белых особняков, мирных пашен и неторопливых мутно-желтых рек... И это был край резких контрастов — яркого солнца и глубоких теней. Расчищенные под пашню земли плантаций и тянувшиеся миля за милей хлопковые поля безмятежно покоились, прогретые солнцем, окаймленные нетронутым лесом, темным и прохладным даже в знойный полдень, — сумрачным, таинственным, чуть зловещим, наполненным терпеливым, вековым шорохом в верхушках сосен, похожим на вздох или на угрозу: «Берегись! Берегись! Ты уже зарастало однажды, поле. Мы можем завладеть тобою снова!»

До слуха сидевших на крыльце донесся стук копыт, позвякивание упряжи, смех и перекличка резких негритянских голосов — работники и мулы возвращались с поля. Из дома долетел нежный голос Эллин О'Хара, матери Скарлетт, подзывавшей девочку-негритянку, носившую за ней корзиночку с ключами.

— Да, мэм, — прозвучал в ответ тоненький детский голосок, и с черного хода донесся шум шагов, удалявшихся в сторону коптильни, где Эллин ежевечерне по окончании полевых работ раздавала пищу неграм. Затем стал слышен звон посуды и столового серебра: Порк, соединявший в своем лице и лакея и дворецкого усадьбы, начал накрывать на стол к ужину.

Звуки эти напомнили близнецам, что им пора возвращаться домой. Но мысль о встрече с матерью страшила их, и они медлили на крыльце, смутно надеясь, что Скарлетт пригласит их поужинать.

— Послушай, Скарлетт, а как насчет завтрашнего вечера? — сказал Brent. — Мы тоже хотим потанцевать с тобой — ведь мы не виноваты, что ничего не знали ни про барбекю, ни про бал. Надеюсь, ты еще не все танцы расписала?

— Разумеется, все! А откуда мне было знать, что вы прискачете домой? Не могла же я беречь танцы для вас, а потом остаться с носом и подпирать стенку!

— Это ты-то? — Близнецы оглушительно расхохотались.

— Вот что, малютка, ты должна отдать мне первый вальс, а Стю — последний и за ужином сесть с нами. Мы разместимся на лестничной площадке, как на прошлом балу, и позовем Джинси, чтобы она опять нам погадала.

— Мне не нравится, как она гадает. Вы же слышали — она предсказала, что я выйду замуж за жгучего брюнета с черными усами, а я не люблю брюнетов.

— Ты любишь рыжеволосых, верно, малютка? — ухмыльнулся Brent. — В таком случае пообещай нам все вальсы и ужин.

— Если пообещаешь, мы откроем тебе один секрет, — сказал Стюарт.

— Вот как? — воскликнула Скарлетт, мгновенно, как дитя, загоревшись любопытством.

— Это ты про то, что мы слышали вчера в Атланте, Стю? Но ты помнишь — мы дали слово молчать.

— Ладно уж. В общем, мисс Питти сказала нам кое-что.

— Мисс — кто?

— Да эта, ты ее знаешь, кухня Эшли Уилкса, которая живет в Атланте, — мисс Питтипэт Гамильтон, тетка Чарльза и Мелани Гамильтонов.

— Конечно, знаю и могу сказать, что более глупой старухи я еще отродясь не встречала.

— Так вот, когда мы вчера в Атланте дожидались своего поезда, она проезжала в коляске мимо вокзала, остановилась поболтать с нами и сказала, что завтра у Уилксов на балу будет оглашена помолвка.

— Ну, это для меня не новость, — разочарованно протянула Скарлетт. — Этот дурачок,

Чарли Гамильтон, ее племянник, обручится с Милочкой Уилкс. Всем уже давным-давно известно, что они должны пожениться, хотя он, мне кажется, не очень-то к этому рвется.

— Ты считаешь его дурачком? — спросил Brent. — Однако на Святках ты позволяла ему всю вонючую вонючку за тобой.

— А как я могла ему запретить? — Скарлетт небрежно пожала плечами. — Все равно, по-моему, он ужасная размазня.

— И к тому же это вовсе не его помолвка будет завтра объявлена, а Эшли с мисс Мелани, сестрой Чарльза! — торжествующе выпалил Стюарт.

Скарлетт не изменилась в лице, и только губы у нее слегка побелели. Так бывает, когда удар обрушивается внезапно и человек не успевает охватить сознанием то, что произошло. Столь неподвижно было ее лицо, когда она, не проронив ни слова, смотрела на Стюарта, что он, не будучи от природы слишком наблюдателен, решил: это известие, как видно, здорово удивило и заинтриговало ее.

— Мисс Питти сказала нам, что они собирались огласить помолвку только в будущем году, потому как мисс Мелани не особенно крепка здоровьем, но сейчас только и разговора что о войне, и вот оба семейства решили поторопиться со свадьбой. Помолвка будет оглашена завтра за ужином. Видишь, Скарлетт, мы открыли тебе секрет, и ты теперь должна пообещать, что сядешь ужинать с нами.

— Ну конечно, с вами, — машинально пробормотала Скарлетт.

— И обещаешь отдать нам все вальсы?

— Обещаю.

— Ты — прелесть. Воображаю, как все мальчишки взбесятся!

— А пускай себе бесятся, — сказал Brent. — Мы вдвоем легко с ними управимся. Послушай, Скарлетт, посиди с нами и утром, на барбекю.

— Что ты сказал?

Стюарт повторил свою просьбу.

— Ладно.

Близнецы переглянулись — торжествующе, но не без удивления. Для них было непривычно столь легко добиваться знаков расположения этой девушки, хотя они и считали, что она отдает им некоторое предпочтение перед другими. Обычно Скарлетт все же заставляла их упрашивать ее и умолять, водила их за нос, не говоря ни «да», ни «нет», высмеивала их, если они начинали дуться, и напускала на себя ледяную холодность, если они пробовали рассердиться. А сейчас она, в сущности, пообещала провести с ними весь завтрашний день — сидеть рядом на барбекю, танцевать с ними все вальсы (а уж они позаботятся, чтобы вальс вытеснил все другие танцы!) и ужинать вместе. Ради этого стоило даже вылететь из университета!

Окрыленные своим неожиданным успехом, близнецы не спешили откланяться и продолжали болтать о предстоящем барбекю, о бале, о Мелани Гамильтон и Эшли Уилксе, отпуская шутки, хохоча, перебивая друг друга и довольно прозрачно намекая, что приближается время ужина. Молчание Скарлетт не сразу дошло до их сознания, а она за все это время не проронила почти ни слова. Наконец и они ощутили какую-то перемену. Сияющий вечер словно бы потускнел — только близнецы не могли бы сказать, отчего это произошло. Скарлетт, казалось, совсем их не слушала, хотя ни разу не ответила невпопад. Чувствуя, что происходит нечто непонятное, сбитые с толку, раздосадованные, они пытались еще некоторое время поддерживать разговор, потом поглядели на часы и нехотя поднялись.

Солнце стояло уже совсем низко над свежевспаханым полем, и за рекой черной зубчатой стеной воздвигся высокий лес. Ласточки, выпорхнув из застрех, стрелой проносились над двором, а куры, утки и индюки, одни — важно вышагивая, другие — переваливаясь с боку на бок, потянулись домой с поля.

Стюарт громко крикнул: «Джимс!»

И почти тотчас высокий негр, примерно одного с близнецами возраста, запыхавшись, выбежал из-за угла дома и бросился к коновязи. Джимс был их личным слугой и вместе с собаками сопровождал их повсюду. Он был неразлучным товарищем их детских игр, а когда им исполнилось десять лет, они получили его в собственность в виде подарка ко дню рождения. Завидя Джимса, гончие поднялись, отряхивая красную пыль, и замерли в ожидании хозяев. Юноши распрощались, пообещав Скарлетт приехать завтра к Уилксам пораньше и ждать ее там. Затем сбежали с крыльца, вскочили в седла и, сопровождаемые Джимсом, пустили лошадей в галоп по кедровой аллее, что-то крича на прощание и размахивая шляпами.

За поворотом аллеи, скрывшим из глаз дом, Brent остановил лошадь в тени кизилевых деревьев. Следом за ним остановился и Стюарт. Мальчишка-негр остановился в некотором отдалении. Лошади, почувствовав ослабевшие поводья, принялись пощипывать нежную весеннюю траву, а терпеливые собаки снова улеглись в мягкую красную пыль, с вожделением поглядывая на круживших в сгущающихся сумерках ласточек. На широком простодушном лице Brent было написано недоумение и легкая обида.

— Послушай, — сказал он. — Не кажется ли тебе, что она могла бы пригласить нас поужинать?

— Я, признаться, тоже этого ждал, да так и не дождался, — отвечал Стюарт. — Что ты скажешь, а?

— Не знаю, что и сказать. Странно как-то. В конце концов, мы ведь давно не виделись и, как приехали, — прямо к ней. И даже почти ничего еще не успели и рассказать.

— Мне показалось, что она поначалу здорово обрадовалась, увидав нас.

— Да, мне тоже так подумалось.

— А потом вдруг как-то притихла, словно у нее голова разболелась.

— Да, я заметил, но не придавал этому значения. Что это с ней, как ты думаешь?

— Не пойму. Может, мы сказали что-нибудь такое, что ее рассердило?

На минуту оба погрузились в размышления.

— Ничего такого не могу припомнить. И притом, когда Скарлетт разозлится, это же сразу видно. Она не то что другие девчонки — у нее тут же все вырывается наружу.

— Да, это мне как раз в ней и нравится. Она, когда сердится, не превращается в ледышку и не обливает тебя презрением, а просто выкладывает все начистоту. И все-таки, видно, мы что-то не то сказали или сделали — почему она вдруг примолкла и стала какая-то скучная. Могу поклясться, что она обрадовалась, увидав нас, и, похоже, хотела пригласить поужинать.

— Может, это потому, что нас опять вышвырнули из университета?

— Ну да, черта с два! Не будь идиотом. Она же хохотала как чумовая, когда мы ей об этом рассказывали. Да она не больше нашего уважает всю эту книжную премудрость.

Brent, повернувшись в седле, кликнул своего негра-грума:

— Джимс!

— Да, сэр!

— Ты слышал наш разговор с мисс Скарлетт?

— Не-е, сэр, мистер Brent! Вы уж скажете! Да чтоб я стал подслушивать за белыми господами!

— А то нет, черт побери! У вас, черномазых, всегда ушки на макушке! Я же видел, как ты, врунишка, слонялся вокруг крыльца и прятался за жасминовым кустом у стены. Ну-ка, вспомни, не сказали ли мы чего-нибудь такого, что могло бы рассердить или обидеть мисс Скарлетт?

После такого призыва к его сообразительности Джимс бросил притворство и сосредоточенно сдвинул черные брови.

— Не-е, сэр, такого я не заметил, она вроде не сердилась. Она вроде очень обрадовалась, похоже, сильно без вас скучала и, покамест вы не сказали про мистера Эшли и мисс Мелани Гамильтон — про то, что они поженятся, — все щебетала как птичка, а тут вдруг вся съежилась, будто ястреба увидела.

Близнецы переглянулись и кивнули, но на их лицах все еще было написано недоумение.

— Джимс прав, — сказал Стюарт. — Но в чем тут дело, в толк не возьму. Черт подери, она же никогда не интересовалась Эшли — он для нее просто друг. Она нисколько им не увлечена. Во всяком случае, не так, как нами.

Brent утвердительно кивнул.

— А может, ей обидно, что Эшли ничего не сказал ей про завтрашнее оглашение — они же как-никак друзья детства? Девчонки любят узнавать такие новости первыми — это для них почему-то важно.

— Может, и так. Да только... ну что с того, что не сказал? Это ведь держалось от всех в тайне, потому что было задумано как сюрприз. И в конце-то концов, разве человек не имеет права молчать о своей помолвке? Мы бы ведь тоже ничего бы не узнали, не проболтайся нам тетушка мисс Мелли. К тому же Скарлетт не могла не знать, что Эшли рано или поздно женится на мисс Мелли. Мы-то знаем про это давным-давно. Так уж у них повелось — у Гамильтонов и Уилксов: жениться на кузинах. Всем было известно, что Эшли когда-нибудь женится на мисс Мелли, а Милочка Уилкс выйдет замуж за ее брата Чарльза.

— Ладно, не желаю больше ломать себе над этим голову. Жаль только, что она не пригласила нас поужинать. Признаться, мне страсть как неохота ехать домой и выслушивать маменькины вопли по поводу нашего исключения из университета. А ведь пора бы ей и привыкнуть.

— Будем надеяться, что Бойду уже удалось ее умаслить. Ты же знаешь, как у этого хитреца ловко подвешен язык. Он всегда умеет ее задобрить.

— Да, конечно, но на это ему нужно время. Он будет кружить вокруг да около, пока не заговорит ей зубы и она не сложит оружие и не велит ему приберечь свое красноречие для адвокатской практики. А Бойду небось даже не удалось пока что и подступиться к ма. Бьюсь об заклад, что она все еще в таком упоении от своего нового жеребца, что о нас и думать забыла и вспомнит про наше исключение, только когда сядет ужинать и увидит за столом Бойда. Ну а к концу ужина она уже распалится вовсю и будет метать громы и молнии. А часам к десяти, и никак не раньше, Бойду удастся втолковать ей, что было бы унижительно для любого из ее сыновей оставаться в учебном заведении, где ректор позволил себе разговаривать с нами в таком тоне. И лишь к полуночи Бойд наконец так заморочит ей голову, что она взбесится и будет кричать на него — почему он не пристрелил ректора. Нет, раньше, как к ночи, нам домой лучше не соваться.

Близнецы хмуро поглядели друг на друга. Они, никогда не робевшие ни в драке, ни перед необъезженным скакуном, ни перед разгневанными соседями-плантаторами, испытывали священный трепет перед беспощадным языком своей рыжеволосой матушки и ее хлыстом, который она без стеснения пускала прогуляться по их задам.

— Знаешь что, — сказал Brent. — Давай поедем к Уилксам. Эшли и барышни будут рады, если мы поужинаем с ними.

Но Стюарт, казалось, смутился.

— Нет, не стоит к ним ехать. У них там небось дым коромыслом — готовятся к завтрашнему барбекю, и притом...

— Ах да, я и забыл, — поспешно перебил его Brent. — Нет, туда мы не поедем.

Они прищелкнули языком, трогая лошадей с места, и некоторое время ехали в полном молчании. Смуглые щеки Стюарта порозовели от смущения. До прошлого лета он усиленно ухаживал за Индией Уилкс с молчаливого одобрения своих и ее родителей и всей округи. Все жители графства полагали, что спокойная, уравновешенная Индия Уилкс может оказать благотворное влияние на этого малого. Во всяком случае, они горячо на нее уповали. И Стюарт мог бы заключить этот брачный союз, но Brentу это было не по душе. Нельзя сказать, чтобы Индия совсем не нравилась Brentу, но он все же находил ее слишком простенькой и скучной и никакими силами не мог заставить себя влюбиться в нее, чтобы составить Стюарту компанию. Впервые за всю жизнь близнецы разошлись во вкусах, и Brentа злило, что его брат оказывает внимание девушке, ничем, по его мнению, не примечательной.

А потом, прошлым летом, на политическом митинге в дубовой роще возле Джонсборо внимание обоих внезапно привлекла к себе Скарлетт О'Хара. Они дружили с ней не первый год, и еще со школьных лет она была неизменной участницей всех их детских проказ, так как скакала верхом и лазила по деревьям почти столь же ловко, как они. А теперь, к полному их изумлению, внезапно превратилась в настоящую молодую леди, и притом прелестнейшую из всех живущих на земле.

Они впервые заметили, какие искорки пляшут в ее зеленых глазах, какие ямочки играют на щеках, когда она улыбается, какие у нее изящные ручки и маленькие ножки и какая тонкая талия. Близнецы отпускали шутки, остряли, а она заливалась серебристым смехом, и, видя, что она отдает им должное, они лезли из кожи вон.

Это был памятный в их жизни день. Впоследствии, не раз возвращаясь к нему в воспоминаниях, близнецы только диву давались, как это могло случиться, что они столь долго оставались нечувствительными к чарам Скарлетт О'Хара. Они так и не нашли ответа на этот вопрос, а секрет состоял в том, что в тот день Скарлетт сама решила привлечь к себе их внимание. Знать, что кто-то влюблен не в нее, а в другую девушку, всегда было для Скарлетт сущей мукой, и видеть Стюарта возле Индии Уилкс оказалось для этой маленькой хищницы совершенно непереносимым. Не удовольствовавшись одним Стюартом, она решила заодно пленить и Brentа и проделала это с таким искусством, что ошеломила обоих.

Теперь они оба были влюблены в нее по уши, а Индия Уилкс и Летти Манро из имения Отрада, за которой от нечего делать волочился Brent, отступили на задний план. Каково будет оставшемуся с носом, если Скарлетт отдаст предпочтение одному из них, — над этим близнецы не задумывались. Когда придет срок решать, как тут быть, тогда они и решат. А пока что оба были очень довольны гармонией, наступившей в их сердечных делах, ибо ревности не было места в отношениях братьев. Такое положение вещей чрезвычайно

возбуждало любопытство соседей и раздражало их мать, недолголюбивавшую Скарлетт.

— Поделом вам обоим будет, если эта продувная девчонка надумает заарканить одного из вас, — сказала маменька. — А может, она решит, что двое лучше одного, и тогда вам придется переселиться в Юту, к мормонам... если только они вас примут, в чем я сильно сомневаюсь. Боюсь, что в один прекрасный день вы просто-напросто напьетесь и перестреляете друг друга из-за этой двуличной зеленоглазой вертушки. А впрочем, может, оно бы и к лучшему.

С того дня — после митинга — Стюарт в обществе Индии чувствовал себя не в своей тарелке. Ни словом, ни взглядом, ни намеком не дала ему Индия понять, что заметила резкую перемену в его отношении к ней. Она была слишком хорошо для этого воспитана. Но Стюарт не мог избавиться от чувства вины и испытывал поэтому неловкость. Он понимал, что вскружил Индии голову, понимал, что она и сейчас все еще любит его, а он — в глубине души нельзя было в этом не признаться — поступает с ней не по-джентльменски. Он по-прежнему восхищался ею и безмерно уважал ее за воспитанность, благородство манер, начитанность и прочие драгоценные качества, коими она обладала. Но, черт побери, она была так бесцветна, так тоскливо-однообразна по сравнению с яркой, изменчивой, очаровательно-капризной Скарлетт! С Индией всегда все было ясно, а Скарлетт была полна неожиданностей. Она могла довести своими выходками до бешенства, но в этом и была ее своеобразная прелесть.

— Давай поедем к Кэйдю Калверту и поужинаем у него. Скарлетт говорила, что Кэтлин вернулась домой из Чарльстона. Быть может, она знает какие-нибудь подробности про битву за форт Самтер.

— Это Кэтлин-то? Держу пари, она не знает даже, что этот форт стоит у входа в гавань, и уж подавно ей неизвестно, что там было полным-полно янки, пока мы не выбили их оттуда. У нее на уме одни балы и поклонники, которых она, по-моему, коллекционирует.

— Ну и что? Ее болтовню все равно забавно слушать. И во всяком случае, мы можем переждать там, пока ма не уляжется спать.

— Ладно, черт побери! Я ничего не имею против Кэтлин, она действительно забавная, и всегда интересно послушать, как она рассказывает про Кэро Ретта и всех прочих, кто там в Чарльстоне. Но будь я проклят, если усажу за столом с этой янки — ее мачехой.

— Чего ты так на нее взъелся, Стюарт? Она же полна самых лучших побуждений.

— Я на нее не взъелся — мне ее жалко, а я не люблю людей, которые вызывают во мне жалость. А она уж так хлопочет, так старается, чтобы все было как можно лучше и все чувствовали себя как дома, что непременно скажет что-нибудь невпопад. Она действует мне на нервы! И при этом она ведь считает всех нас, южан, дикарями. Даже прямо так и сказала ма. Она, видите ли, боится южан. Белеет как мел всякий раз при нашем появлении. Ей-богу, она похожа на испуганную курицу, когда сидит на стуле, прямая как палка, моргает блестящими, круглыми от страха глазами, и так и кажется, что вот-вот хлопает крыльями и закудахчет, стоит кому-нибудь пошевелиться.

— Так и неудивительно. Ты же прострелил Кэйдю ногу.

— Я был пьян, иначе не стал бы стрелять, — возразил Стюарт. — И Кэйд не держит на меня зла. Да и Кэтлин, и Рейфорд, и мистер Калверт. Одна только эта их мачеха-северянка подняла крик, что я, дескать, варвар и порядочным людям небезопасно жить среди этих нецивилизованных дикарей-южан.

— Что ж, она по-своему права. Она ведь янки, откуда ей набраться хороших манер. И в

конце-то концов, ты же все-таки стрелял в него, а он ее пасынок.

— Да черт подери, разве это причина, чтобы оскорблять меня! А когда Тони Фонтейн всадил пулю тебе в ногу, разве ма поднимала вокруг этого шум? А ведь ты ей не пасынок, как-никак — родной сын. Однако она просто послала за доктором Фонтейном, чтобы он перевязал рану, и спросила — как это Тони угораздило так промахнуться. Верно, он был пьян, сказала она. Помнишь, как взбесился тогда Тони?

И при этом воспоминании оба так и покатались со смеху.

— Да, мать у нас что надо! — с нежностью в голосе заметил Brent. — На нее всегда можно положиться — уж она-то поступит как нужно и не оконфузит тебя в глазах друзей.

— Но похоже, она может здорово оконфузить нас в глазах отца и девчонок, когда мы заявимся сегодня вечером домой, — угрюмо изрек Стюарт. — Знаешь, Brent, сдается мне, ухнула теперь наша поездка в Европу. Ты помнишь, ма сказала: если нас снова вышибут из университета, не видать нам большого турне как своих ушей.

— Ну и черт с ним, верно? Чего мы не видали в Европе? Чем, скажи на милость, могут эти иностранцы похвалиться перед нами, что у них там такое есть, чего нет у нас в Джорджии? Держу пари, что девушки у них не красивее наших и лошади не быстрее, и могу поклясться, что их кукурузному виски далеко до отцовского.

— Эшли Уилкс говорит, что у них потрясающая природа и замечательная музыка. Эшли очень нравится Европа. Он вечно про нее рассказывает.

— Ты же знаешь, что за народ эти Уилксы. Они ведь все прямо помешаны на музыке, на книгах и на красивых пейзажах. Мать говорит — это потому, что их дедушка родом из Виргинии. Она утверждает, что они все там только этим и интересуются.

— Ну и пусть забирают себе все это. А мне дайте резвую лошадь, стакан хорошего вина, порядочную девушку, за которой можно приволокнуться, и не очень порядочную, с которой можно поразвлечься, и забирайте себе вашу Европу, нужна она мне очень... Не пустят нас в это турне — ну и наплевать! Представь себе, что мы сейчас были бы в Европе, а тут, того и гляди, начнется война? Нам бы нипочем не поспеть назад! Чем ехать в Европу, я лучше пойду воевать.

— Да и я, в любую минуту... Слушай, Brent, я знаю, куда нам можно поехать поужинать: дернем-ка прямо через болота к Эйблу Уиндеру и скажем ему, что мы опять дома, все четверо, и в любую минуту готовы стать под ружье.

— Правильно! — с жаром поддержал его Brent. — И там мы уж наверняка узнаем все последние новости об Эскадроне и что они в конце концов решили насчет цвета мундиров.

— А вдруг они подумают нарядить нас, как зуавов? Будь я проклят, если запишусь тогда в их войско! Я же буду чувствовать себя девчонкой в этих широких красных штанах! Они, ей-богу, как две капли воды похожи на женские фланелевые панталоны.

— Да вы никак собрались ехать к мистеру Уиндеру? — вмешался Джимс. — Что ж, езжайте, только не ждите, что вам там добрый ужин подадут. У них кухарка померла, а новой они еще не купили. Стряпает пока одна негритянка с плантации, и мне тамошние негры сказывали, что такой поганой стряпни не видано нигде во всем белом свете.

— Вот черт! А чего ж они не купят новой поварихи?

— Да откуда у такой нищей белой швали возьмутся деньги покупать себе негров? У них сроду больше четырех рабов не было.

В голосе Джимса звучало нескрываемое презрение. Ведь его хозяевами были Тарлтоны — владельцы сотни негров, и это возвышало его в собственных глазах; подобно многим

неграм с крупных плантаций, он смотрел свысока на мелких фермеров, у которых рабов было раз-два и обчелся.

— Я с тебя сейчас шкуру за эти слова спущу! — вскричал взбешенный Стюарт. — Да как ты смеешь называть Эйбла Уиндера «нищей белой швалью»? Конечно, он беден, но вовсе не шваль, и я, черт побери, не позволю никому, ни черному, ни белому, отзываться о нем дурно. Он — лучший человек в графстве, иначе его не произвели бы в лейтенанты.

— Во-во, я и сам диву даюсь, — совершенно невозмутимо отвечивал Джимс. — По мне, так им бы надоть избрать себе офицеров из тех, кто побогаче, а не какую попало шваль.

— Он не шваль. Ты не равняй его с такой, к примеру, швалью, как Слэттери. Эйбл, правда, небогат. Он не крупный плантатор, просто маленький фермер, и если ребята сочли его достойным чина лейтенанта, не твоего ума дело судить об этом, черномазый. В Эскадроне знают, что делают.

Кавалерийский эскадрон был создан три месяца назад, в тот самый день, когда Джорджия откололась от Союза Штатов, и сразу же начался призыв волонтеров. Новая войсковая часть еще не получила никакого наименования, но отнюдь не из-за отсутствия предложений. У каждого было наготове свое, и никто не желал от него отказываться. Точно такие же споры разгорелись и по вопросу о цвете и форме обмундирования. «Клейтонские тигры», «Пожиратели огня», «Гусары Северной Джорджии», «Зуавы», «Территориальные винтовки» (последнее — невзирая на то, что кавалерию предполагалось вооружить пистолетами, саблями и охотничьими ножами, а вовсе не винтовками), «Клейтонские драгуны», «Кровавые громовержцы», «Молниеносные и беспощадные» — каждое из этих наименований имело своих приверженцев. А пока вопрос оставался открытым, все называли новое формирование просто Эскадром, и так оно и просуществовало до самого конца, хотя впоследствии ему и было присвоено некое весьма пышное наименование.

Офицеры избирались самими волонтерами, ибо, кроме некоторых ветеранов Мексиканской и Семинольской кампаний, никто во всем графстве не обладал ни малейшим военным опытом, а подчиняться приказам ветеранов, если они не вызывали к себе личной симпатии и доверия, ни у кого не было охоты. Четверо тарлтонских юношей были всем очень по сердцу так же, как и трое молодых Фонтейнов, но, к общему прискорбию, за них не пожелали голосовать, ибо Тарлтоны легко напивались и были буйны во хмелю, а Фонтейны вообще отличались вспыльчивым нравом и слыли отчаянными головорезами. Эшли Уилксу присвоили звание капитана, поскольку он был лучшим наездником графства, а его хладнокровие и выдержка могли обеспечить некое подобие порядка в рядах Эскадрона. Рейфорд Калверт был назначен старшим лейтенантом, потому что Рейфа любили все, а звание лейтенанта получил Эйбл Уиндер, сын старого траппера и сам владелец небольшой фермы.

Эйбл был огромный здоровяк, старше всех в Эскадроне по возрасту, добросердечный, не шибко образованный, но умный, смекалистый и весьма галантный в обхождении с дамами. Дух снобизма был Эскадрону чужд. Ведь в его составе насчитывалось немало таких, чьи отцы и деды нажили свое состояние, начав с обработки небольшого фермерского участка. А Эйбл был лучшим стрелком в Эскадроне, непревзойденно метким стрелком — попадал в глаз белке с расстояния в семьдесят пять ярдов, — и к тому же знал толк в бивачной жизни: был отличным следопытом, умел разжечь костер под проливным дождем и найти ключевую воду. Эскадрон оценил его по заслугам, он пришелся всем по душе, и его сделали офицером. Он принял оказанную ему честь с достоинством и без излишнего зазнайства — просто как

положенное. Однако жены и рабы плантаторов, в отличие от своих мужей и хозяев, не могли забыть, что Эйбл Уиндер выходец из низов.

На первых порах в Эскадрон набирали только сыновей плантаторов, это было подразделение джентльменов, и каждый вступал в него со своим конем, собственным оружием, обмундированием, прочей экипировкой и слугой-рабом. Но в молодом графстве Клейтон богатых плантаторов было не так-то много, и для того чтобы сформировать полноценную войсковую единицу, возникла необходимость набирать волонтеров среди сыновей мелких фермеров, трапперов, охотников за пушным зверем и болотной дичью, а в отдельных редких случаях — даже из числа белых бедняков, если они по личным достоинствам несколько возвышались над своим сословием.

Эти молодые люди так же, как и их богатые соотечественники, горели желанием сразиться с янки, если война все же начнется, — но тут возникал деликатный вопрос денежных расходов. Редко кто из мелких фермеров имел лошадей. Они возделывали свою землю на мулах, да и в этих животных у них не было излишка — в лучшем случае две-три пары. Пожертвовать своими мулами для военных нужд они не могли, даже если бы в Эскадроне возникла потребность в мулах, чего, разумеется, никак не могло произойти. А белые бедняки почитали себя на вершине благоденствия, если имели хотя бы одного мула. Что же до охотников и трапперов, то у тех и подавно не было ни лошадей, ни мулов. Они питались тем, что приносил им их клочок земли, или подстреленной дичью, а также за счет простого товарообмена; пятидолларовая бумажка раз в году являлась большой редкостью в их руках, и ни о каких лошадях и мундирах им не приходилось и помышлять. Однако они в своей бедности были столь же непреклонно горды, как плантаторы в своем богатстве, и никогда не приняли бы от богатых соседей никакой подачи, ничего хотя бы отдаленно смахивающего на милостыню. А посему, дабы сформировать Эскадрон, не уязвляя при этом ничьего самолюбия, отец Скарлетт, Джон Уилкс, Бак Манро, Джим Тарлтон, Хью Калверт и другие, а в сущности, каждый крупный плантатор графства, за исключением одного только Энгуса Макинтоша, выложили денежки на экипировку и лошадей для Эскадрона. В конечном счете каждый плантатор согласился внести деньги на экипировку своих сыновей и еще некоторого количества чужих молодцов, но все это было облечено в такую форму, что менее имущие члены Эскадрона могли получить обмундирование и лошадь без малейшего ущемления своей гордости.

Дважды в неделю Эскадрон собирался в Джонсборо — проходить строевую подготовку и молить бога, чтобы поскорее началась война. Нехватка в лошадях еще была, но те, кто уже сидел в седле, проводили — как это им представлялось — кавалерийские маневры в поле позади здания суда, поднимая облака пыли, надрывая глотки до хрипоты и размахивая саблями времен Войны за независимость, снятыми со стен гостиных или кабинетов. Те же, кто еще не обзавелся конем, сидели на приступочке перед лавкой Булларда, наблюдали за своими гарцующими на лошадях товарищами по оружию, жевали табак и делились слухами. А порой состязались в стрельбе. Особой нужды в обучении этих парней стрельбе не возникало. Большинство южан приобщались к огнестрельному оружию чуть не с колыбели, а повседневная охота на всевозможную дичь сделала каждого из них метким стрелком.

Самые разнообразные виды огнестрельного оружия поступали из домов плантаторов и хижин трапперов всякий раз, как Эскадрон объявлял сбор. Длинноствольные ружья для охоты на белок, бывшие в ходу еще в те годы, когда поселенцы впервые перевалили за Аллеганы; старые, заряжающиеся с дула мушкеты, имевшие на своем счету немало

индейских душ во времена освоения Джорджии; кавалерийские пистолеты, сослужившие службу в 1812 году в стычках с индейским племенем семинолов и в Мексиканской войне; дуэльские пистолеты с серебряной насечкой; короткоствольные крупнокалиберные пистолеты; охотничьи двустволки и красивые новые винтовки английской выделки с блестящими отполированными ложами из благородных пород дерева.

Обучение всегда заканчивалось в салунах Джонсборо, и к наступлению ночи вспыхивало столько драк, что офицеры были бессильны уговорить своих сограждан не наносить друг другу увечья — подождать, пока это сделают янки. В одной из таких стычек и всадил Стюарт Тарлтон пулю в Кэйда Калверта, а Тони Фонтейн — в Брента. В те дни, когда формировался Эскадрон, близнецы, только что изгнанные из Виргинского университета, возвратились домой и с воодушевлением завербовались в его ряды. Однако после упомянутой перестрелки, два месяца назад, их матушка снова отправила своих молодцов в университет — на этот раз в Джорджии, — с приказом: оттуда ни шагу. Пребывая там, они, к великому огорчению, пропустили радости и волнения учебных сборов и теперь сочли, что университетским образованием вполне можно пожертвовать ради удовольствия скакать верхом, стрелять и драть глотку в компании приятелей.

— Ладно, поехали к Эйблу, — решил Brent. — Мы можем переправиться через реку вброд во владениях мистера О'Хара, а потом в два счета доберемся туда через фонтейновские луга.

— Только не ждите, что вас там чем-нибудь накормят, кроме жаркого из опоссума и бобов, — бубнил свое Джимс.

— А ты вообще не получишь ничего, — усмехнулся Стюарт. — Потому как ты сейчас отправишься к ма и скажешь ей, чтоб нас не ждали к ужину.

— Ой нет, не поеду! — в ужасе вскричал Джимс. — Не поеду, и все! Больно-то мне надо, чтоб хозяйка с меня, заместо вас, шкуру спустила! Перво-наперво она спросит, как это я недоглядел, что вас опять из ученья выперли. А потом я буду виноват, что вы сейчас из дома улизнули и она не может дать вам взбучку. Вот тут она и начнет меня трепать, как утка дождевого червя, и я один стану за все в ответе. Нет уж, ежели вы не возьмете меня с собой к мистеру Уиндеру, я убегу в лес, схоронюсь там на всю ночь, и пуцай меня забирает патруль — все лучше, чем попасться хозяйке под горячую руку.

Близнецы негодуя и растерянно поглядели на исполненного решимости чернокожего мальчишку.

— С этого идиота и вправду хватит нарваться на патруль, и тогда ма не успокоится еще неделю. Честное слово, с этими черномазыми одна морока. Иной раз мне кажется, что аболиционисты не так-то уж и плохо придумали.

— Нечестно, если на то пошло, заставлять Джимса расплачиваться за нас. Придется взять его с собой. Но слушай, ты, черномазый негодник, посмей только задирать нос перед тамошними неграми и хвалиться, что у нас жарят цыплят и запекают окорока, в то время как они питаются только кроликами да опоссумами, и я... Я пожалуюсь на тебя ма. И мы не возьмем тебя с собой на войну.

— Задирать нос? Чтоб я стал задирать нос перед этими нищими неграми? Нет, сэр, я не так воспитан. Миссис Беатриса научила меня по части хороших манер, почитай что не хуже вас умею.

— Ну, в этом деле она не слишком-то преуспела — что с нами, что с тобой, — сказал Стюарт. — Ладно, поехали.

Он осадил своего крупного гнедого жеребца, а затем, дав ему шпоры, легко поднял над редкой изгородью из жердей и пустил по вспаханному полю Джералда О'Хара. Brent послал свою лошадь за гнедым жеребцом, а следом за юношами перемахнул через изгородь и Джимс, прильнув к луке и вцепившись в гриву. Джимс не испытывал ни малейшей охоты перепрыгивать через изгороди, но ему приходилось брать и более высокие препятствия, дабы не отставать от своих хозяев.

В сгущавшихся сумерках они поскакали по красным бороздам пашни и, спустившись с холма, уже приближались к реке, когда Brent крикнул брату:

— Послушай, Стю, а ведь, что ни говори, Скарлетт должна была бы пригласить нас поужинать?

— Да я все время об этом думаю! — крикнул в ответ Стюарт. — Ну а почему, как ты полагаешь?..

Когда близнецы ускакали и стук копыт замер вдали, Скарлетт, в оцепенении стоявшая на крыльце, повернулась и, словно сомнамбула, направилась обратно к покинутому креслу. Она так старалась ничем не выдать своих чувств, что лицо у нее от напряжения странно онемело, а на губах еще дрожала вымученная улыбка. Она тяжело опустилась в кресло, поджав под себя одну ногу и чувствуя, как сердцу становится тесно в груди от раздиравшего его горя. Она болезненно ощущала его короткие частые толчки и свои странно заледеневшие ладони, и чувство ужасного, непоправимого несчастья овладело всем ее существом. Боль и растерянность были написаны на ее лице — растерянность избалованного ребенка, привыкшего немедленно получать все, чего ни попросит, и теперь впервые столкнувшегося с неведомой еще теневой стороной жизни.

Эшли женится на Мелани Гамильтон!

Нет, это неправда! Близнецы что-то напутали. Или, как всегда, разыгрывают ее. Не может, не может Эшли любить Мелани. Да и кто полюбит этого бесцветного мышонка! Скарлетт с инстинктивным презрением и сознанием своего превосходства воскресила в памяти тоненькую детскую фигурку Мелани, ее серьезное личико, напоминающее своим овалом сердечко, — такое простенькое, что его можно было даже назвать некрасивым. К тому же Эшли не виделся с ней месяцами. После тех танцев в прошлом году в Двенадцати Дубах он был в Атланте не более двух раз. Нет, Эшли не любит Мелани, потому что... — вот тут уж она никак не может ошибаться — потому что он влюблен в нее, в Скарлетт! Он любит ее — это-то она знает твердо!

Скарлетт слышала, как под тяжелой поступью Мамушки в холле задрожал пол, и, поспешно выпростав из-под себя ногу, постаралась придать лицу насколько возможно безмятежное выражение. Ни под каким видом нельзя допустить, чтобы Мамушка заподозрила что-то неладное. Мамушка считала всех О'Хара своей непререкаемой собственностью, принадлежащей ей со всеми потрохами, со всеми мыслями и чувствами, и полагала, что у них не может быть от нее секретов, а потому малейшего намека на какую-либо тайну достаточно было, чтобы пустить ее по следу — неутомимую и беспощадную, словно гончая. Скарлетт по опыту знала: если только любопытство Мамушки не будет немедленно удовлетворено, она тут же побежит к хозяйке, и тогда хочешь не хочешь придется во всем признаваться или придумывать какую-нибудь более или менее правдоподобную историю.

Мамушка выплыла из холла. Эта пожилая негритянка необъятных размеров с маленькими, умными, как у слона, глазками и черной лоснящейся кожей чистокровной африканки была душой и телом предана семейству О'Хара и являлась главным оплотом хозяйки дома, грозой всех слуг и нередко причиной слез трех хозяйских дочек. Да, кожа у Мамушки была черная, но по части понятия о хороших манерах и чувства собственного достоинства она ничуть не уступала белым господам. Она росла и воспитывалась в спальне Соланж Робийяр, матери Эллин О'Хара, — изящной, невозмутимой, высокомерной француженки, одинаково жестко каравшей как детей своих, так и слуг за малейшее нарушение приличий. Будучи приставлена к Эллин, Мамушка, когда Эллин вышла замуж, прибыла вместе с ней из Саванны в Северную Джорджию. Кого люблю, того уму-разуму учу — было для Мамушки законом, а поскольку она и любила Скарлетт, и гордилась ею

безмерно, то и учить ее уму-разуму не уставала никогда.

— А где же жентмуны — никак, уехали? Как же вы не пригласили их отужинать, мисс Скарлетт? Я уже велела Порку поставить два лишних прибора. Где ваши манеры, мисс?

— Ах, мне так надоело слушать про войну, что я просто была не в состоянии терпеть эту пытку еще и за ужином. А там, глядишь, и папа присоединился бы к ним и ну громить Линкольна.

— Вы ведете себя не лучше любой негритянки с плантации, мисс, и это после всех-то наших с вашей маменькой трудов! Да еще сидите тут на ветру без шали! Сколько раз я вам толковала и толковала — попомните мое слово, схватите лихорадку, ежели будете сидеть ввечеру с голыми плечами. Марш в дом, мисс Скарлетт!

Скарлетт с деланным безразличием отвернулась от Мамушки, радуясь, что та, озабоченная отсутствием шали, не заметила ее расстроенного лица.

— Не хочу. Я посижу здесь, полюбуюсь на закат. Он так красив. Пожалуйста, Мамушка, принеси мне шаль, а я подожду здесь папу.

— Да вы, похоже, уже простыли — голос-то какой хриплый, — еще пуще забеспокоилась Мамушка.

— Вовсе нет, — досадливо промолвила Скарлетт. — Принеси мне шаль.

Мамушка заковыляла обратно в холл, и до Скарлетт долетел ее густой голос — звавший одну из горничных, прислуживавших на верхнем этаже.

— Эй, Роза! Сбрось-ка мне сюда шаль мисс Скарлетт! — Затем последовал еще более громкий возглас: — Вот безмозглое создание! Ну чтоб хоть раз был от нее какой-то прок! Нет, видать, придется самой лезть наверх!

Скарлетт услышала, как застонали ступеньки лестницы, и тихонько поднялась с кресла. Сейчас вернется Мамушка и снова примется отчитывать ее за нарушение правил гостеприимства, а Скарлетт чувствовала, что не в силах выслушивать весь этот вздор, когда сердце у нее рвется на части. Она стояла в нерешительности, раздумывая, куда бы ей укрыться, пока не утихнет немного боль в груди, и тут ее осенила неожиданная мысль, и впереди сразу забрезжил луч надежды. Отец уехал после обеда в Двенадцать Дубов с намерением откупить у них Дилси — жену Порка, его лакея. Дилси была повивальной бабкой в Двенадцати Дубах и старшей над прислугой, и Порк денно и ночью изводил хозяина просьбами откупить Дилси, чтобы они могли жить вместе на одной плантации. Сегодня Джералд, сдавшись на его мольбы, отправился предлагать выкуп за Дилси.

«Ну конечно же, — думала Скарлетт, — если это ужасное известие — правда, то папа уж непременно должен знать. Ему, разумеется, могут ничего и не сказать, но он сам заметит, если там, у Уилксов, происходит что-то необычное и все чем-то взволнованы. Мне бы только увидеться с ним с глазу на глаз до ужина, и я все разужинаю — быть может, просто эти паршивцы-близнецы снова меня разыгрывают».

Джералд с минуты на минуту должен был возвратиться домой. Значит, чтобы увидеть отца без свидетелей, надо перехватить его, когда он будет сворачивать с дороги на подъездную аллею. Скарлетт неслышно спустилась по ступенькам крыльца, оглядываясь через плечо — не следит ли за ней Мамушка из верхних окон. Не обнаружив за колеблемыми ветром занавесками широкого черного лица в белоснежном чепце и укоряющих глаз, Скарлетт решительным жестом подобрала подол своей цветастой зеленой юбки, и ее маленькие ножки в туфлях без каблуков, перехваченные крест-накрест лентами, быстро замелькали по тропинке, ведущей к подъездной аллее.

Темноголовые кедры, сплетаясь ветвями, превратили длинную, посыпанную гравием аллею в некое подобие сумрачного туннеля. Укрывшись от глаз под надежной защитой их узловатых рук, Скарлетт умерила шаг. Она с трудом переводила дыхание из-за туго затянутого корсета; бежать она не могла, но шла все же очень быстро. Вскоре она достигла конца подъездной аллеи и вышла на дорогу, но продолжала идти вперед, пока за поворотом высокие деревья не скрыли из виду усадебного дома.

Раскрасневшаяся, запыхавшаяся, она присела на поваленное дерево и стала ждать отца. Он запаздывал, но она была этому даже рада. Есть время успокоиться, отдышаться и встретить его с безмятежным видом, не возбуждая подозрений. Еще минута, и до нее долетит стук подков и она увидит: вон он бешеным, как всегда, галопом гонит коня вверх по крутому откосу. Но минуты бежали одна за другой, а Джералд не появлялся. В ожидании его она смотрела вниз с холма, и сердце у нее снова заныло.

«Нет, неправда это! — убеждала себя она. — Но почему он не едет?»

Она смотрела на вьющуюся по склону холма дорогу, багрово-красную после утреннего дождя, и мысленно прослеживала ее всю, вплоть до илистой поймы ленивой реки Флинт, и дальше вверх по холму до Двенадцати Дубов — усадьбы Эшли. Теперь в ее глазах эта дорога имела только одно значение — она вела к Эшли, к красивому дому с белыми колоннами, венчавшему холм наподобие греческого храма.

«Ах, Эшли, Эшли!» — беззвучно воскликнула она, и сердце ее заколотилось еще сильнее.

Холодное, тревожное предчувствие беды, не перестававшее терзать ее с той минуты, как близнецы принесли страшную весть, вдруг ушло куда-то в глубь сознания, будучи вытеснено уже знакомым лихорадочным жаром, томившим ее на протяжении последних двух лет.

Теперь ей казалось странным, что Эшли, вместе с которым она росла, никогда прежде не привлекал к себе ее внимания. Он появлялся и исчезал, ни на минуту не занимая собой ее мысли. И так было до того памятного дня, два года назад, когда он, возвратясь домой после своего трехгодичного путешествия по Европе, приехал к ним с визитом, и она полюбила его. Вот так вдруг полюбила, и все!

Она стояла на ступеньках крыльца, а он — в сером костюме из тонкого блестящего сукна, с широким черным галстуком, подчеркивавшим белизну его плоеной сорочки, — внезапно появился на подъездной аллее верхом на лошади. Она помнила все до мельчайших деталей: блеск его сапог, каменю с головой медузы в булавке, которой был заколот галстук, широкополую панаму, стремительным жестом снятую с головы, как только он увидел ее, Скарлетт. Он спешился, бросил поводья негритенку и стал, глядя на нее; солнце играло в его белокурых волосах, превращая их в серебряный шлем, и его мечтательные серые глаза улыбались ей. Он сказал: «О, вы стали совсем взрослой, Скарлетт!» И, легко взбежав по ступенькам, поцеловал ей руку. Ах, этот голос! Никогда не забыть ей, как забилося ее сердце при звуках этого медлительного, глубокого, певучего, как музыка, голоса. Так забилося, словно она слышала его впервые.

И в этот самый миг в ней вспыхнуло желание. Она захотела, чтобы он принадлежал ей, захотела не рассуждая, так же естественно и просто, как хотела иметь еду, чтобы утолить голод, лошадь, чтобы скакать верхом, мягкую постель, чтобы на ней покоиться.

Два года он сопровождал ее на балы и на теннисные матчи, на рыбную ловлю и на пикники, разъезжал с ней по всей округе, хотя и не столь часто, как братья-близнецы Тарлтоны или Кэйд Калверт, и не был столь назойлив, как братья Фонтейны, и все же ни

одна неделя не проходила без того, чтобы Эшли Уилкс не появился в поместье Тара.

Правда, он никогда не домогался ее любви и в его ясном сером взоре никогда не вспыхивало того пламени, которое она привыкла подмечать в обращенных на нее взглядах других мужчин. И все же... все же... она знала, что он любит ее. Тут она ошибиться не могла. Ей говорил это ее инстинкт — тот, что пронизательнее рассудка и мудрее жизненного опыта. Часто она исподтишка ловила на себе его взгляд, в котором не было присущей ему отрешенности, а какая-то неутоленность и загадочная для нее печаль. Она знала, что Эшли любит ее. Так почему же он молчал? Этому она понять не могла. Впрочем, она многого в нем не понимала.

Он всегда был безупречно внимателен к ней — но как-то сдержанно, как-то отчужденно. Никто, казалось, не мог проникнуть в его мысли, а уж Скарлетт и подавно. Эта его сдержанность всех выводила из себя — ведь здесь все привыкли сразу выпаливать первое, что приходило на ум. В любых традиционных развлечениях местной молодежи Эшли никому не уступал ни в чем: он был одинаково ловок и искусен и на охоте, и на балу, и за карточным столом, и в политическом споре, и считался, притом бесспорно, первым наездником графства. Но одна особенность отличала Эшли от всех его сверстников: эти приятные занятия не были смыслом и содержанием его жизни. А в своем увлечении книгами, музыкой и писанием стихов он был совершенно одинок.

О боже, почему же этот красивый белокурый юноша, такой изысканно, но холодно-учтивый, такой нестерпимо скучный со своими вечными разглагольствованиями о европейских странах, о книгах, о музыке, о поэзии и прочих совершенно неинтересных вещах, был столь притягателен для нее? Вечер за вечером Скарлетт, просидев с Эшли в сумерках на крыльце допоздна, долго не могла потом сомкнуть глаз и находила успокоение лишь при мысли о том, что в следующий вечер он, несомненно, сделает ей предложение. Но вот наступал следующий вечер, а за ним еще следующий, и все оставалось по-прежнему. А сжигавшее ее пламя разгоралось все жарче.

Она любила его и желала, но он был для нее загадкой. Все в жизни представлялось ей непреложным и простым — как ветры, дующие над плантацией, как желтая река, омывающая холм. Все сложное было ей чуждо и непонятно, и такой суждено ей было оставаться до конца дней своих. А сейчас впервые судьба столкнула ее лицом к лицу с натурой несравненно более сложной, чем она.

Ибо Эшли был из рода мечтателей — потомок людей, из поколения в поколение посвящавших свой досуг раздумьям, а не действиям, упивавшихся радужными грезами, не имевшими ничего общего с действительностью. Он жил, довольствуясь своим внутренним миром, еще более прекрасным, на его взгляд, чем Джорджия, и лишь нехотя возвращался к реальной действительности. Взирая на людей, он не испытывал к ним ни влечения, ни антипатии. Взирая на жизнь, он не омрачался и не ликовал. Он принимал существующий миропорядок и свое место в нем как нечто данное, раз и навсегда установленное, пожимал плечами и возвращался в другой, лучший мир — к своим книгам и музыке.

Скарлетт не понимала, как мог он, чья душа была для нее потемки, околдовать ее. Окружавший его ореол тайны возбуждал ее любопытство, как дверь, к которой нет ключа. Все, что было в нем загадочного, заставляло ее лишь упорнее тянуться к нему, а его необычная сдержанная обходительность лишь укрепляла ее решимость полностью им завладеть. Она была молода, избалованна, она еще не знала поражений и ни секунды не сомневалась в том, что рано или поздно Эшли попросит ее стать его женой. И вдруг как гром

среди ясного неба — эта ужасная весть. Эшли сделал предложение Мелани! Да нет, не может быть!

Как же так! Ведь не далее как на прошлой неделе, когда они в сумерках возвращались верхом с прогулки, он неожиданно произнес: «Мне нужно сказать вам нечто очень важное, Скарлетт, но я просто не знаю, с чего начать».

У нее бешено заколотилось сердце от сладкого предчувствия, и, понимая, что желанный миг наконец настал, она скромно опустила глаза, но тут Эшли прибавил: «Впрочем, нет, не сейчас. Мы уже почти дома, у нас не будет времени на разговор. Ах, какой же я трус, Скарлетт!» И, прищипнув коня, он следом за ней взлетел на холм, к усадьбе.

Сидя на поваленном дереве, Скарлетт вспомнила эти слова, переполнившие ее тогда такой радостью, и внезапно они обрели для нее совсем иной, ужасный смысл. А может быть, он просто хотел сообщить, что обручен с другой?

Господи! Хоть бы папа вернулся! Она не в силах была больше выносить это состояние неизвестности. Снова и снова нетерпеливо вглядывалась она в даль, но все было напрасно.

Солнце уже закатилось, и багряный край небес поблек, став тускло-розовым; лазурь над головой постепенно окрашивалась в нежные, зеленовато-голубые, как яйцо зорьки, тона, и таинственная сумеречная тишь природы неслышно обступала Скарлетт со всех сторон. Призрачный полумрак окутывал землю. Красные борозды пахоты и красная лента дороги, утратив свой зловеще-кровавый оттенок, превратились в обыкновенную бурюю землю. На выгоне, по ту сторону дороги, лошади, коровы и мулы тихо стояли возле изгороди в ожидании, когда их погонят к конюшням, коровникам и к ужину. Их пугал темный силуэт зарослей вдоль реки, и они прядали ушами в сторону Скарлетт, словно радуясь соседству человека.

В этом призрачном полумраке высокие сосны в пойме реки, такие сочно-зеленые при свете дня, казались совершенно черными на блеклой пастели неба — могучие, величественные гиганты, они стояли сомкнутым строем, преграждая доступ к неспешно бегущей желтой воде. Белые трубы усадьбы Уилксов на том берегу реки, на холме, меркли все больше среди густой темной зелени дубов, и только мерцавшие кое-где огоньки зажженных к ужину ламп манили на ночлег.

Влажное, теплое дыхание весны, напоенное запахом свежевспаханной земли и молодых, рвущихся к небу побегов, сладко обволакивало Скарлетт.

Весна, закаты, нежно-зеленая поросль никогда не пробуждали в душе Скарлетт ощущения чуда. Прекрасное было повседневностью, частицей жизни, как воздух, как вода. Ее сознание было восприимчиво к красоте лишь вполне конкретных, осязаемых предметов — породистых лошадей, женских лиц, нарядных одеяний... И все же торжественная тишина этих сумерек, спустившихся на возделанные земли Тары, принесла успокоение ее взбаламученной душе. Она любила эту землю — любила безотчетно и беззаветно, как любила лицо матери, склоненное в молитве при свете лампы.

А Джералда все еще не было видно на безлюдной извилистой дороге. Если сидеть здесь и ждать, Мамушка, без сомнения, отыщет ее и прогонит в дом. Продолжая вглядываться в уходящую во мрак дорогу, она вдруг услышала стук копыт, долетевший от подножия холма со стороны выгона, и увидела разбегающихся в страхе коров и лошадей. Джералд О'Хара возвращался домой напрямик через поля и гнал коня во весь опор.

Он взлетел на холм на своем плотном, длинноногом гунтере, похожий издали на мальчишку, оседлавшего коня себе не по росту. Седые волосы его стлались на скаку по ветру,

он стегал лошадь хлыстом и понукал криком.

Забыв на мгновение о снедавшей ее тревоге, Скарлетт с гордостью и нежностью любовалась отцом, ибо, что ни говори, а Джералд О'Хара был лихим наездником.

«Стоит ему выпить, и его тут же понесет махать через изгороди, — подумала Скарлетт. — А ведь как раз на этом месте в прошлом году он вылетел из седла и сломал ногу. Хороший вроде бы получил урок. Да еще клятвенно обещал маме прекратить эти штуки».

Скарлетт не испытывала ни малейшего страха перед отцом. Он был как бы ее сверстником — даже больше, чем сестры, — ведь Джералд, словно мальчишка, любил втайне от жены скакать по полям напрямик, а Скарлетт — тоже большая охотница до всяких эскапад — была его верной союзницей против Мамушки. Она поднялась с дерева — поглядеть, как он будет прыгать.

Высокий жеребец приблизился к ограде и, подобравшись, без малейшего, казалось, усилия взял препятствие под ликующие возгласы седовласого всадника, махавшего в воздухе хлыстом. Не замечая дочери, стоявшей в тени под деревьями, Джералд одобрительно потрепал лошадь по холке и свернул на дорогу.

— Любому коню в округе дашь сто очков, а может, и во всем штате, — гордо поведал он своему жеребцу, и ирландский акцент, от которого ему так и не удалось избавиться за все тридцать девять лет жизни в Америке, отчетливо прозвучал в его речи. Затем он поспешно принялся приглаживать волосы и оправлять мятую, выбившуюся из-за пояса сорочку и съехавший набок галстук. Скарлетт понимала, что эти прихорашивания нужны для того, чтобы предстать перед женой в таком виде, какой подобает джентльмену, степенно возвратившемуся домой верхом после визита к соседям. И тут же она сообразила, что это дает ей повод начать разговор, не открывая истинной цели своего появления здесь.

Она звонко рассмеялась. Джералд, как она и ожидала, вздрогнул от неожиданности, затем увидел ее и придержал жеребца; вид у него сделался сконфуженный и вместе с тем вызывающий. Он спешил с трудом — поврежденное колено еще давало о себе знать — и, ведя лошадь в поводу, направился к дочери.

— Так-так, мисс, — сказал он и ущипнул ее за щеку, — вы, значит, взялись шпионить за мной и, совсем как ваша сестрица Сьюлин на прошлой неделе, побежите жаловаться маменьке?

Голос его звучал негодуяще и в то же время жалобно, и Скарлетт, желая немного подразнить его, насмешливо прищелкнула языком и потянулась поправить ему галстук. На нее пахло крепким запахом виски и более слабым — свежей мяты. И еще пахло жевательным табаком, кожей и лошадьми. Этот с детства любимый запах был всегда связан в ее представлении с отцом, но безотчетно нравился ей и как принадлежность других мужчин.

— Нет, па, я же не ябеда вроде Сьюлин, — заверила она отца и, отступив на шаг, окинула его оценивающим взглядом, дабы удостовериться, что все в порядке.

Джералд был невысок ростом — чуть больше пяти футов, — но обладал таким массивным торсом и могучей шеей, что сидя производил впечатление крупного мужчины. Этот могучий торс держался на двух коротких, но чрезвычайно крепких ногах, неизменно обутих в сапоги из самой лучшей кожи и столь же неизменно широко расставленных, как у задиристого мальчишки. Низкорослые мужчины обычно кажутся немного смешными, если начинают пыхтеть и напускать на себя важность, но бойцовский петух, даже если он мал, всегда пользуется уважением на птичьем дворе, и то же самое можно было сказать о Джералде О'Хара. Ни одному самому отчаянному смельчаку не пришло бы в голову

отозваться о Джералде О'Хара как о смешном маленьком коротышке.

Ему уже стукнуло шестьдесят, и его жесткие курчавые волосы выбелила и посеребрила седина, но на лукавом лице этого жизнелюбца еще не обозначилось морщин, а небольшие голубые глаза были по-прежнему молоды и взгляд юношески безмятежен и тверд, ибо Джералд О'Хара не привык терзать свой мозг отвлеченными проблемами, выходящими за пределы целесообразности прикупа или блефа при игре в покер. И более типичную ирландскую физиономию — широкоскулую, краснощекую, большеротую, курносую и воинственную — не так-то легко было бы сыскать на всем пространстве его далекой, давно покинутой родины.

А под этой холерической внешностью скрывалось нежнейшее из сердец. Вопли раба, получавшего, быть может, и заслуженную порку, детский плач или жалобное мяуканье котенка были невыносимы для его ушей. Но пуще всего на свете он страшился, как бы эта его слабость не была кем-нибудь подмечена, и даже не подозревал, что через пять минут знакомства с ним его доброта бросалась в глаза каждому: такое открытие нанесло бы самолюбию Джералда чувствительнейший удар. Ведь ему казалось, что, заслышав громовые раскаты голоса хозяина, все, трясаясь от страха, опрометью бросаются исполнять его волю. Он был далек от мысли о том, что только одному голосу — негромкому голосу его жены — повиновалось все в поместье. Это должно было навеки остаться для него тайной, ибо все, начиная с Эллин и кончая самым тупым негритенком, были участниками безмолвного деликатного заговора: хозяин должен считать, что здесь его слово — закон.

А уж Скарлетт бурные вспышки его гнева не пугали и подавно. Она была старшей из детей Джералда, и теперь, когда трое его сыновей лежали в могилах на семейном кладбище и стало очевидно, что он уже не будет иметь наследника, у него мало-помалу образовалась привычка беседовать со Скарлетт как мужчина с женщиной, что весьма льстило ее тщеславию, и она полюбила эти беседы. Скарлетт больше походила характером на отца, чем ее сестры — мечтательная, хрупкая Кэррин, в крещении Кэролайн-Айрин, и изящная Сьюлин, крещенная Сюзен-Элиноор, чрезвычайно гордившаяся своими аристократическими манерами.

Более того — Джералда и Скарлетт связывали узы взаимного укрывательства. Если Джералд ловил Скарлетт на месте преступления, когда она, ленись прогуляться полмили до ворот, перелезала через ограду или засиживалась допоздна на ступеньках крыльца с очередным поклонником, он самолично яростно отчитывал ее, но никогда не сообщал об этом ни Эллин, ни Мамушке. Если же Скарлетт видела, что отец, невзирая на данное жене обещание, скачет верхом через изгороди, или ненароком узнавала от местных кумушек подлинную сумму его карточного проигрыша, она, в свою очередь, тоже воздерживалась за ужином от упоминания об этих его провинностях, не в пример Сьюлин, выдававшей его секреты с делано невинным видом. Джералд и Скарлетт торжественно заверяли друг друга, что все эти мелочи только зря взволновали бы Эллин и посему никакая сила на свете не заставит их ранить ее нежные чувства.

Скарлетт, взглядываясь в смутно различимое в меркнущем свете лицо отца, безотчетно почувствовала себя увереннее от его близости. Его грубоватая простота, исходившая от него жизненная сила находили в ней живой отклик. Будучи от природы совершенно неспособной к самоанализу, она не отдавала себе отчета в том, что те же свойства присущи и ей, несмотря на все усилия Эллин и Мамушки, пытавшихся на протяжении шестнадцати лет перекроить ее на свой лад.

— Ну, теперь у вас вполне благопристойный вид, — сказала она, — и если вы будете держать язык за зубами, никто не заподозрит, что вы опять откалывали свои номера. Хотя, после того как вы в прошлом году сломали ногу, прыгая через эту самую изгородь, мне кажется...

— Не хватало еще, черт побери, чтобы я получал указания от дочери, через что мне дозволено прыгать, — загремел Джералд, снова ущипнув ее за щеку. — Моя шея, надо полагать, это моя шея, и только моя. А вот что вы, мисс, делаете здесь, да еще в таком виде, без шали?

Понимая, что отец пользуется своим излюбленным способом, чтобы увильнуть от неприятного разговора, Скарлетт сказала, беря его под руку:

— Я дожидалась вас. Я же не знала, что вы так задержитесь. Мне хотелось узнать, удалось ли вам купить Дилси.

— Купил, купил. Отвалил за нее больше денег, чем мне по карману. И ее купил, и эту ее девчонку, Присси. Джон Уилкс хотел мне их подарить, но Джералд О'Хара никогда не допустит, чтобы про него говорили, будто он способен использовать дружбу в корыстных целях при заключении торговой сделки. Я заставил Джона взять с меня за них три тысячи.

— Боже милостивый, неужели три тысячи, папа! И совершенно ни к чему было покупать еще и Присси!

— Вот как! Оказывается, я уже дожил до того, что мои поступки выносятся теперь на суд моей дочери? — высокопарно изрек Джералд. — Присси — славная девчушка, и посему...

— Я прекрасно ее знаю. Хитрое, глупое создание, — спокойно стояла на своем Скарлетт, нимало не испугавшись взрыва его негодования. — И купили вы ее только потому, что об этом просила Дилси.

Очередной раз уличенный в добром поступке, Джералд, как всегда, смутился и обескураженно умолк, а Скарлетт откровенно рассмеялась над его бесхитростной ложью.

— Ну и что с того? А какой был бы толк покупать Дилси, если бы она все время убивалась из-за дочки? Ладно, больше ни одному своему негру не позволю жениться на негритянке с чужой плантации. Слишком дорого обходится. Однако пора, пошли ужинать, малышка.

Сумрак сгущался, последние зеленоватые отблески заката догорели на небе, и в теплом, напоенном весенними ароматами воздухе уже ощущалась ночная прохлада. Но Скарлетт медлила, не зная, как навести разговор на Эшли так, чтобы отец не разгадал ее мыслей. Это было непросто, ибо Скарлетт отнюдь не отличалась изворотливостью ума, и Джералд столь же легко распознавал ее уловки, как она — его, и не проявлял при этом особого такта.

— Как они там все в Двенадцати Дубах?

— Да как обычно. Заезжал Кэйд Калверт, и, покончив насчет Дилси, мы посидели на веранде, выпили пунша. Кэйд только что вернулся из Атланты, а там все очень взволнованы слухами о войне, только и разговору что об этом...

Скарлетт вздохнула. Если Джералд пустился рассуждать о войне и выходе Джорджии из Союза Штатов, этого хватит на целый час. Она прервала его, направив разговор в другое русло:

— А о завтрашнем барбекю разговора не было?

— Говорили, припоминаю. Мисс... постой, как же ее звать-то, ну, ты знаешь, славная такая малютка, двоюродная сестричка Эшли, та, что была у нас в прошлом году... Вспомнил

— мисс Мелани Гамильтон! Она только что приехала из Атланты со своим братом Чарльзом и...

— О, вот как! Уже приехала?..

— Да, да, приехала. Очень милое создание, держится так скромно, как и подобает девушке. Ну, пошли же, чего ты опять стала, твоя маменька хватится нас.

Сердце Скарлетт упало. Она еще питала безрассудную надежду, что какие-нибудь обстоятельства помешают Мелани Гамильтон покинуть родную Атланту, но похвалы отца, расточаемые всему, что в этой девушке было так чуждо ей самой, заставили ее пойти напролом:

— А Эшли тоже был там?

— И Эшли был. — Джералд выпустил руку дочери и, повернувшись, пытливо на нее поглядел. — За этим ты сюда и пришла? К чему же ходить вокруг да около?

Скарлетт растерялась и с досадой почувствовала, что краснеет.

— Что ж ты молчишь?

Она по-прежнему не проронила ни звука, сожалея в душе, что отца нельзя схватить за плечи, тряхнуть, заставить замолчать.

— Он был там и очень ласково расспрашивал о тебе, так же как и его сестры, и все выражали надежду, что ты непременно побываешь у них завтра на барбекю. И я, — не без лукавства добавил он, — заверил их, что, конечно, ничто не может тебе помешать. А теперь выкладывай, что у тебя с Эшли?

— Ничего, — сказала Скарлетт и потянула его за рукав. — Пошли домой, папа.

— Так. Теперь ты заторопилась домой, — промолвил он. — Ну а я намерен теперь стоять здесь, пока ты мне все не объяснишь. Последнее время с тобой, похоже, творится что-то неладное. Он что, заигрывал с тобой? Может, делал тебе предложение?

— Нет! — отрезала Скарлетт.

— И не сделает, — сказал Джералд.

Скарлетт вспыхнула, но Джералд властным жестом не дал ей заговорить.

— Помолчите, мисс! Сегодня Джон Уилкс сообщил мне под большим секретом, что Эшли женится на мисс Мелани. И завтра будет объявлена их помолвка.

Рука Скарлетт, вцепившаяся в его рукав, безжизненно повисла. Значит, это все-таки правда!

Боль, словно хищный зверь, вонзила когти в ее сердце. Она перехватила взгляд отца — и уловила в нем и сострадание, и досаду: эта проблема была совсем не по его части, и он не знал, как к ней подступить. Любя дочь, он вместе с тем чувствовал себя не в своей тарелке из-за того, что Скарлетт вынуждала его улаживать ее детские беды. Эллин — та знает, как в таких случаях надлежит поступать. Скарлетт следовало бы обратиться к матери.

— Зачем ты выставляешь себя на посмешище — позоришь и себя, и всех нас? — заговорил он, как всегда в минуты волнения повышая голос. — Вешаешься на шею парню, который тебя знать не хочет? А ведь к тебе готов посвататься любой самый видный жених в графстве.

Гнев и оскорбленная гордость заглушили на мгновение боль.

— Я не вешалась ему на шею. Просто эта новость удивила меня.

— А ведь ты врешь! — сказал Джералд и, взглядевшись в ее убитое горем лицо, добавил в порыве доброты и жалости: — Прости меня, доченька. Но ведь ты же еще ребенок, и поклонников у тебя хоть пруд пруди.

— Маме было пятнадцать лет, когда она выходила за вас замуж, а мне ведь уже шестнадцать, — глухо пробормотала Скарлетт.

— Твоя мать другое дело, — сказал Джералд. — Она никогда не была такой вертихвосткой, как ты. Ну-ну, дочка, голову выше! На будущей неделе мы с тобой поедем в Чарльстон к твоей тетушке Евлалии, и ты как послушаешь, что они там рассказывают про форт Самтер, так тут же и думать перестанешь о своем Эшли.

«Он считает меня ребенком, — подумала Скарлетт. Горе и досада на отца сковали ей язык. — Куплю ей, дескать, новую погребушку, и она забудет, что набила себе на лбу шишку!»

— И нечего смотреть на меня бешеными глазами, — сказал Джералд. — Будь у тебя в голове побольше мозгов, давно могла бы выйти замуж хоть за Брента, хоть за Стюарта Тарлтона. Подумай-ка над этим, дочка. Выходи замуж за одного из близнецов, и мы с Джимом Тарлтоном соединим наши плантации, а для тебя построим красивый дом как раз посередине, на границе между ними, там, где большая сосновая роща, и...

— Да перестаньте вы разговаривать со мной, как с ребенком! — не выдержала Скарлетт. — Не хочу я ехать ни в какой Чарльстон, и не нужен мне ваш дом, и не желаю я выходить замуж ни за одного из близнецов! Никто мне не нужен, кроме...

Она прикусила язык, но, увы, слишком поздно.

Голос Джералда звучал на этот раз странно спокойно, и слова падали медленно, словно он раздумчиво выбирал их из того запаса, к которому редко приходилось прибегать.

— Никто, значит, тебе не нужен, кроме Эшли, а его-то ты получить и не можешь. И если бы даже он захотел жениться на тебе, я бы с большой неохотой дал свое согласие, хотя Джон Уилкс и лучший мой друг. — И, видя, что его слова поразили Скарлетт, он добавил: — Я хочу видеть мою дочь счастливой, а ты никогда не была бы счастлива с ним.

— О да, да, я была бы счастлива! Очень!

— Нет, дочка, никогда. Чтобы брак был счастливым, муж и жена должны быть из одного теста.

У Скарлетт едва не слетели с языка неосторожные слова: «Но вы же счастливы, хотя совсем не из одного теста с мамой», — однако она вовремя удержалась, понимая, что за подобную наглость может заработать пощечину.

— Уилксы совсем другого сорта люди, не такие, как мы, — продолжал Джералд, все так же медленно подбирая слова. — Да они и ни на кого во всей нашей округе не похожи, я таких, как они, больше и не встречал нигде. Они — странный народ, и это хорошо, что в их роду так повелось — жениться на своих двоюродных сестрах и оставлять, так сказать, все свои странности при себе.

— Да нет же, папа, Эшли вовсе не...

— Придержи язык, котенок! Ничего плохого я про этого малого сказать не хочу, он мне нравится. Я говорю «странный» не в смысле поврежденный в уме. И таких подвигов, как за Калвертами, которые могут просадить на скачках все состояние, или как за Тарлтонами, у которых один-два пьяницы в каждом поколении, или как за Фонтейнами, которые все отпетые буйаны и готовы пристрелить человека за любую безделицу, — таких подвигов за ним, конечно, не водится. Но только это все обычные дела, каждому понятные, и если бог уберег от такого Джералда О'Хара, так это ему просто повезло! И опять же я вовсе не считаю, что Эшли стал бы тебя поколачивать или наставлять тебе рога. Впрочем, это бы еще полбеда, потому что тут ты, может, сумела бы его понять. Но он совсем по-особому

странный человек, и понять его невозможно. Я его люблю, но зарежь меня, если я понимаю хоть половину из того, что он говорит. Ну скажи мне, доченька, скажи положи руку на сердце, ты что-нибудь понимаешь во всей этой галиматье, которую он несет про книжки, музыку, стихи, картины и прочую чепуховину?

— Ах, папа, — нетерпеливо вскричала Скарлетт, — будь я его женой, со мной он стал бы совсем иным!

— Вот оно что, ты так полагаешь? — язвительно промолвил Джералд, бросив на нее испытующий взгляд. — Плохо же ты знаешь мужчин, не говоря уже об Эшли. Ни одна жена на всем свете не сумела еще переделать мужа, и советую тебе зарубить это себе на носу. А уж чтоб переделать кого-нибудь из Уилксов — да тут сам всемогущий Бог тебе не поможет, дочка! Весь род у них такой, такими они были испокон веков. И такими, верно, и останутся. Говорю тебе — это у них в крови. Ты что, не видишь, как они носятся то в Нью-Йорк, то в Бостон — послушать оперу или поглядеть на какие-то там масляные полотна. И целыми ящиками заказывают себе у янки французские и немецкие книжки. А потом дни и ночи просиживают за этими книжками или раздумывают бог весть о чем, вместо того чтобы поехать на охоту или составить партию в покер, как подобает настоящим мужчинам.

— Во всем графстве никто лучше не сидит в седле, чем Эшли! — вне себя воскликнула Скарлетт, глубоко задетая тем, что ее любимого заподозрили в недостатке мужественности. — Никто, разве что его отец. И кто, как не Эшли, всего на прошлой неделе выставил вас в Джонсборо на двести долларов в покер?

— Откуда тебе известно, что на двести, — калвертские мальчишки опять распустили язык? — сердито пробормотал Джералд. — Эшли никому не уступит ни в седле, ни за карточным столом — разве я против этого спорю, дочка? Да и во хмелю он крепок — любого из тарлтонских мальчишек свалит под стол. Это все так, да только у него к этому вовсе не лежит душа. Вот почему я говорю, что странный он человек.

Скарлетт молчала. У нее стало еще тяжелее на сердце. Ей нечего было возразить отцу, она понимала, что он прав. Эшли несколько не тянуло ко всем этим лихим забавам, в которых он принимал участие с таким блеском. Он просто проявлял вежливый интерес к тому, чему другие отдавали душу.

Правильно разгадав причину ее молчания, Джералд потрепал ее по плечу и торжествующе произнес:

— Вот видишь, Скарлетт. Ты сама понимаешь, что я прав. Ну на что тебе такой муж, как Эшли? У всех у них мозги набекрень, у этих Уилксов. — И, помолчав, прибавил вкрадчиво: — А Тарлтонов я просто так помянул, не нравятся — не надо. Они славные парни, но если тебе больше по сердцу Кэйд Калверт, то, по мне, и он хорош. Калверты все — добрый народ, хоть старик и взял себе в жены янки. А когда пробьет мой час... Слушай, детка! Я завещаю Тару тебе и Кэйдду...

— Не пойду я за Кэйда, хоть меня озолоти! — со злостью выкрикнула Скарлетт. — И перестаньте же навязывать его мне, слышите! И не нужна мне ваша Тара и ваши дурацкие плантации. К чему все это, если...

Она хотела сказать: «если я не могу иметь того, кого хочу», но Джералд, ужаленный в самое сердце пренебрежением, с каким был отвергнут его великодушный дар — его Тара, которая, не считая, разумеется, Эллин, была ему дороже всего на свете, не дал ей договорить:

— От вас ли я это слышу, Скарлетт О'Хара! По-вашему, значит, Тара — ничего не стоящий клочок земли?..

Скарлетт упрямо мотнула головой. Она была так несчастна, что ей уже было все равно — отец рассвирепеет, ну и пусть...

— Земля — единственное на свете, что имеет ценность, — воскликнул Джералд, вне себя от возмущения воздев над головой свои короткие руки, словно призывая небо в свидетели, — потому что она — единственное, чтоечно, и не мешало бы тебе зарубить себе это на носу! Единственное, ради чего стоит трудиться, за что стоит бороться... И умереть!

— Ах, папа, — презрительно молвила Скарлетт, — вы рассуждаете, как настоящий ирландец!

— А разве я когда-нибудь этого стыдился? Напротив, я этим горжусь. И вы тоже наполовину ирландка, не забывайте, мисс! А для того, у кого есть хоть капля ирландской крови в жилах, его земля — это то же, что родная мать. И мне сейчас стыдно за тебя. Я предложил тебе в дар прекраснейшую из всех земель, не считая, конечно, графства Мит в Старом Свете, а ты что? Презрительно фыркнула!

Джералд в своем праведном гневе распалялся все больше и больше, но что-то в потухшем лице Скарлетт заставило его изменить тон.

— Впрочем, ты еще молода. Она еще пробудится в тебе — любовь к своей земле. Иначе и быть не может, ведь ты тоже ирландка. А сейчас ты еще ребенок, и у тебя одни мальчишки на уме. Станешь постарше, сама все поймешь... А пока подумай насчет Кэйда, или одного из близнецов, или кого-нибудь из сынков Эвана Манро, и ты увидишь, какую шикарную я тебе закачу свадьбу!

— Ах, папа!

Но разговор этот уже донельзя утомил Джералда, и терпение его истощилось — надо же, чтобы все это свалилось именно на его плечи! И особенно досадно было то, что Скарлетт все еще казалась удрученной, после того как он предложил ей на выбор лучших женихов графства и Тару в придачу. Джералд привык, чтобы его дары принимались с благодарными поцелуями и аплодисментами.

— Ну, хватит дуться, мисс. Кого ты выберешь себе в мужа — не имеет большого значения, если это будет джентльмен, южанин и человек достойный. А любовь приходит к женщине уже в браке.

— Ах, папа, какие у вас старомодные взгляды!

— И очень правильные, кстати! На что нам вся эта любовная чепуха на новомодный манер, все эти браки по любви, как у слуг или как у янки! Лучшие браки — это те, когда родители сами выбирают супруга для своей дочери. Ну разве может такая глупышка, как ты, разобраться, где хороший человек, а где негодяй? Погляди хоть на Уилксов. Откуда в них такая сила, такое достоинство — у всех, из поколения в поколение? Да потому, что они заключают браки среди своей родни, женятся на двоюродных сестрах — так уж у них заведено.

— Ах, боже мой! — вскричала Скарлетт.

Слова отца снова разбередили рану, напомнив ей о неотвратимости предстоящего союза.

Джералд беспомощно потоптался на месте, глядя на ее понурюю голову.

— Да ты никак ревешь? — спросил он, неуклюже взяв ее за подбородок и стараясь запрокинуть ей голову, и сам уже чуть не плача от жалости.

— Нет! — выкрикнула она, резко отстраняясь от него.

— Ты лжешь, и за это я тобой горжусь. Я рад, что в тебе есть гордость, котенок. И завтра

на этом барбекю ты должна держаться гордо. Не хватает только, чтобы тебя подняли на смех и по всей округе пошли сплетни, что ты бегаешь за парнем, который никогда не предлагал тебе ничего, кроме дружбы.

«И вовсе это не так, — с грустью думала Скарлетт. — Я для него не просто друг, я же знаю. Я чувствую это. Будь у меня еще хоть немножко времени, я бы заставила его заговорить... Все ведь это только потому, что у этих Уилксов принято жениться на кухнях!»

Джералд взял ее руку и продел под свой локоть.

— А теперь мы пойдем ужинать, и весь этот разговор останется между нами. Я не хочу расстраивать твою мать и тебе не советую. А ну-ка, давай, дочка, высморкайся.

Скарлетт высморкалась в свой истерзанный носовой платок, и они рука об руку зашагали по темной аллее, а лошадь медленно пошла за ними. Возле дома Скарлетт хотела было снова что-то сказать, но тут на ступеньках крыльца она различила фигуру матери. Эллин была в шляпе, шали и митенках, а за ее спиной, с лицом мрачнее тучи, держа в руках черную кожаную сумку с бинтами и лекарствами, стояла Мамушка. Эту сумку Эллин О'Хара всегда брала с собой, когда на плантации кто-нибудь заболел и она шла оказать больному помощь. В минуты возмущения и без того оттопыренная нижняя губа Мамушки выпячивалась еще дальше, и Скарлетт с одного взгляда поняла: что-то вызвало неодобрение Мамушки и она вся кипит.

— Мистер О'Хара! — заметив их приближение, окликнула мужа Эллин. Мать Скарлетт принадлежала к тому поколению, которое считало необходимым соблюдать известный декорум в отношениях между супругами, даже после семнадцати лет брака, увенчанного появлением на свет шестерых детей. — Мистер О'Хара, у Слэттери беда: Эмми разрешилась от бремени, но ребенок умирает, и его надо окрестить. Мы с Мамушкой хотим пойти туда поглядеть, чем можно помочь.

В голосе ее звучала вопросительная интонация, словно она спрашивала у Джералда согласия, что, разумеется, было простой формальностью, но чрезвычайно льстило Джералду.

— Час от часу не легче! — сразу вспыхнул Джералд. — Неужели эта белая рвань не может дать нам спокойно поужинать! А мне как раз не терпится рассказать вам, что говорят в Атланте о войне! Что ж, ступайте, миссис О'Хара, вы же иначе не сомкнете глаз до утра — все будете терзаться, что у кого-то беда, а вас там не было.

— Да она только голову на подушку и тут же опять вскочит и бежать. То надо какого-то негра полечить, то кого-то из этих белых бедняков, будто уж они сами о себе позаботиться не могут! — глухо проворчала Мамушка, спускаясь с крыльца и направляясь к стоявшей в боковой аллее коляске.

— Замени меня за столом, дорогая, — сказала Эллин, и ее обтянутая митенкой рука нежно коснулась щеки Скарлетт.

Немеркнущая магия этого прикосновения, тонкий аромат сухих духов лимонной вербены и легкий шелест шелкового платья, как всегда, трепетом отозвались в сердце Скарлетт, несмотря на душившие ее слезы. В присутствии Эллин у Скарлетт захватывало дух — мать была неким чудом, по странному волшебству обитающим под одной с ней кровлей, неотразимо прекрасным, внушающим благоговейный трепет и неизменно приносящим утешение во всех горестях.

Джералд помог жене сесть в коляску и дал кучеру наставление не гнать лошадей и ехать с осторожностью. Тоби, двадцать лет ходивший за лошадьми Джералда, негодуя скривил губы — хозяин мог бы и не совать нос в его дела. Мамушка восседала рядом с ним, дополняя

собой картину нескрываемого африканского недовольства поведением хозяев.

«Если бы мы поменьше помогали этим несчастным Слэттери, — хмуро раздумывал Джералд, — они бы с охотой продали мне свои жалкие несколько акров болотистой низины и освободили бы графство от своего присутствия». Но тут в мозгу у него привычно мелькнула мысль о хорошей шутке, и, повеселев, он сказал:

— Давай-ка, дочка, скажем Порку, что я решил не покупать Дилси, а вместо этого продал его самого Джону Уилксу.

Бросив поводья болтавшемуся поблизости негритенку, Джералд поднялся на крыльцо. Горести Скарлетт были им уже позабыты, а мысли полны одним: как получше разыграть своего черного лакея. Скарлетт медленно, чувствуя холодную тяжесть в ногах, последовала за отцом. Ее брак с Эшли выглядел бы, в конце концов, ничуть не более странным, чем союз ее отца с Эллин Робийяр, в супружестве Эллин О'Хара. И в который уж раз она с недоумением спросила себя, как это могло произойти, что ее недалекий, грубоватый папаша ухитрился взять себе в жены такую женщину, как ее мать, ибо двух более несхожих по рождению, воспитанию и образу мыслей людей просто невозможно было себе представить.

Эллин О'Хара исполнилось тридцать два года, она уже была матерью шестерых детей, из коих схоронила троих, и по существовавшим в те времена понятиям считалась женщиной среднего возраста. Она была почти на голову выше своего горячего, вспыльчивого коротышки-супруга, но спокойная грация движений, приковывая к себе внимание, заставляла забывать про ее высокий рост. Стоячий воротничок черного шелкового платья туго обтягивал округлую, тонкую, чуть смуглую шею. Голова была слегка откинута назад, словно под тяжестью густых темных волос, стянутых на затылке тугим узлом и уложенных в сетку. От своей французенки-матери, родители которой в 1791 году бежали на Гаити от революции, она унаследовала и эти темные волосы, и темные, с узким разрезом глаза, и иссиня-черные ресницы; от отца — офицера наполеоновской армии — прямой удлиненный нос и чуть заметную широкоскулость, смягченную нежной линией подбородка и щек. И уж, верно, сама жизнь наградила Эллин и горделивой, без высокомерия, осанкой, и изысканной грацией, и этой меланхоличностью взгляда без малейшей искорки веселья.

Чуть больше блеска в глазах, тепла в улыбке, живости в мелодично-нежном голосе, звучащем музыкой в ушах ее близких и слуг, и красота Эллин О'Хара была бы неотразимой. В напевности ее говора была протяжность гласных, характерная для жителей прибрежной Джорджии, и легкий французский акцент. Голос Эллин никогда не повышался до крика — отдавала ли она приказания слугам или пробирала за шалости детей, — но все обитатели Тары повиновались ему беспрекословно и мгновенно, преспокойно игнорируя громы и молнии, которые привык метать ее супруг.

И всегда, с тех пор как помнила себя Скарлетт, ее мать была такой — деятельной и невозмутимой среди всех ежедневных треволнений усадебной жизни; укоряла она или поощряла, голос ее был неизменно мягок и тих, спина пряма и дух несгибаем; она осталась такой даже после потери трех малюток-сыновей. Скарлетт ни разу не видела, чтобы мать, сидя в кресле, позволила себе откинуться на спинку. И руки у нее всегда были заняты рукоделием, если только она не сидела за обеденным столом, или за усадебными счетоводными книгами, или у постели больного. Иногда (в присутствии гостей) это могла быть изящная вышивка, в другой раз — просто рубашка Джералда или детское платьице, требующее починки. А не то, так она шила одежду для слуг. И шла ли она, шурша платьем, по дому, наблюдая за уборкой, заглядывала ли в кухню или в мастерскую, где шилась одежда для негров, занятых на полевых работах, на пальце у нее всегда блестел золотой наперсток, а по пятам за ней следовала девочка-негритянка, на которую была возложена обязанность носить за хозяйкой шкатулку розового дерева со швейными принадлежностями и выдергивать из готового шитья наметку.

Скарлетт никогда не видела, чтобы мать теряла самообладание или чтобы ее туалет, независимо от времени суток, не был в безупречном состоянии. Если Эллин О'Хара собиралась на бал, или в гости, или в Джонсборо для присутствия на сессии суда, ее туалет обычно занимал не менее двух часов и требовал услуг двух горничных и Мамушки, но если возникала необходимость действовать быстро, ее молниеносная готовность поражала всех.

Скарлетт в своей спальне, расположенной напротив материнской, с младенчества привыкла слышать на заре легкий торопливый топот босых ног по деревянному полу, тревожный стук в дверь к хозяйке, испуганные, приглушенные голоса, сообщавшие о

начавшихся родах, или о чьей-то болезни, или смерти, приключившихся в одной из беленных известкой хижин. Не раз, подкравшись к своей двери, Скарлетт смотрела в щелку и видела, как мать, аккуратно причесанная, в застегнутом на все пуговицы платье, с медицинской сумкой в одной руке и высоко поднятой свечой в другой, появляется на пороге темной спальни, откуда доносится мерное похрапывание отца.

И на ее детскую душу сразу нисходило успокоение, когда она слышала сочувственный, но твердый шепот матери:

— Тише, не так громко. Вы разбудите мистера О'Хара. Никто не умрет, это не такая опасная болезнь.

Приятно было снова забраться в постель и уснуть, сознавая, что мать ушла туда, в ночь, и, значит, ничего страшного не случится.

А утром, не дождавшись помощи ни от старого доктора Фонтейна, ни от молодого, вызванных куда-то еще, и проведя у постели роженицы или у смертного одра всю ночь, Эллин О'Хара спускалась, как обычно, в столовую к завтраку. И если под глазами у нее залегли глубокие тени, то голос звучал бодро, как всегда, и ничто не выдавало пережитого напряжения. За величавой женственностью Эллин скрывалась стальная выдержка и воля, державшие в почтительном трепете весь дом — и не только слуг и дочерей, но и самого Джералда, хотя он даже под страхом смерти никогда бы в этом не признался.

Порой, перед отходом ко сну, Скарлетт, поднявшись на цыпочки, чтобы дотянуться до материнской щеки, смотрела на нежный рот Эллин, казавшийся таким беззащитным, на ее тонкую верхнюю губу и невольно спрашивала себя: неужели этот рот тоже когда-нибудь беспечно улыбался и в ночной тишине шепотом поверял свои девичьи секреты на ухо подружке? Это казалось невообразимым. Для Скарлетт Эллин всегда была такой, как сейчас, — сильной, мудрой опорой для всех, единственным человеком на свете, знающим ответ на все вопросы.

Но конечно, Скарлетт была не права. Эллин Робийяр из Саванны умела беззаботно улыбаться и заливаться беспричинным смехом, как любая пятнадцатилетняя девчонка этого живописного городка на берегу Атлантики, и, как все девчонки, поверяла по ночам свои секреты подружкам — все секреты, кроме одного. Так было вплоть до того дня, когда некий Джералд О'Хара, двадцатью восемью годами старше Эллин, не вошел в ее жизнь. И случилось это в тот самый год, когда Филипп Робийяр, ее беспутный черноглазый кузен с дерзким взглядом и отчаянными повадками, навсегда покинул город и унес с собой весь молодой жар ее сердца, оставив маленькому кривоногому коротышке-ирландцу только восхитительно женственную оболочку.

Но Джералду, который, женившись на Эллин, не помнил себя от счастья, и этого было довольно. И если какая-то частица ее души была мертва для него, он никогда от этого не страдал. Джералд был достаточно умен, чтобы понимать: если он, небогатый ирландец, без роду без племени, взял в жены девушку из самого богатого и родовитого семейства на всем побережье, — это почти что равносильно чуду. Ведь он был никто, человек, выбившийся из низов.

Джералд О'Хара эмигрировал из Ирландии в Америку, когда ему едва исполнился двадцать один год. Отъезд был скоропалительным, как случалось не раз и с другими добрыми ирландцами и до него и после. Он уехал без багажа, с двумя шиллингами в кармане, оставшимися после оплаты проезда, и крупной суммой, в которую была оценена его голова, — более крупной, на его взгляд, чем совершенное им нарушение закона. Ни один

оранжист, еще не отправленный в ад, не стоил в глазах британского правительства, да и самого сатаны, ста фунтов стерлингов, но если тем не менее правительство приняло так близко к сердцу смерть земельного агента какого-то английского помещика, давно покинувшего свое поместье, это значило, что Джералду О'Хара надлежало бежать, и притом побыстрее. Правда, он обозвал земельного агента «оранжистским ублюдком», но это, по мнению Джералда, еще не давало тому права оскорбительно насвистывать ему в лицо «Воды Бойна».

Битва на реке Бойн произошла более ста лет тому назад, но для всех О'Хара и любого из их соседей этого промежутка времени как бы не существовало, словно только вчера их мечты и надежды, вместе с их землями и состоянием, были развеяны по ветру в облаках пыли, поднятых копытами коня трусливого Стюарта, бежавшего с поля боя, оставив своих ирландских приверженцев на расправу Вилли Оранскому и его оголтелым наемникам с оранжевыми кокардами.

По этой и многим другим причинам семья Джералда не почла нужным рассматривать трагический исход вышеупомянутой ссоры как нечто заслуживающее серьезного внимания — помимо, разумеется, того, что он мог повлечь за собой серьезные последствия для них. На протяжении многих лет семья О'Хара, подозреваемая в тайных антиправительственных действиях, была на дурном счету у английских констеблей, и Джералд был не первым О'Хара, спешно покинувшим родину под покровом предрассветных сумерек. Он смутно помнил двух своих старших братьев, Джеймса и Эндрю, молчаливых юношей, порой неожиданно появлявшихся ночью с какими-то таинственными поручениями, порой исчезавших на целые недели — к неизбежной тревоге матери — и сбежавших в Америку много лет назад, после того как на скотном дворе О'Хара под полом хлева был обнаружен небольшой склад огнестрельного оружия. Теперь оба они стали преуспевающими торговцами в Саванне («Одному Господу известно, что это за город такой», — со вздохом говаривала их мать, вспоминая своих старших отпрысков мужского пола), и молодого Джералда отослали к ним.

Мать наскоро поцеловала его в щеку, жарко прошептав на ухо слова католической молитвы, отец же напутствовал его так: «Помни, из какой ты семьи, и не позволяй никому задирать перед тобой нос». И с этим Джералд покинул родной кров. Пятеро высоченных братьев одарили его на прощание одобрительно-покровительственными улыбками, ибо он был в их глазах еще ребенком, да к тому же единственным недомерком в этом племени рослых здоровяков.

Отец и все пять братьев были крепкого сложения и более шести футов росту, а коротышка Джералд в двадцать один год уже знал, что Господь Бог в своей неизреченной мудрости отпустил ему всего пять футов и четыре с половиной дюйма в длину. Но Джералд никогда не позволял себе на это сетовать и — такой уж у него был характер — отнюдь не считал, что низкий рост может быть для него в чем-либо помехой. Скорее даже особенности телосложения и сделали его тем, чем он стал, ибо еще на пороге жизни он познал одну истину: маленький человек должен быть крепок, чтобы выжить среди больших. И в этом качестве Джералду отказать было нельзя.

Его рослые братья были немногословными, мрачноватыми парнями. Утрата былого величия их славного рода подспудной злобой жгла их души и прорывалась наружу язвительными шуточками. Будь Джералд таким же здоровенным верзилой, как они, он тоже пошел бы по темному извилистому пути всех О'Хара, примкнув к тайным мятежникам. Но

Джералд был горячая голова, «задира и горлопан», по выражению его нежной матушки, чуть что — лез с кулаками, и его буйный нрав каждому мгновенно бросался в глаза. Он держался со своими могучими братьями как маленький, но храбрый бойцовый петух среди крупнопородистых представителей птичьего двора, и братья любили его и добродушно поддразнивали, забавляясь его яростью, а иной раз и поколачивали, чтобы он не слишком все же забывался и знал свое место.

Если запас знаний Джералда, с которым он прибыл в Америку, был весьма скуден, то сам он, вероятно, об этом не подозревал. Да и не придал бы значения, открой ему кто-нибудь на это глаза. Мать научила его чтению и письму и выработала у него хороший почерк. Арифметика далась ему легко. И на этом его образование оборвалось. Латынь он знал постольку, поскольку мог повторить за священником, что положено повторять во время католической мессы, а его познания по истории ограничивались всевозможными фактами попрания исконных прав Ирландии. Из поэтов он знал только Мура, а по части музыки мог похвалиться недурным знанием старинных ирландских песен. Питая искреннее уважение к людям, получившим хорошее образование, он, однако, ничуть не страдал от недостатка собственного. Да и на что оно ему было в этой новой стране, где самый невежественный ирландец мог стать большим богачом? В стране, где от мужчины требовалась только сила, выносливость и любовь к труду.

Джеймсу и Эндрю, пристроившим его у себя в лавке в Саванне, тоже не приходилось сокрушаться по поводу его необразованности. Его четкий почерк, точность в подсчетах и хорошая торговая сметка вызывали к нему уважение, в то время как, вздумай он похвалиться какими-либо познаниями по части литературы или музыки, его подняли бы на смех. Америка в те годы была еще гостеприимна к ирландцам. Джеймс и Эндрю, поначалу гонявшие фургоны с чужими товарами из Саванны в глубь Джорджии, преуспев, обзавелись собственной торговлей, и Джералд преуспевал вместе с ними.

Американский Юг пришелся ему по вкусу, и мало-помалу он стал южанином в собственных глазах. Кое в чем Юг и южане оставались для него загадкой, но он со свойственной ему цельностью и широтой натуры принял их такими, как он их понимал, принял их взгляды и обычаи: скачки, покер, дуэльный кодекс, страсть к политике, ненависть к янки. Права Юга, рабство и власть Короля Хлопка, презрение к «белой рвани» — к белым беднякам, не сумевшим выбиться в люди, — и подчеркнуто рыцарское отношение к женщинам. Он даже научился жевать табак. Учиться поглощать виски в неумеренных количествах, не хмелея, ему не было нужды — он владел этим даром от природы.

И все же Джералд оставался Джералдом. Образ его жизни и взгляды претерпели изменение, но менять свою манеру поведения он не стремился, даже если это было ему под силу. Он отдавал должное томной элегантности богатых хлопковых и рисовых плантаторов, приезжавших в Саванну из своих увитых плющом резиденций, гарцевавших по улицам на породистых лошадях, эскортируя экипажи не менее элегантных дам, за которыми катили фургоны с черной челядью. Однако самому Джералду элегантность не давалась, хоть умри. Протяжный ленивый говор приятно ласкал ему слух, но его собственный язык не был для этого приспособлен, и речь Джералда по-прежнему звучала резко и грубовато. Ему нравилась небрежная грация, с какой богатые южане заключали крупные сделки или ставили на карту раба, плантацию, целое состояние и расплачивались за проигрыш, ни на секунду не теряя хорошего расположения духа, так же легко и беспечно, как швыряли мелкую монетку негритенку. Но Джералд, знавший в жизни нужду, не мог невозмутимо и благодушно

относиться к денежным потерям. Они были славный народ, эти южане с прибрежных плантаций — нежноголосые, горячие, забавные в своих непостижимых прихотях; они нравились Джералду. Но молодого ирландца, явившегося сюда из страны холодных влажных ветров, дующих над повитыми туманом топиями, не таящими в себе тлетворных миазмов, отличала такая крепкая жизненная хватка, какая и не снилась высокомерным отпрыскам благородных семей из края тропического солнца и малярийных болот.

Он перенимал у них то, что считал для себя полезным, и отбрасывал остальное. Он открыл, что покер и ясная голова во хмелю могут сослужить неплохую службу, и пришел к заключению, что покер — одно из самых полезных изобретений южан. Вот эта его врожденная смекалка в карточных играх и способность легко поглощать золотистое питье и принесли Джералду два самых драгоценных приобретения — его плантацию и его черного лакея. Третьим драгоценным приобретением была его жена, но за нее он мог благодарить лишь непостижимую милость Господа Бога.

Лакей по имени Порк, ослепительно-черный, вышколенный, исполненный чувства собственного достоинства, знающий толк во всех тонкостях портняжного искусства и элегантности, перешел во владение Джералда в результате затянувшейся до утра партии в покер с плантатором с острова Сент-Саймон, умевшим не менее стойко блефовать, чем Джералд, но проявившим меньшую стойкость по части новоорлеанского рома. И хотя прежний владелец Порка хотел потом откупить его обратно и предлагал двойную цену, Джералд отказался наотрез, ибо обладание первым в его жизни рабом, да к тому же еще «лучшим, черт подери, лакеем на всем побережье», явилось важным шагом на пути к исполнению его заветной мечты — стать и землевладельцем, и рабовладельцем.

Он уже давно пришел к заключению, что не будет, как Джеймс и Эндрю, всю жизнь заниматься торговлей и просиживать ночи при свечах, подбивая итог под колонками цифр. Не в пример братьям, он остро чувствовал своего рода социальное клеймо на тех, кого именовали здесь «торговым людом». Джералд хотел стать плантатором. Выходец из семьи ирландских арендаторов, некогда владевшей пахотными землями и охотничьими угодьями, он страстно желал насладиться видом зеленеющих акров собственных возделанных полей. Целеустремленно и безоглядно он мечтал о собственном доме, собственной плантации, собственных лошадях, собственных рабах. И здесь, в этой новой стране, не ведающей двух главных опасностей, которые подстерегают землевладельца у него на родине, — налогов, пожирающих весь доход от урожая, и неизбежной угрозы конфискации, — он намерен был воплотить в жизнь свою мечту. Но шли годы, и он понял, что честолюбивые замыслы — одно, а осуществление их — нечто другое. Местная земельная знать оказалась крепостью, проникнуть внутрь которой у него не было никакой надежды.

И тут рука Судьбы и рука карточного игрока преподнесли ему кусок земли, который он впоследствии нарек Тарой, и подвигли его тем самым перебраться с побережья в глубь Северной Джорджии.

Однажды теплой весенней ночью в одном из салунов Саванны до ушей его случайно долетели слова какого-то незнакомца, заставившие его сразу обратиться в слух. Незнакомец, уроженец Саванны, только что возвратился в родной город после двенадцати лет, проведенных в глубине штата. Он был участником земельной лотереи, организованной штатом с целью поделить на участки обширную территорию Центральной Джорджии, уже очищенной от индейских племен за год до того, как Джералд прибыл в Америку. Человек этот отправился туда и основал плантацию, но дом, который он себе построил, сгорел,

«проклятое это место» ему осточертело, и он был бы рад поскорее сбыть его с рук.

Джералд, никогда не расстававшийся с мечтой приобрести собственную плантацию, представился незнакомцу и с возрастающим интересом стал слушать его рассказ о том, что на север штата хлынули переселенцы из обеих Каролин и Виргинии. Джералд уже достаточно давно жил на побережье, чтобы усвоить характерный для местных жителей взгляд на остальную часть штата как непроходимую лесную чащу, где за каждым деревом прячется индеец. Правда, по делам своих братьев он поднимался на сотню миль вверх по реке Саванне, побывал в Огасте и в старых городах еще дальше к западу. Он знал, что эта часть штата не менее заселена, чем побережье, но по рассказам незнакомца выходило, что его плантация расположена более чем в двухстах пятидесяти милях к северо-западу от Саванны, немного южнее реки Чаттахучи. Джералд считал, что земли к северу от этой реки еще заселены индейцами племени чероки, и поэтому был очень удивлен, когда незнакомец стал рассказывать, какие на этих новых землях возникли процветающие города и поместья, и посмеялся его вопросу — не тревожат ли их индейцы?

Через час беседа начала увядать, и тогда Джералд, уставив на незнакомца невиннейший взгляд ярко-голубых глаз и затаив на дне души коварнейший умысел, предложил составить партию в покер. Текли ночные часы, и стаканы бессчетно наполнялись и опустошались, остальные игроки мало-помалу выходили из игры, и лишь Джералд продолжал сражаться с незнакомцем уже один на один. Незнакомец двинул на середину стола все свои фишки и прикрыл их сверху купчей на плантацию. Джералд тоже двинул все свои фишки, а поверх них бросил бумажник. Тот факт, что содержимое бумажника являлось собственностью фирмы братьев О'Хара, не слишком обременял совесть Джералда, и каяться в своем грехе завтра перед утренней мессой он не собирался. Джералд знал, чего хочет, а в этих случаях он всегда шел к цели напролом. К тому же он крепко верил в свою звезду и в то, что кривая вывезет, а потому даже не задумывался над тем, чем он будет отвечать, если партнер еще повысит ставку.

— Не стану утверждать, будто вам достался в руки клад, а как подумаю, что мне не надо больше платить налогов, так прямо гора с плеч, — сказал обладатель каре в тузах и крикнул, чтобы подали перо и чернила. — Дом сгорел год назад, поля заросли кустарником и молодой сосновой порослью, но, так или иначе, теперь это ваше.

— Никогда не мешай карты с виски, если ты не всосал ирландский самогон с материнским молоком, — наставительно сказал Джералд Порку в то утро, когда лакей помогал ему отойти ко сну.

И слуга, исполненный восхищения своим новым хозяином и уже начавший даже перенимать его ирландский акцент, отвечал, как положено, на такой смеси местного наречия с говором графства Мит, что это озадачило бы любого, кроме них двоих.

Илистая река Флинт, молчаливо проложившая себе путь между высокими темными стенами сосен и черных дубов, оплетенных диким виноградом, принимала в свои объятия новоприобретенные владения Джералда, омывая их с двух сторон. Глядя с невысокого холма, где когда-то стоял дом, на живую темно-зеленую стену, Джералд испытывал приятное чувство собственности, словно он сам возвел эту ограду вокруг своих владений. Он стоял на почерневшем каменном фундаменте сгоревшего дома, скользил взглядом по длинной аллее, тянувшейся от дома к проселочной дороге, и про себя чертыхался от радости, слишком глубокой, чтобы он мог выразить ее словами благодарственной молитвы. Эти два ряда величественных деревьев принадлежали ему, и эта заброшенная лужайка, заросшая

сорной травой по пояс, и эти еще молоденькие магнолии, осыпанные крупными белыми звездами цветов. Невозделанные поля с порослью кустарников и проклюнувшимися из красной глины молоденькими сосенками, раскинувшиеся во все четыре стороны от этого холма, принадлежали ему, Джералду О'Хара, который, как истинный ирландец, умел пить не хмелея и не боялся, когда надо, все поставить на карту.

Закрыв глаза, Джералд вслушивался в тишину этих еще не разбуженных к жизни полей: он знал, что обрел свое гнездо. Здесь, на этом месте, где он стоит, подымутся кирпичные, беленные известкой стены его дома. Там, по ту сторону дороги, возникнет ограда, за которой будет пастись хорошо откормленный скот и чистокровные лошади, а красная земля, покато спускающаяся к влажной пойме реки, засверкает на солнце белым лебяжьим пухом хлопка — акрами хлопка! И слава рода О'Хара заблестит снова!

Одолжив у скептически настроенных братьев денег, забрав свою крохотную долю из их предприятия и раздобыв еще изрядную сумму под залог земли, Джералд получил возможность купить рабов для обработки полей, прибыл в Тару и поселился в четырехкомнатном домишке управляющего в холостяцком одиночестве и сладком предвкушении последующего переселения в новый белостенный дом на холме.

Он возделал землю и посадил хлопок и занял еще денег у Джеймса и Эндрю, чтобы прикупить еще рабов. Братья О'Хара умели блюсти интересы своего клана и крепко держались друг за друга как в удаче, так и в нужде, и не столько из родственных чувств, сколько из жестокой необходимости, ибо знали: чтобы выжить в трудные годы, семья должна противостоять судьбе единым фронтом. Они одолжили Джералду денег, и по прошествии нескольких лет он возвратил им эти деньги с лихвой. Плантация расширялась: Джералд акр за акром прикупал соседние участки, и настал день, когда белый дом на холме из мечты превратился в реальность.

Дом был построен рабами: довольно неуклюжее, приземистое строение это глядело окнами на зеленый выгон, сбегавший вниз, к реке, но Джералд не уставал им любоваться, находя, что дом хотя и новый, а от него веет добротной стариной. Древние дубы, еще выдавшие пробиравшихся по лесу индейцев, обступали дом со всех сторон, простирая над его кровлей густой зеленый шатер ветвей. На лужайке, очищенной от сорняков, буйно разросся клевер и свинорой, и Джералд следил за тем, чтобы газону оказывался должный уход. Все в Таре — от подъездной кедровой аллеи до белых хижин на участке, отведенном для рабов, — выглядело солидным, прочным, сделанным на века. И всякий раз, когда Джералд возвращался верхом домой и за поворотом дороги его глазам открывалась крыша дома, выглядывавшая из-за зеленых крон деревьев, сердце его преисполнялось гордостью, словно он видел эту картину впервые.

Это дело его рук — этого крепколобого, задиристого коротышки Джералда!

Со всеми соседями у Джералда сразу установились самые дружеские отношения. Исключение составляли только Макинтоши, чья земля примыкала к его плантации слева, и Слэттери, чьи жалкие три акра тянулись справа — вдоль поймы реки, за которой находились владения Джона Уилкса.

Макинтоши были полукровками, смешанного шотландско-ирландского происхождения, авдобавок еще оранжистами, и последнее обстоятельство — будь они даже причислены католической церковью к лику святых — наложило на них в глазах Джералда каинову печать. Правда, они переселились в Джорджию семьдесят лет назад, а до этого их предки жили в Каролине, но тем не менее Глава их клана, первым ступивший на американскую землю,

прибыл сюда из Ольстера, и для Джералда этого было достаточно.

Это была молчаливая угрюмая семейка, державшаяся замкнуто, особняком: браки они заключали только со своими каролинскими родственниками, и Джералд оказался не единственным человеком в графстве, кому Макинтоши пришлись не по душе, ибо здешние поселенцы — народ общительный и дружелюбный — не отличались терпимостью по отношению к тем, кому этих качеств не хватало. А слухи об аболиционистских симпатиях Макинтошей никак не способствовали их популярности. Правда, старик Энгус за всю жизнь не отпустил еще на волю ни одного раба и совершил неслыханное нарушение приличий, продав часть своих негров заезжим работоторговцам, направлявшимся на сахарные плантации Луизианы, но слухи тем не менее продолжали держаться.

— Он аболиционист, это точно, — сказал Джералд Джону Уилксу, — но у оранжиста шотландская скупость всегда возьмет верх над убеждениями.

Несколько иначе обстояло дело со Слэттери. Будучи бедняками, они не могли рассчитывать даже на ту крупицу невольного уважения, которая доставалась на долю угрюмых и независимых Макинтошей. Старик Слэттери, упрямо державшийся за свои несколько акров, несмотря на неоднократные предложения о продаже со стороны Джералда О'Хара и Джона Уилкса, был жалкий, вечно хнычущий неудачник. Жена его, блеклая, неопрятная, болезненного вида женщина, произвела на свет кучу угрюмых, пугливых, как кролики, ребятишек и продолжала регулярно из года в год увеличивать их число. Том Слэттери не имел рабов и вместе с двумя старшими сыновьями судорожно пытался обработать свой хлопковый участок, в то время как его жена с остальными ребятишками возилась в некоем подобии огородика. Но хлопок почему-то никак не желал уродиться, а овощей с огорода, благодаря плодовитости миссис Слэттери, никогда не хватало, чтобы накормить все рты.

Вид Тома Слэттери, обивающего пороги соседей, выклянчивая хлопковых семян для посева или кусок свиного окорока, «чтобы перебиться», стал уже привычным для глаз. Слэттери, угадывая плохо скрытое за вежливым обхождением презрение, ненавидел соседей со всем пылом своей немощной души; однако самую лютую ненависть вызывали в нем эти «нахальные черномазые — челядь богачей». Черные слуги богатых плантаторов смотрели сверху вниз на «белых голодранцев», и это уязвляло Слэттери, а надежно обеспеченный слугам кусок хлеба порождал в нем зависть. Его собственное существование рядом с этой одетой, обутой, сытой и даже не лишенной ухода в старости или на одре болезни челядью казалось ему еще более жалким. Слуги по большей части бахвалились положением своих господ и своей принадлежностью к хорошему дому, в то время как сам он был окружен презрением.

Том Слэттери мог бы продать свою ферму любому плантатору за тройную против ее истинной стоимости цену. Каждый посчитал бы, что его денежки не пропали даром, ибо Том был у всех как бельмо на глазу, однако сам он не находил нужным сниматься с места, довольствуясь тем, что ему удавалось выручить за тюк хлопка в год или выклянчить у соседей.

Со всеми прочими плантаторами графства Джералд был на дружеской и даже короткой ноге. Все лица — Уилксов, Калвертов, Тарлтонов, Фонтейнов — расплывались в улыбке, как только возникала на подъездной аллее невысокая фигура на большой белой лошади. Тотчас на стол подавалось виски в высоких стаканах с ложечкой сахара и толчеными листиками мяты на дне. Джералд всем внушал симпатию, и соседям мало-помалу открылось то, что

дети, негры и собаки поняли с первого взгляда: за громоподобным голосом и грубоватыми манерами скрывались отзывчивое сердце и широкая натура, а кошелек Джералда был так же открыт для друзей, как и его душа.

Появление Джералда всегда сопровождалось неистовым лаем собак и радостными криками негрятят, кидавшихся ему навстречу, отталкивая друг друга, корча хитрые рожи и улыбаясь во весь рот в ответ на его добродушную брань, причем каждый норовил первым завладеть брошенными им поводьями. Ребятишки плантаторов забирались к нему на колени и, пока он громил на чем свет стоит бесстыдство политиканов-янки, требовали, чтобы их «покатали». Дочери его приятелей поверяли ему свои сердечные тайны, а сыновья, страшась признаться родителям в карточных долгах, знали, что могут рассчитывать на его дружбу в трудную минуту.

— Как же ты, шалолай этакий, уже целый месяц не оплачиваешь долга чести! — гремел он. — Почему, черт побери, ты не попросил у меня денег раньше?

Давно привыкнув к его манере изъясняться, никто не был на него в обиде, и молодой человек смущенно улыбался и бормотал в ответ:

— Да видите ли, сэра, мне не хотелось обременять вас этой просьбой, а мой отец...

— Твой отец прекрасный человек, спору нет, но очень уж строг, так что вот, бери, и чтоб больше мы с тобой к этому разговору не возвращались.

Жены плантаторов капитулировали последними. Но после того как миссис Уилкс, «настоящая, — по словам Джералда, — леди, иной раз просто ни словечка не проронит», сказала как-то вечером своему мужу, заслышав знакомый стук копыт на аллее: «Язык у него ужасный, но тем не менее он джентльмен», — можно было считать, что Джералд занял подобающее место в обществе.

Сам же он даже не подозревал, что ему понадобится на это почти десять лет, поскольку попросту не замечал косых взглядов соседей. С той минуты, как его нога ступила на землю Тары, он ни на секунду не усомнился в своей принадлежности к верхам местного общества.

Когда Джералду стукнуло сорок три и он стал еще румянее и смуглее и так раздался в плечах, что имел уже вид завязтого сквайра-охотника, прямо с обложки цветного иллюстрированного журнала, у него возникло решение: его бесценное поместье и распахнутые настежь сердца и двери местных плантаторов — это еще не все. Ему нужна жена.

Имению настоятельно требовалась хозяйка. Толстой поварихе-негрятянке, переброшенной по необходимости со двора на кухню, никак не удавалось вовремя управиться с обедом, а негрятянке-горничной, снятой с полевых работ, сменить в срок постельное белье и смести с мебели пыль, вследствие чего при появлении гостей в доме поднималась дикая суматоха. На Порка, единственного в Таре вышколенного слугу, было возложено общее наблюдение за челядью, но и он, при попустительстве не привыкшего к упорядоченной жизни Джералда, стал с годами небрежен и ленив. Своими обязанностями лакея он, правда, не пренебрегал, содержал комнату Джералда в порядке и прислуживал за столом умело и с достоинством, как заправский дворецкий, но в остальном предоставлял всему идти своим ходом.

С безошибочным природным инстинктом слуги-негры очень скоро раскусили нрав хозяина и, зная, что собака, которая громко брешет, кусать не станет, беззастенчиво этим пользовались. Воздух то и дело сотрясали угрозы распродать рабов с торгов или спустить с

них шкуру, но с плантациями Тары еще не было продано ни одного раба, и только один получил порку — за то, что любимая лошадь Джералда после целого дня охоты осталась неухоженной.

От строгого взгляда голубых глаз Джералда не укрылось, как хорошо налажено хозяйство у его соседей и как умело управляются со своими слугами аккуратные причесанные, шуршащие шелковыми юбками хозяйки дома. Ну а то, что они от зари до зари хлопчут то в детской, то на кухне, то в прачечной, то в бельевой, — это ему как-то не приходило на ум. Он видел только результаты этих хлопот, и они производили на него неотразимое впечатление.

Неотложная необходимость обзавестись женой стала ему окончательно ясна однажды утром, когда он переодевался, чтобы отправиться верхом на заседание суда, и Порк подал ему любимую плетеную рубашку, приведенную в столь плачевное состояние неумелой починкой служанки, что Джералду не оставалось ничего другого, как отдать ее лакею.

— Мистер Джералд, — сказал расстроенному хозяину Порк, благодарно складывая рубашку, — вам нужна супруга. Да такая, у которой в доме полным-полно слуг.

Джералд не преминул отчитать Порка за нахальство, но в глубине души знал, что тот прав. Джералд хотел иметь жену и детей и понимал, что долго тянуть с этим делом нельзя, иначе будет поздно. Но он не собирался жениться на ком попало, подобно мистеру Калверту, обвенчавшемуся с гувернанткой-янки, пестовавшей его оставшихся без матери детей. Его жена должна быть леди, благородная леди, с такими же изящными манерами, как и миссис Уилкс, и с таким же умением управлять большим хозяйством.

Но на пути к браку вставали два препятствия. Первое: все невесты в графстве были наперечет. И второе, более серьезное: Джералд был чужеземец и в какой-то мере «пришлый», хотя и обосновался тут десять лет назад. О его семье никому ничего не было известно. Правда, плантаторы Центральной Джорджии не держались столь обособленно и замкнуто, как аристократы побережья, однако и здесь ни одна семья не пожелала бы выдать дочку замуж за человека, дед которого никому не был известен.

Джералд знал, что, несмотря на искреннее к нему расположение всех, кто с ним охотился, выпивал и толковал о политике, ни один из них не просватает за него свою дочь. А ему отнюдь не улыбалось, чтобы пошли слухи о том, что, дескать, такой-то или такой-то плантатор должен был, к своему прискорбию, отказать Джералду О'Хара, добивавшемуся руки его дочери. Но, понимая это, он вовсе не чувствовал себя униженным. Чтобы Джералд О'Хара признал кого-то в чем-то выше себя — такого еще не бывало да и быть не могло ни при каких обстоятельствах. Просто в этом графстве были свои чудные обычаи, согласно которым девушек выдавали замуж лишь за тех, чьи семьи прожили на Юге не каких-то двадцать два года, а много больше, владели землей, рабами и предавались только тем порокам, которые вошли здесь в моду в эти годы.

— Укладывай пожитки. Мы едем в Саванну, — сказал Джералд Порку. — И если там у тебя хоть раз сорвется с языка: «Язви его душу!» или «Дуй его горой!», я тут же продам тебя с торгов. Ты видишь, я сам воздерживаюсь теперь от таких выражений.

Джеймс и Эндрю, думал Джералд, глядишь, что-нибудь да присоветуют ему по части женитьбы. Быть может, у кого-нибудь из их приятелей есть дочь на выданье, отвечающая его требованиям, и он составит подходящую для нее партию. Джеймс и Эндрю выслушали его терпеливо, но ничего утешительного предложить не сумели. Родственников, которые могли бы посодействовать сватовству, у них в Саванне не было, так как оба брата прибыли сюда уже женатыми людьми. А дочери их друзей все успели выйти замуж и обзавестись детьми.

— Ты человек небогатый и незнатный, — сказал Джеймс.

— Кой-какое состояние я себе сделал и сумею прокормить большую семью. А на ком попало я и сам не женюсь.

— Хочешь высоко залететь? — сухо заметил Эндрю.

Все же они сделали для Джералда что могли. Джеймс и Эндрю были уже в преклонных летах и на хорошем счету в Саванне. Друзей у них было много, и они целый месяц возили Джералда из дома в дом на ужины, на танцы, на пикники.

— Есть тут одна, — признался в конце концов Джералд. — Очень она мне приглянулась. Ее, признаться, еще на свете не было, когда я здесь причалил.

— Кто же эта особа?

— Мисс Эллин Робийяр, — с деланой небрежностью отвечал Джералд, ибо взгляд темных миндалевидных глаз этой девушки проник ему в самое сердце. Она очаровала его сразу, несмотря на странное, казалось бы, для пятнадцатилетней девушки отсутствие резвости и молчаливость. И была в ее лице какая-то затаенная боль, так разбередившая ему душу, что ни к одному существу на свете он еще не проявлял столь участливого внимания.

— Да ты же ей в отцы годишься!

— Ну и что, я еще мужчина хоть куда! — воскликнул чрезвычайно задетый этими словами Джералд.

Джеймс спокойно разъяснил ему:

— Послушай, Джерри. Во всей Саванне не сыщется более неподходящей для тебя невесты. Ведь этот Робийяр, ее отец, — он француз, а они все гордые, как сатана. И ее мать — упокой, Господи, ее душу — была очень важная дама.

— А мне наплевать, — сказал Джералд. — Мать ее, кстати, уже в могиле, а старику Робийяру я пришелся по душе.

— Как мужчина мужчине — может быть, но только не как зять.

— Да и девушка никогда за тебя не пойдет, — вмешался Эндрю. — Она вот уже год как сохнет по этому повесе, Филиппу Робийяру, ее кузену, хотя вся семья денно и ночью уговаривает ее перестать о нем думать.

— Он уже месяц как уехал в Луизиану, — сказал Джералд.

— Как ты это узнал?

— Узнал, — коротко ответил Джералд, не желая признаваться, что источником этих ценных сведений был Порк, и умолчав также о том, что Филипп уехал лишь по настоянию родителей. — Не думаю, чтобы она так уж была в него влюблена, — это у нее пройдет. Какая там может быть любовь в пятнадцать лет.

— Все равно они скорее согласятся выдать ее за этого головореза-кузена, чем за тебя.

Словом, Джеймс и Эндрю были поражены не менее всех других, когда стало известно, что дочь Пьера Робийяра выходит замуж за этого маленького ирландца из Северной Джорджии. В домах Саванны шептались и судачили по адресу Филиппа Робийяра, отбывшего на Запад, но пересуды пересудами, а толком никто ничего не знал, и для всех оставалось загадкой, почему самая красивая из девочек Робийяр решилась выйти замуж за шумного краснолицего ирландца, который ростом был едва-едва ей по плечо.

Да и сам Джералд не очень-то хорошо был осведомлен о том, как все это произошло. Он понимал одно: чудо все-таки свершилось. И впервые в жизни ощутил совершенно несвойственные ему робость и смирение, когда Эллин, очень бледная, очень спокойная, легко прикоснувшись рукой к его руке, произнесла:

— Я согласна стать вашей женой, мистер О'Хара.

Пораженное как громом этой вестью, все семейство лишь отчасти прозревало истинную подоплеку случившегося, и только Мамушка знала о том, как Эллин, проплакав всю ночь навзрыд, словно ребенок, наутро с твердостью внезапно повзрослевшей женщины объявила о своем решении.

Исполненная мрачных предчувствий Мамушка передала ей в тот вечер небольшой сверток, присланный из Нового Орлеана, с адресом, написанным незнакомой рукой. Эллин развернула сверток, вскрикнула и выронила из рук медальон со своим портретом на эмали. К медальону были приложены четыре письма Эллин к ее кузену и краткое послание нью-орлеанского священника, извещавшее о смерти Филиппа Робийяра, последовавшей в результате драки в одном из городских баров.

— Это они заставили его уехать — отец, Полин и Евлалия. Я ненавижу их. Всех ненавижу. Видеть их не могу. Я уеду отсюда. Уеду, чтобы никогда больше их не видеть! Уеду из этого города, где все будет вечно напоминать мне о... О нем!

Ночь уже близилась к рассвету, когда Мамушка, тоже проливавшая горячие слезы, глядя темноволосую головку хозяйки, сделала робкую попытку возразить:

— Бог с вами, голубка! Негоже это!

— Я уже решила! Он хороший, добрый человек! Я выйду за него замуж или приму постриг в чарльстонском монастыре.

Именно эта угроза и вынудила в конце концов растерянного, убитого горем Пьера Робийяра дать согласие на брак. Для убежденного пресвитерианина, хотя и происходившего из католической семьи, брак дочери с Джералдом О'Хара представлялся все же менее страшным, чем принятие ею монашеского обета. Если не считать того, что жених — человек без роду без племени, во всем остальном он был не так уж плох.

И вот Эллин, теперь уже Эллин О'Хара, покинула Саванну, чтобы никогда сюда более не возвращаться, и в сопровождении своего немолодого мужа, Мамушки и двадцати слуг-негров прибыла в Тару.

На следующий год родился их первый ребенок, и они окрестили девочку Кэти-Скарлетт — в честь матери Джералда. Сам Джералд был слегка разочарован, ибо ждал наследника, но тем не менее появление на свет темноглавой малютки доставило ему такую радость, что он выставил бочку рома для всех рабов Тары, да и сам был шумно и безудержно пьян.

Если Эллин в какую-нибудь горькую минуту и пожалела о своем скоропалительном решении выйти замуж за Джералда, то никто, а тем более Джералд, никогда об этом не узнал. И Джералда прямо распирало от гордости, когда он глядел на свою жену. А Эллин навсегда вычеркнула из памяти маленький приморский городок вместе со всем, что было с ним связано, и, ступив на землю Северной Джорджии, обрела там новую родину.

В памяти остался величавый и горделивый, как плывущий под всеми парусами корабль, дом ее отца — изящное здание во французском колониальном стиле: мягкие, женственно округлые линии, бледно-розовые оштукатуренные стены, высокий портал, плавно сбегаящие вниз широкие ступени парадной лестницы, окаймленные тонким кружевом чугунных перил... Богатый, изысканный и надменный дом.

Здесь, в Северной Джорджии, ее встретил суровый край и закаленные в лишениях люди. Вдали, куда бы ни устремляла она взор с плато, раскинувшегося у подножия Голубого хребта, повсюду были красноватые пологие холмы с массивными выходами гранита и высокие мрачные сосны. Дикой, неукрошенной представлялась ей эта природа после привычной для

глаз мягкой красоты прибрежных островов, поросших серым мхом и темно-зеленой чащей кустарников, после белых лент пляжей, прогретых лучами субтропического солнца, и просторных, плоских песчаных равнин, зеленеющих пальмами и молодой порослью.

Здесь же вслед за жарким летом наступила студеная зима, а в людях бурлила невиданная энергия и сила. Они отличались легким и веселым нравом, были добры, великодушны, любезны и в то же время необычайно упрямы, вспыльчивы и жизнестойки. На побережье мужчины гордились умением не утрачивать самообладания и хороших манер в любых обстоятельствах — будь то поединок или кровная месть, — тогда как здесь все проявляли необузданность и склонность к бешеным выходкам. Жизнь на побережье была окрашена в мягкие, ровные тона. Здесь она бурлила — молодая, неукротенная, жадная.

Все, кого знала Эллин в Саванне, казалось, были отлиты по одному образцу, столь мало различались их взгляды и привычки, теперь же она столкнулась с разными, не похожими друг на друга людьми. Поселенцы Северной Джорджии перекочевали сюда из самых разных уголков земного шара — из Каролины и Виргинии, из Европы и с далекого Севера — и из других частей Джорджии. Некоторые из них, подобно Джералду, были новопришельцами, искателями счастья. Другие, подобно Эллин, принадлежали к старинным родам, дальние отпрыски которых, не удовлетворенные жизнью на родине, решили обрести рай на чужбине. А немало было и тех, кого занесло в эти края случайным ветром или пригнало извечное беспокойство, бурлившее в крови и унаследованное от отцов-пионеров.

Весь этот разношерстный люд, с очень несхожим прошлым, вел весьма непринужденный образ жизни, лишенный каких-либо стеснительных правил, с чем Эллин так никогда и не смогла до конца свыкнуться. На побережье она интуитивно знала, как поведут себя люди в тех или иных обстоятельствах. Как поступит житель Северной Джорджии — предугадать было невозможно.

А Юг в те дни процветал, и это убыстряло темп жизни. Весь мир требовал хлопка, и девственная, плодородная земля графства рождала его в изобилии. Он был ее дыханием, биением ее сердца, его посевы и сборы — пульсацией крови в ее жилах. В бороздах пахоты произрастало богатство, а вместе с ним — самонадеянность и спесь: они росли вместе с зелеными кустами и акрами пушистых белых коробочек. Если хлопок может принести богатство нынешнему поколению, как же приумножат его последующие!

Эта уверенность в завтрашнем дне порождала неумную жажду жизни, алчную тягу ко всем ее благам, и жители графства со страстью, изумлявшей Эллин, предавались радостям бытия. У них было уже достаточно денег и рабов, чтобы хватило времени и на развлечения, а развлекаться они любили. Дело всегда, по-видимому, можно было бросить ради охоты, рыбалки или скачек, и не проходило недели, чтобы кто-нибудь не устроил пикника или не закатил бала.

Эллин так и не сумела, вернее, не смогла до конца слиться с новой жизнью — слишком большая часть ее души осталась в Саванне, — но она отдавала должное этим людям, и со временем их открытость и прямота, свобода от многих условностей и умение ценить человека по его заслугам стали вызывать в ней уважение.

Сама же она заслужила любовь всех соседей в графстве: добрая, но бережливая хозяйка, отличная мать, преданная жена. Разбитое сердце и отказ от личного счастья, не приведя ее в монастырь, дали ей возможность целиком посвятить себя детям, дому и тому человеку, который увез ее из Саванны, увез от всех воспоминаний и ни разу не задал ни одного вопроса.

Когда Скарлетт — здоровой и чрезмерно озорной, по мнению Мамушки, девочке — пошел второй год, у Эллин снова родилась дочь, Сьюзен-Элинора, сокращенно и навечно переименованная в Сьюлин, а затем настал черед и для Кэррин, записанной в семейных святцах как Кэролайн-Айрин. После них один за другим на свет появились три мальчика, но все трое умерли, еще не научившись ходить, и были похоронены на семейном кладбище в старьях от дома, под сенью узловатых кедров, под тремя каменными плитами с одинаковой на всех трех надписью: «Джералд О'Хара, младший».

Многое изменилось в Таре с тех пор, как здесь впервые появилась Эллин. Пятнадцатилетняя девочка не убоилась ответственности, налагаемой на нее званием хозяйки большого поместья. По тогдашним понятиям, до брака от девушки требовалось прежде всего быть красивой, приятной в обхождении, иметь хорошие манеры и служить украшением любой гостиной. А вступив в брак, она должна была уметь вести хозяйство и управляться с сотней, а то и больше, черных и белых слуг.

И Эллин, как всякая девушка из хорошей семьи, была воспитана в этих понятиях, а помимо того, при ней была Мамушка, умевшая вдохнуть энергию в самого непутевого из слуг. И Эллин быстро навела порядок в хозяйстве Джералда, придав поместью на диво элегантный и респектабельный вид.

Господский дом был построен без малейшего представления о каком-либо архитектурном замысле, а впоследствии к нему, по мере того как в этом возникала нужда, то там, то здесь делались новые пристройки. И все же, невзирая на это, усилиями Эллин дому был придан уютный вид, возместивший отсутствие гармонии. Тенистая темно-зеленая кедровая аллея, ведущая от дороги к дому, — обязательная принадлежность каждого плантаторского особняка в Джорджии — создавала приятный для глаз контраст с яркой зеленью остальных деревьев, окружавших дом. Оплетавшая веранды глициния красиво выделялась на белой известке стен, а курчаво-розовые кусты мирта возле крыльца и белоснежные цветы магнолий в саду хорошо маскировали угловатые линии дома.

Весной и летом изумрудная зелень клевера и свиного хвоста на газоне становилась слишком притягательной для индюков и белых гусей, коим надлежало держаться в отведенной для них части двора за домом. Предводители их стай то и дело совершали украдкой набеги на запретную зону перед домом, привлекаемые не только зеленью газона, но и сочными бутонами жасмина и пестрыми цинниями цветочных клумб. Дабы воспрепятствовать их вторжению, на крыльце постоянно дежурил маленький черный страж с рваным полотенцем в руках. Сидящая на ступеньках несчастная фигура негритенка была неотъемлемой частью общей картины поместья — несчастен же он был потому, что ему строго-настроено было наказано лишь отпугивать птиц, махая полотенцем, но ни под каким видом не стегать их.

Через руки Эллин прошли десятки маленьких черных мальчишек, которых она обучала этой нехитрой премудрости — первой ответственной обязанности, возлагавшейся на мужскую половину черной детворы в Таре. Потом, когда им исполнялось десять лет, их отдавали в обучение Папаше-сапожнику, или Эмосу — плотнику и колесных дел мастеру, или скотнику Филиппу, или погонщику мулов Каффи. Если мальчишка не проявлял способностей ни в одном из этих ремесел, его посылали работать в поле, и он в глазах негров-слуг терял всякое право на привилегированное положение и попадал в разряд обыкновенных рабов.

Никто не назвал бы жизнь Эллин легкой или счастливой, но легкой жизни она и не ждала, а если на ее долю не выпало счастья, то таков, казалось ей, женский удел. Мир

принадлежал мужчинам, и она принимала его таким. Собственность принадлежала мужчине, а женщине — обязанность ею управлять. Честь прослыть рачительным хозяином доставалась мужчине, а женщине полагалось преклоняться перед его умом. Мужчина ревел, как бык, если загонял себе под ногу занозу, а женщина, рожая, должна была глушить в груди стоны, дабы не потревожить покоя мужа. Мужчины были несдержанны на язык и нередко пьяны. Женщины пропускали мимо ушей грубые слова и не позволяли себе укоров, укладывая пьяного мужа в постель. Мужчины, не стесняясь в выражениях, могли изливать на жен свое недовольство, женщинам полагалось быть терпеливыми, добрыми и снисходительными.

Полученное Эллин светское воспитание требовало, чтобы женщина среди всех тягот и забот не теряла женственности, и Эллин хотелось воспитать трех своих дочерей настоящими леди. Со средней дочерью она легко добивалась успеха, ибо Сьюлин так хотелось всем нравиться, что она с величайшей готовностью внимала материнским наставлениям, а младшая, Кэррин, была кротка и послушна от природы. Но Скарлетт, плоть от плоти своего отца, усваивала светские манеры с большим трудом.

К вящему негодованию Мамушки, Скарлетт предпочитала играть не со своими тихими сестричками и не с благовоспитанными барышнями Уилкс, а с черными ребятами с плантации и с соседними мальчишками, не уступая им в искусстве лазать по деревьям или швырять камнями. Мамушка была не на шутку обескуражена, видя, как у дочери Эллин проявляются такие замашки, и то и дело старалась внушить Скарлетт, что она должна вести себя «как маленькая леди». Однако Эллин оказалась в этом вопросе более терпимой и дальновидной. Она считала, что всему своя пора, товарищи детских игр превратятся со временем в юношей и кавалеров и Скарлетт поймет, что главная жизненная задача каждой девушки — выйти замуж. Скарлетт просто очень живой ребенок, говорила себе Эллин, она еще успеет постичь науку быть привлекательной для мужчин.

И Скарлетт превзошла все ожидания в достижении той цели, к которой были направлены совместные усилия Эллин и Мамушки. Подрастая, она постигала вышеупомянутую науку в совершенстве, хотя и не слишком преуспевала во всех остальных. Гувернантки менялись одна за другой, после чего Скарлетт на два года была заточена в стенах частного пансиона для молодых девиц в Фейетвилле, и если полученные ею знания были несколько хаотичны, то танцевала она бесспорно лучше всех девушек графства. И она знала цену своей улыбке и игре ямочек на щеках, умела пройтись на цыпочках так, чтобы кринолин соблазнительно заколыхался, и, поглядев в лицо мужчине, быстро опустить затрепетавшие ресницы, как бы невольно выдавая охватившее ее волнение. А превыше всего познала она искусство таить от мужчин острый и наблюдательный ум, маскируя его невинно-простодушным, как у ребенка, выражением лица.

Мягкие наставления Эллин и неустанные укоры Мамушки сделали все же свое дело, внедрив в нее некоторые качества, безусловно ценные в будущей супруге.

— Ты должна быть мягче, скромнее, моя дорогая, — говорила Эллин дочери. — Нельзя вмешиваться в разговор джентльменов, даже если знаешь, что они неправы и ты лучше осведомлена, чем они. Джентльмены не любят чересчур самостоятельно мыслящих женщин.

— Попомните мое слово: барышни, которые все хмурятся да задирают нос — «Нет, не хочу!» да «Нет, не желаю!» — всегда засиживаются в старых девах, — мрачно пророчествовала Мамушка. — Молодые леди должны опускать глаза и говорить: «Конечно, сэр, да, сэр, как вы скажете, сэр!»

Они старались сделать из нее по-настоящему благородную даму, но Скарлетт усваивала лишь внешнюю сторону преподаваемых ей уроков. Внутреннее благородство, коим должна подкрепляться внешняя благопристойность, оставалось для нее недостижимым, да она и не видела нужды его достигать. Достаточно было научиться производить нужное впечатление — воплощенной женственности и хороших манер, — ведь этим завоевывалась популярность, а ни к чему другому Скарлетт и не стремилась. Джералд хвастливо утверждал, что она — первая красавица в пяти графствах, и, надо сказать, утверждал не без оснований, ибо ей уже сделали предложение руки и сердца почти все молодые люди из соседних поместий, а помимо них и кое-кто еще из таких отдаленных городов, как Атланта и Саванна.

К шестнадцати годам Скарлетт, следуя наставлениям Эллин и Мамушки, приобрела репутацию очаровательного, кроткого, беспечного создания, будучи в действительности своенравной, тщеславной и крайне упрямой. От своего отца-ирландца она унаследовала горячий, вспыльчивый нрав, а от своей великодушной и самоотверженной матери — ничего, кроме внешнего лоска. Эллин никогда не догадывалась о том, в какой мере кротость дочери была показной, ибо в отношениях с матерью Скарлетт всегда проявляла себя с лучшей стороны: она ловко скрывала от Эллин кое-какие выходки и умела обуздать свой нрав и казаться воплощением кротости, ибо одного укоряющего взгляда матери было достаточно, чтобы пристыдить ее до слез.

И только Мамушка не питала особых иллюзий насчет своей питомицы и была всегда начеку, зная, что природа может взять верх над притворством. Глаз Мамушки был куда более зорек, чем глаз Эллин, и Скарлетт не могла припомнить, чтобы ей хоть раз удалось всерьез ее одурачить.

Само собой разумеется, обе строгие наставницы вовсе не сокрушались по поводу того, что Скарлетт очаровательна и жизнь в ней бьет ключом. Этими качествами женщины-южанки привыкли даже гордиться. Упрямство и своеволие Скарлетт, унаследованные от Джералда, — вот что повергало Эллин и Мамушку в смущение: а ну как не удастся скрыть от посторонних глаз эти ужасные пороки и они помешают ей сделать хорошую партию! Но Скарлетт, твердо решив про себя, что выйдет замуж за Эшли, и только за Эшли, готова была всегда казаться скромной, уступчивой и беспечной, раз эти качества столь привлекательны в глазах мужчин. Что мужчины находят в них ценного, она не понимала. Знала одно: это способ проверенный и оправдывает себя. Вдумываться в причину этого ей не хотелось, ибо у нее никогда не возникало потребности разобраться во внутренних движениях чьей-то или хотя бы собственной души. Она просто знала: если она поступит так-то и так-то или скажет то-то и то-то, мужчины неминуемо отзовутся на это таким-то или другим весьма для нее лестным образом. Это было как решение простенькой арифметической задачки, а арифметика была единственной наукой, которая еще в школьные годы давалась Скарлетт без труда.

И если она не очень-то разбиралась в душах мужчин, то еще того меньше — в душах женщин, ибо они и интересовали ее куда меньше. У нее никогда не было закадычной подружки, но она никогда от этого не страдала. Все женщины, включая собственных сестер, были для нее потенциальными врагами, ибо все охотились на одну и ту же дичь — все стремились поймать в свои сети мужчину.

Все женщины. Единственным исключением являлась ее мать.

Эллин О'Хара была не такая, как все. Она казалась Скарлетт почти святой, стоявшей особняком от всего человечества. Когда Скарлетт была ребенком, мать часто представлялась

ей в образе Пресвятой Девы Марии, но и подрастая, она не захотела отказаться от этого представления. Только Эллин и Небеса могли дать ей ощущение незыблемости ее мира. Для Скарлетт мать была воплощением правды, справедливости, нежности, любви и глубочайшей мудрости. И она была настоящая леди.

Скарлетт очень хотелось быть похожей на мать. Беда заключалась лишь в том, что, оставаясь всегда правдивой, честной, справедливой, любящей и готовой на самопожертвование, невозможно наслаждаться всеми радостями жизни и наверняка упустишь очень многое, в первую очередь — поклонников. А жизнь так коротка. Она еще успеет потом, когда выйдет замуж за Эшли, и состарится, и у нее будет много свободного времени, стать такой, как Эллин. А пока что...

В этот вечер за ужином Скарлетт машинально исполняла роль хозяйки, заменяя отсутствующую мать, но мысли ее неотступно возвращались к страшной вести о браке Эшли и Мелани. В отчаянии она молила Бога, чтобы Эллин поскорее возвратилась от Слэттери: без нее она чувствовала себя совсем потерянной и одинокой. Что за свинство со стороны этих Слэттери вечно навязываться Эллин со своими нескончаемыми болезнями, в то время как она так нужна ей самой!

На протяжении всего этого унылого ужина громкий голос Джералда бил в ее барабанные перепонки, и минутами ей казалось, что она этого не выдержит. Недавний разговор с дочерью уже вылетел у Джералда из головы, и он теперь произносил длинный монолог о последних сообщениях, поступивших из форта Самтер, подкрепляя свои слова взмахом руки и ударом кулака по столу. У Джералда вошло в привычку разглагольствовать при всеобщем молчании за столом, и обычно Скарлетт, погруженная в свои мысли, попросту его не слушала. Но сегодня, напряженно ожидая, когда наконец подкатит к крыльцу коляска с Эллин, она не могла отгородиться от звуков этого громкого голоса.

Конечно, она не собиралась открывать матери, какая тяжесть лежит у нее на сердце. Ведь Эллин пришла бы в ужас, узнай она, что ее дочь убивается по человеку, помолвленному с другой; ее огорчение было бы беспредельным. Но Скарлетт просто хотелось, чтобы в эти минуты ее первого большого горя мать была рядом. Возле матери она всегда чувствовала себя как-то надежней; любая беда была не так страшна, когда Эллин рядом.

Заслышав стук копыт на аллее, она вскочила, но тут же снова опустилась на стул: коляска завернула за угол, к заднему крыльцу. Значит, это не Эллин — она бы поднялась по парадной лестнице. С окутанного мраком двора донесся нестройный гомон взволнованных негритянских голосов и залиvistый смех. Бросив взгляд в окно, Скарлетт увидела Порка, который только что покинул столовую: он держал в руке смолистый факел, а из повозки спускались на землю какие-то не различимые в темноте фигуры. Мягкие, гортанные и звонкие, мелодичные голоса долетали из мрака, сливаясь в радостный, беззаботный гомон. Затем на заднем крыльце и в коридоре, ведущем в холл, послышался шум шагов. Шаги замерли за дверью столовой. С минуту оттуда доносилось перешептывание, после чего на пороге появился Порк: глаза его округлились от радостного волнения, зубы сверкали, он даже позабыл принять свою величественную осанку.

— Мистер Джералд! — провозгласил он, с трудом переводя дыхание от распиравшей его гордости. — Ваша новая служанка прибыла!

— Новая служанка? Я не покупал никаких служанок! — отвечал Джералд, уставя притворно гневный взгляд на своего лакея.

— Да, да, сэр, мистер Джералд, купили! Да, сэр! И она там, за дверью, и очень хочет поговорить с вами! — Порк хихикнул и хрустнул пальцами от волнения.

— Ладно, тащи сюда свою женушку, — сказал Джералд, и Порк, обернувшись, поманил жену, только что прибывшую из Двенадцати Дубов, чтобы стать принадлежностью Тары. Она вступила в столовую, а следом за ней, прижимаясь к матери, полускрытая ее накрахмаленными ситцевыми юбками, появилась двенадцатилетняя дочь.

Дилси была высокая женщина, державшаяся очень прямо. Определить ее возраст было невозможно — тридцать лет, шестьдесят? На спокойном бронзовом лице не было ни

морщинки. Перевес индейской крови над негритянской сразу бросался в глаза. Красноватый оттенок кожи, высокий, сдавленный у висков лоб, широкие скулы и нос с горбинкой, неожиданно расплющенный книзу, над толстыми негроидными губами, ясно указывали на смешение двух рас. Держалась Дилси уверенно и с таким чувством собственного достоинства, до которого далеко было даже Мамушке, ибо у Мамушки оно было благоприобретенным, а у Дилси — в крови.

И она не так коверкала слова, как большинство негров, речь ее была правильнее.

— Добрый вечер вам, мисс, и вам, мисс. И вам, мистер Джералд. Извините за беспокойство, да уж больно мне хотелось поблагодарить вас, что вы купили меня и мою дочку. Меня-то кто хошь купит, а вот чтоб Присси, чтоб мне не тосковать по ней, — таких нет, и я благодарствую вам. Уж я буду стараться служить вам и никогда не забуду, что вы для меня сделали.

— Хм-хм... — Джералд откашлялся и пробормотал что-то невнятное, чрезвычайно смущенный тем, что его так явно уличили в содеянном добре.

Дилси повернулась к Скарлетт, и затаенная улыбка собрала морщинки в уголках ее глаз.

— Мисс Скарлетт, Порк сказывал мне, как вы просили мистера Джералда купить меня. И я хочу отдать вам мою Присси в служанки.

Пошарив позади себя рукой, она вытолкнула вперед дочь — маленькое коричневое создание с тоненькими птичьими ножками и бесчисленным множеством торчащих в разные стороны косичек, аккуратно перевязанных веревочками. У девочки был умный, наблюдательный взгляд, зорко подмечавший все вокруг, и тщательно усвоенное глуповатое выражение лица.

— Спасибо, Дилси, — сказала Скарлетт, — но боюсь, Мамушка станет возражать. Ведь она мне прислуживает с того дня, как я появилась на свет.

— Мамушка-то уж совсем старенькая, — невозмутимо возразила Дилси с такой уверенностью, которая, несомненно, привела бы Мамушку в ярость. — Она хорошая няня, да только ведь вы-то теперь уже леди и вам нужна умелая горничная, а моя Присси целый год прислуживала мисс Индии. Она и шить может, и не хуже всякой взрослой вас причешет.

Дилси подтолкнула дочь; Присси присела и широко улыбнулась Скарлетт, и та невольно улыбнулась в ответ.

«Шустрая девчонка», — подумала Скарлетт и сказала:

— Ладно, Дилси, спасибо, когда мама вернется, я поговорю с ней.

— И вам спасибо, мэ. Пожелаю вам спокойной ночи, — сказала Дилси и покинула столовую вместе с дочкой, а Порк поспешил за ними.

Со стола убрали, и Джералд снова принялся ораторствовать, без всякого, впрочем, успеха у своей аудитории и потому без особого удовольствия для себя. Его грозные предсказания близкой войны и риторические возгласы: «Доколе же Юг будет сносить наглость янки!» — порождали у скучающих слушательниц лишь односложные: «да, папа» и «нет, папа». Кэррин, сидя на подушке, брошенной на пол под большой лампой, была погружена в романтическую историю некой девицы, постригшейся в монахини после смерти своего возлюбленного; слезы восторга приятно щекотали ей глаза, и она упоенно воображала себя в белом монашеском чепце. Сьюлин что-то вышивала — «для своего приданого», как она объяснила, стыдливо хихикнув, — и прикидывала в уме, удастся ли ей на завтрашнем барбекю отбить Стюарта Тарлтона у Скарлетт, очаровав его своей женственной мягкостью и кротостью, которыми Скарлетт не обладала. А Скарлетт была в

смятении чувств из-за Эшли.

Как может папа без конца толковать о форте Самтер и об этих янки, когда у нее сердце рвется на части и он это знает? Будучи еще очень юной, она находила непостижимым, что люди могут быть так эгоистично равнодушны к ее страданиям и в мире все продолжает идти своим путем, в то время как ее сердце разбито.

В душе ее бушевала буря, а все вокруг выглядело таким спокойным, таким безмятежным, и это казалось ей странным. Тяжелый буфет и стол красного дерева, массивное серебро, пестрые лоскутные ковры на натертом до блеска полу — все оставалось на своих местах, словно ничего не произошло. Это была уютная, располагающая к дружеской беседе комната, и обычно Скарлетт любила тихие вечерние часы, которые семья проводила здесь после ужина, но сегодня вид этой комнаты стал ей ненавистен, и если бы не страх перед резким окриком отца, она выскользнула бы за дверь и, стремительно прокравшись через темный холл, наплакалась бы вволю на старой софе в маленьком кабинетике Эллин.

Это была самая любимая комната Скарлетт. Здесь Эллин каждое утро сидела за высоким секретером, проверяя счета и выслушивая доклады Джонаса Уилкерсона, управляющего именем. Здесь нередко собиралось и все семейство: Эллин что-то записывала в тяжелые грессбухи, Джералд дремал в старой качалке, дочери примостились на продавленных подушках софы, тоже уже слишком ветхой, чтобы украшать собой парадные покои. И Скарлетт сейчас хотелось только одного: остаться там вдвоем с Эллин и выплакаться, уткнувшись головой ей в колени. Когда же наконец вернется мама?

Но вот на аллее заскрипел гравий под колесами, и негромкий голос Эллин, отпуская кучера, донесся в столовую. Взгляды всех устремились к двери. Шурша кринолином, она быстро вошла в комнату — лицо ее было усталым и грустным. Повеяло легким ароматом вербены, навечно, казалось, угнездившимся в складках ее платья, — ароматом, который для Скарлетт был неотторжим от образа матери. Мамушка — хмурая, с недовольно выпяченной нижней губой и кожаной сумкой в руках — следовала за хозяйкой чуть поодаль. Она что-то нечленораздельно бормотала себе под нос — достаточно тихо, чтобы нельзя было разобрать слов, и достаточно громко, чтобы ее неодобрение не осталось незамеченным.

— Извините, что задержалась, — сказала Эллин, сбрасывая шотландскую шаль со своих усталых плеч на руки Скарлетт, и, проходя, погладила дочь по щеке.

При появлении жены лицо Джералда мгновенно просияло.

— Ну что — окрестили это отродье? — спросил он.

— Да, окрестили бедняжку и оплакали, — сказала Эллин. — Я боялась, что Эмми тоже отдаст богу душу, но, мне кажется, она оправится.

Дочери обратили к ней исполненные любопытства вопрошающие взгляды, а Джералд философски покачал головой:

— Ну, может, это и к лучшему, что он помер, несчастный ублю...

— Ой, как поздно! Пора прочесть молитву, — как бы невзначай перебила его Эллин, и если бы Скарлетт хуже знала мать, она бы даже не заподозрила, что Эллин перебила Джералда намеренно.

А было бы все же любопытно узнать, кто отец ребенка Эмми Слэттери, но Скарлетт понимала, что у матери про это не дознаешься. Сама Скарлетт подозревала, что это Джонас Уилкерсон — она не раз видела, как он прогуливался по вечерам с Эмми. Джонас был янки и холостяк, а должность управляющего, которую он занимал, отрезала ему все пути в дома богатых плантаторов. Он не мог бы посвататься ни к одной из их дочерей и был лишен

возможности водить компанию с кем-либо, кроме таких бедняков, как Слэттери, и им подобных отщепенцев. Вместе с тем по своему образованию он был на голову выше этих Слэттери, и Скарлетт казалось вполне естественным, что он и не подумает жениться на Эмми, хотя частенько гулял с ней в сумерках.

Скарлетт вздохнула — любопытство ее было задето. На глазах у ее матери происходило многое, но она этого как бы не замечала. Эллин умела проходить мимо всего, что противоречило ее понятиям о благопристойности, и старалась научить этому и Скарлетт — впрочем, без особого успеха.

Эллин шагнула к камину, где в маленькой инкрустированной шкапулке, стоявшей на полке, хранились ее четки, но решительный голос Мамушки заставил ее остановиться:

— Мисс Эллин, вам бы надо поесть хоть малость, прежде чем читать молитву.

— Спасибо, Мамушка, я не голодна.

— Я сейчас подам вам ужин, и чтоб вы поели, — с хмурым упрямством заявила Мамушка и возмущенно зашагала на кухню. — Порк! — крикнула она. — Скажи кухарке, чтобы развела огонь. Мисс Эллин вернулась.

В холле заскрипели половицы под тяжелой ступней, и до ушей сидевших в столовой донеслось бормотанье, звучащее все явственней по мере того, как Мамушка удалялась:

— Твердишь, твердишь — все понапрасну... Не стоят они того, чтобы так для них стараться. Никчемный, неблагодарный народ, хуже нет во всем графстве, чем эта белая рвань. И нечего мисс Эллин утруждать себя. Будь у них голова на плечах, имели бы, как другие, своих ниггеров. Да разве ей втолкуешь...

Воркотня замерла, когда Мамушка скрылась с глаз в крытой галерее, соединявшей холл с кухней. У старой служанки был особый способ доводить до сведения господ свою точку зрения по тому или иному вопросу. Она знала, что достоинство не позволяет белым господам обращать хоть малейшее внимание на воркотню черных слуг, и чтобы не уронить своего достоинства, они должны делать вид, будто ничего не слышат, как бы громко она ни разворчалась, едва ступив за порог. Это спасало ее от возможности получить нагоняй и в то же время позволяло вполне недвусмысленно высказывать свое мнение.

Вошел Порк с тарелками, прибором и салфеткой. Следом за ним, застегивая на ходу белую полотняную куртку, спешил Джек, маленький десятилетний негритенок. Он держал в руке самодельное орудие для отпугивания мух в виде тонкой жерди длиной в два его роста, с привязанными к ней узкими полосками газетной бумаги. У Эллин имелось очень красивое опахало из павлиньих перьев, но им пользовались лишь в особо торжественных случаях и то лишь после небольшой домашней междоусобицы, ибо Порк, кухарка и Мамушка считали, что перья павлина приносят несчастье.

Эллин опустила на стул, который поспешил пододвинуть ей Джералд, и четыре голоса атаковали ее разом:

— Мама, у меня на бальном платье отпоролось кружева, а я хотела надеть его завтра, когда мы поедем в Двенадцать Дубов. Может быть, ты починишь?

— Мама, новое платье Скарлетт гораздо красивее моего, и вообще я выгляжу ужасно в розовом. Почему бы ей не надеть мое розовое, а я надену ее зеленое. Ей розовый цвет к лицу.

— Мама, можно я завтра тоже останусь на танцы? Мне ведь уже тринадцать...

— Ну, доложу я вам, миссис О'Хара... Тише вы, трещотки, пока я не надрал вам уши!.. Кэйд Калверт был сегодня утром в Атланте... Вы дадите мне слово сказать или нет?.. И говорит, что все там в страшном волнении и только и разговору что о войне, военных учениях

и формировании войсковых частей. И вроде бы, если верить слухам, в Чарльстоне решили не давать больше спуска янки.

Эллин устало улыбнулась, слушая эту разноголосицу, и, как подобает почтительной супруге, первому ответила Джералду.

— Если наиболее достойные люди Чарльстона придерживаются такого мнения, то я полагаю, что и мы не заставим себя ждать и присоединимся к ним, — сказала она, ибо была воспитана в убеждении, что, за исключением Саванны, самая лучшая и самая родовитая часть населения континента сосредоточена в этом маленьком портовом городке, и убеждение это, кстати сказать, полностью разделялось самими чарльстонцами.

— Нет, Кэррин, пока нельзя, моя дорогая. В будущем году ты будешь носить длинные платья и танцевать на балах, и эти розовые щечки еще ярче разругаются от удовольствия. Ну, не надувай губок, детка! Ты же можешь поехать на барбекю и даже остаться на ужин, понимаешь? Но никаких балов, пока тебе не сравнялось четырнадцать.

— Принеси мне твоё платье, Скарлетт. Я пришью кружева, когда мы встанем из-за стола.

— Мне не нравится твой тон, Сьюлин. Твоё розовое платье очень красиво, и цвет этот ничуть не меньше идет тебе, чем зелёный — Скарлетт. Но я разрешаю тебе надеть завтра моё гранатовое кольцо.

Сьюлин за спиной матери торжествующе показала Скарлетт нос, ибо та собиралась выпросить кольцо для себя. Скарлетт в ответ высунула язык. Сьюлин страшно злила Скарлетт своим постоянным хныканьем и эгоизмом и не раз получала бы от Скарлетт затрепину, не будь умиротворяющая рука Эллин всегда начеку.

— А теперь, мистер О'Хара, я хотела бы узнать подробнее, что, по словам мистера Калверта, происходит в Чарльстоне, — сказала Эллин.

Скарлетт прекрасно понимала, что мать несколько не интересуется ни войной, ни политикой, считая их чисто мужским делом, в которое ни одна умная женщина не должна совать нос. Но Джералд любил порассуждать на эти темы, а Эллин была неизменно внимательна к мужу и готова сделать ему приятное.

Пока Джералд выкладывал свои новости, Мамушка поставила перед хозяйкой прибор, подала золотистые гренки, грудку жареного цыпленка и жёлтый ямс, от которого поднимался в воздух пар, а из разреза капало растопленное масло. Мамушка ущипнула Джека, и он поспешно принялся за дело — бумажные ленты медленно поплыли вверх и вниз за спиной Эллин. Мамушка стояла возле хозяйки, пристально следя за каждым подцепленным на вилку и отправленным в рот куском, словно вознамерившись силой своего взгляда пропихнуть еду в пищевод, если Эллин вздумает отлынивать. Эллин прилежно поглощала пищу, но Скарлетт видела, что мать от усталости даже не замечает, что она ест. И только непреклонное выражение лица Мамушки заставляло ее не бросать вилку.

Но вот с едой было покончено, и, хотя Джералд еще не перестал громить этих жуликов-янки, требующих освобождения негров и не желающих ни единого пенни заплатить за их свободу, Эллин поднялась из-за стола.

— Будем читать молитву? — без особого энтузиазма спросил Джералд.

— Да, час поздний. Уже десять бьет. — Часы, немного похрипев, пробили десять. — Кэррин давно пора в постель. Порк, пожалуйста, лампу пониже. Мамушка — мой молитвенник.

Повинуясь сердитому шепоту Мамушки, Джек поставил свое опахало в угол и принялся

убирать посуду, а Мамушка извлекла из ящика буфета старенький молитвенник Эллин. Порк, встав на цыпочки, немного отпустил цепочку лампы, чтобы свет переместился с потолка на стол. Эллин, расправив юбку, опустилась на колени, положила раскрытый молитвенник на край стола, и сложенные для молитвы руки ее легли поверх молитвенника. Джералд встал на колени рядом с ней, а Скарлетт и Сьюлин заняли свои места по другую сторону стола, подоткнув пышные юбки под колени, чтобы не так больно было стоять на твердом полу. Кэррин из-за ее маленького роста трудно было дотягиваться до стола, и она стала на колени возле стула, положив руки на сиденье. Эта поза вполне ее устраивала, давая возможность незаметно для материнского глаза вздремнуть во время чтения молитвы.

Шелест и шорохи в холле возвестили о том, что слуги преклонили колени за раскрытыми дверями столовой. Слышно было, как Мамушка громко кричит, опускаясь на колени. Порк и коленопреклоненный держался прямо, словно шест проглотил; горничные Роза и Тина опустились на колени очень грациозно, широко раскинув по полу пестрые ситцевые юбки. Лицо кухарки под белоснежной повязкой казалось еще более темным и худым. Джек, у которого уже слипались глаза, все же нашел в себе достаточно соображения, чтобы устроиться подальше от Мамушкиных щипков. Черные глаза слуг выжидательно блестели, так как ежевечерняя молитва вместе с белыми господами всегда была для них главным событием дня. Древние образы литании с их восточной красочностью оставались для них малопонятными, но они задевали какие-то струны в их душе, заставляя покачиваться в такт, когда они повторяли следом за Эллин: «Помилуй нас, Господи!», «Боже, милостив буди к нам, грешным!».

Эллин, закрыв глаза, читала молитву. Голос ее то креп, то замирал, убаюкивая, утешая. В желтом кругу света видны были склоненные головы, когда она произносила благодарственные слова за благополучие своего дома, семьи, слуг.

Помолившись за всех обитателей Тары, за своего отца, мать, сестер, трех своих покойных младенцев и за всех «страдальцев юдоли земной», Эллин, перебирая в длинных пальцах белые четки, начала читать молитву Божией Матери — и словно шелест ветра пронесся по комнате, когда губы белых и черных зашевелились, повторяя следом за ней:

— Пресвятая Дева Мария, моли Бога за нас, грешных, и ныне и присно и во веки веков.

И как всегда в эти минуты, Скарлетт почувствовала, что к ней приходит успокоение, хотя невыплаканные слезы еще жгли ей глаза. Горечь пережитого разочарования и страх перед завтрашним днем отступили, дав место надежде. Но губы ее лишь машинально повторяли слова молитвы, и не вера в Бога принесла ей облегчение, а торжественно-спокойное лицо матери и ее взор, обращенный к престолу Господа, испрашивающий благословения всем дорогим для нее существам. Скарлетт была твердо убеждена, что небеса не могут оставаться глухи к мольбе Эллин, когда она прибегает к ним за помощью.

Голос Эллин умолк, и настала очередь Джералда, а поскольку он никогда не успевал вовремя найти свои четки, то ему пришлось, читая молитву, украдкой загибать пальцы. Под его монотонное чтение Скарлетт невольно отвлеклась, хотя она знала, что ей сейчас надлежит, как учила ее Эллин, углубиться в себя, допросить свою совесть, вспомнить все проступки, совершенные за день, раскаяться в них и испросить у Бога прощения, дабы Он даровал ей силы никогда их больше не повторять. Но сердце Скарлетт брало верх над ее совестью.

Уронив голову на скрещенные на столе руки, чтобы мать не могла видеть ее лица, она устремилась своими печальными мыслями к Эшли. Как может он думать о женитьбе на

Мелани, когда на самом-то деле любит ее, Скарлетт? И знает, что и она любит его. Как может он по собственной воле делать ее несчастной?

И тут внезапно совершенно новая, ослепительная мысль сверкнула в ее мозгу:

«Да ведь Эшли даже и не подозревает, что я влюблена в него!»

Эта мысль так поразила ее, что она едва не вскрикнула от неожиданности. На мгновение ее мозг словно застыл, а затем заработал с лихорадочной быстротой.

«Откуда ему знать? Я всегда держалась с ним такой недотрогой, изображала из себя такую кисейную барышню... Он, верно, думает, что я не питаю к нему ничего, кроме дружеских чувств. Ну ясно! Поэтому он и не признался мне до сих пор! Он думает, что его любовь безответна. Вот почему он так странно смотрит на меня порой...»

Ей сразу вспомнилось, как она не раз ловила на себе этот взгляд, когда в серых глазах Эшли, таких непроницаемых обычно, ей вдруг словно бы открывалось что-то, и она, казалось, читала в них безнадежность и боль.

«Он убивается по мне, думает, что я увлечена Брентом, или, может, Стюартом, или Кэйдом. И верно, решил, что, раз я все равно ему не достанусь, почему бы не пойти навстречу желанию семьи и не жениться на Мелани. А знай он, что я люблю его...»

И воскресшая душа ее, только что погруженная в бездну отчаяния, воспарила на вершину блаженства. Вот и решение этой загадки — почему Эшли так странно ведет себя, почему он молчит! Он ни о чем не догадывается! Тщеславие подхлестнуло желание поверить в то, во что так хотелось верить, желание поверить превратилось в уверенность. Знай Эшли, что она любит его, он был бы у ее ног. Ей нужно только...

«Ах! — подумала она, сжимая пальцами пылающий лоб. — Какая же я была идиотка, как не подумала об этом! Надо найти какой-то способ открыть ему глаза. Он не женится на ней, если узнает, что я люблю его! Никогда не женится!»

Внезапно она опомнилась, заметив, что Джералд кончил читать молитву и мать смотрит на нее. Перебирая четки, она стала произносить привычные слова, но в голосе ее звучало такое глубокое волнение, что Мамушка от удивления открыла глаза и бросила на нее испытующий взгляд. За ней прочитала молитву Сьюлин, затем Кэррин, но Скарлетт, окрыленная сделанным ею открытием, все еще парила мыслями в облаках...

Конечно, и сейчас еще не поздно! Бывали ведь случаи, когда графство потрясала весть о том, что жених (а иной раз невеста) бежал с кем-то прямо из-под венца. А помолвка Эшли пока даже не была объявлена! О нет, еще не поздно!

Если Эшли связан с Мелани не любовными узами, а всего лишь словом, данным бог весть когда, что может помешать ему взять свое слово обратно и жениться на ней, на Скарлетт? Конечно, Эшли так бы и поступил, знай он, что она его любит. Значит, надо, чтобы он об этом узнал. Она должна найти способ открыть ему глаза! А тогда...

Перестав повторять респонсорий^[1], Скарлетт была сброшена с облаков на землю укоряющим взором матери. Спohватившись, она начала произносить молитвенные слова, украдкой оглядывая комнату. Коленопреклоненные фигуры в мягком свете лампы, покачивающиеся тени в глубине, там, где стояли негры, все знакомые предметы, вызывавшие в ней глухое раздражение час назад, теперь окрасились в радужные тона ее возрожденных надежд, и комната снова показалась ей привлекательной и уютной. Это мгновение, вся эта сцена навсегда останутся в ее памяти!

— Матерь Божия, — нараспев произносила Эллин слова молитвы, и, вторя ее мягкому контральту, Скарлетт послушно подхватывала:

— Моли Бога о нас.

С самого раннего детства для Скарлетт это были минуты поклонения не столько Божией Матери, сколько Эллин, которую она обожествляла. Повторяя древние слова Священного Писания, Скарлетт кощунственно видела перед собой сквозь смеженные веки не образ Девы Марии, а обращенное к небесам лицо Эллин, и слова эти — «исцеление болящих», «грешников прибежище», «престол мудрости», «врата вечного блаженства» — казались ей прекрасными, ибо они сливались для нее с образом матери. Но в этот вечер в приглушенных голосах, в повторяемых шепотом словах респонсория ее взволнованной душе открылась какая-то новая, необычная красота. И она от всего сердца возблагодарила Господа за то, что Он указал ей путь из глубины отчаяния... прямо в объятия Эшли.

Прозвучало последнее «аминь», и все — кое-кто с трудом, Мамушка — с помощью Тины и Розы, — поднялись с колен. Порк взял с каминной полки длинный жгут из бумаги, зажег его от лампы и вышел в холл. Там, напротив полукружия лестницы, стоял огромный, не поместившийся в столовой буфет орехового дерева, а на его широкой доске вытянулись в ряд несколько ламп и с десятков свечей в подсвечниках. Порк зажег лампу и три свечи и с важным видом первого камергера двора, провожающего королевскую чету в опочивальню, начал подниматься по лестнице, держа лампу высоко над головой. Эллин под руку с Джералдом следовала за ним, а девочки — каждая со свечой в руке — замыкали шествие.

Скарлетт вошла к себе в спальню, поставила свечу на высокий комод и принялась шарить в платяном шкафу, разыскивая нуждавшееся в починке бальное платье. Перекинув его через руку, она по галерее, окружавшей холл, направилась к спальне родителей. Дверь в спальню была приотворена, и, прежде чем Скарлетт успела постучать, до нее долетел тихий, но твердый голос Эллин:

— Мистер О'Хара, вы должны рассчитать Джонаса Уилкерсона.

Джералд мгновенно вскипел:

— А где прикажете мне достать другого управляющего, который не обирал бы меня до последней нитки?

— Он должен быть уволен немедленно, завтра же утром. Большой Сэм хороший надсмотрщик и может заменить Джонаса, пока вы не наймете другого управляющего.

— А, вот оно что! Понятно. Уважаемый Джонас забрюхатил...

— Его надо уволить.

«Так значит, это он — отец ребенка Эмми Слэттери, — подумала Скарлетт. — Прекрасно. Чего еще можно ожидать от янки и от девчонки из такой семьи, как эта белая рвань!»

Скромно выждав за дверью, чтобы дать Джералду время утихомириться, Скарлетт постучалась, вошла и протянула матери платье.

Пока Скарлетт раздевалась и, задув свечу, укладывалась в постель, в голове ее уже полностью созрел план завтрашних действий. План был крайне прост, ибо с унаследованной от Джералда целеустремленностью она ясно видела перед собой только то, чего хотела достичь, и шла к этой цели наикратчайшим путем.

Прежде всего надо быть гордой, как наставлял Джералд. Появиться в Двенадцати Дубах веселой и оживленной, как никогда. Ни одна душа не должна заподозрить, что она убита союзом Эшли с Мелани. Она будет кокетничать напропалую со всеми мужчинами подряд. Это, конечно, жестоко по отношению к Эшли, но зато его еще сильнее потянет к ней. Она не оставит без внимания ни одного из возможных претендентов на ее руку, начиная от

рыжеусого перестарка Фрэнка Кеннеди, ухажера Сьюлин, и кончая тихим, скромным, застенчивым, как девушка, Чарльзом Гамильтоном, братом Мелани. Все они будут виться вокруг нее, как пчелы вокруг цветка, и, само собой разумеется, Эшли покинет Мелани и присоединится к свите ее поклонников. Тогда она как-нибудь улучит минутку, чтобы остаться с ним наедине. Она надеялась, что все произойдет именно так, — ведь иначе привести ее план в исполнение будет нелегко. Ну а уж если Эшли не сделает первого шага, ей просто придется сделать его самой.

А когда они наконец останутся вдвоем, он мысленно все еще будет видеть ее, окруженную роем поклонников, стремящихся добиться ее расположения, и в глазах его снова появится знакомое ей выражение обреченности и боли. И тогда она осчастливит его. Она откроет ему, что для нее, столь для всех желанной, всех на свете желанней он. И когда она сделает ему свое признание, он увидит, как она мила и скромна и сколько в ней других бесценных качеств. Конечно, она сделает это с достоинством, как настоящая леди. Она не собирается бросаться ему на шею с криком: «Я люблю вас!» Это не годится. Впрочем, вопрос о том, в какой форме признаться ему в своем чувстве, не слишком ее тревожил. Она уже бывала в такого рода положениях не раз, сумеет и теперь.

Лежа в постели, вся залитая лунным светом, она мысленно рисовала себе эту сцену. Перед ней возникало изумленное и счастливое лицо Эшли, внимающего ее любовному признанию, и она слышала его голос, произносящий заветные слова: «Я прошу вас стать моей женой».

Конечно, она ответит, что не может принять предложение человека, помолвленного с другой, но он будет настаивать, и она в конце концов уступит. И тогда они примут решение в этот же вечер бежать из дому, добраться до Джонсборо и...

Да, завтра в этот час она, быть может, уже станет миссис Эшли Уилкс!

Скарлетт села в постели, обхватив колени руками, и на несколько счастливейших в ее жизни минут почувствовала себя миссис Эшли Уилкс, женой Эшли! А потом легкий холодок сомнения закрался в ее сердце. А что, если не получится так, как она задумала? Что, если Эшли не предложит ей бежать с ним? Но она тут же прогнала прочь эту мысль.

«Не стану думать об этом сейчас, — твердо сказала себе она. — Начну думать — только еще больше расстроюсь. Все должно получиться так, как я хочу... если он меня любит. А он любит меня, я это знаю!»

Она закинула голову, и в ее светлых, в темной оправе ресниц глазах сверкнули отблески луны. Эллин не открыла ей одной простой истины: желать — это еще не значит получить. А жизнь еще не научила тому, что победа не всегда достается тем, кто идет напролом. Она лежала в пронизанном лунным сиянием полумраке, и в ней росла уверенность, что все будет хорошо, и она строила смелые планы — как строят их в шестнадцать лет, когда жизнь так прекрасна, что возможность поражения кажется невозможной, а красивое платье в сочетании с нежным цветом лица — залогом победы над судьбой.

Было десять часов утра. На редкость горячее апрельское солнце струило сквозь голубые занавески в спальне Скарлетт золотистый поток лучей. Солнечные блики играли на кремовых стенах, отражались в темно-красной, как вино, глуби старинной мебели и заставляли пол сверкать, точно зеркало, там, где их не поглощали пестрые пятна ковров.

Дыхание лета уже чувствовалось в воздухе — первое дуновение зноя, который придет на смену весне, начинавшей мало-помалу сдавать свои позиции. В теплых струях, проникавших из сада в комнату, был разлит бархатистый аромат молодой листвы, цветов и влажной, свежевспаханной земли. За окнами поражало глаз белоснежное буйство нарциссов, распустившихся по обеим сторонам усыпанной гравием подъездной аллеи, а позади них — пышные, округлые, похожие на юбки с кринолином кусты желтого жасмина склоняли до земли свои отягощенные золотыми цветами ветви. Пересмешники и сойки, занятые извечной борьбой за обладание растущей под окном магнолией, затеяли очередную перебранку: крики соек звучали язвительно и резко, голоса пересмешников — жалобно и певуче.

В такое ослепительное утро Скарлетт обычно сразу подбегала к окну и, положив локти на подоконник, впитывала в себя ароматы и звуки Тары. Но сегодня сияние солнца и лазурь небес пробудили в ней только одну мысль: «Слава богу, дождя не будет!» На постели стояла картонная коробка с бережно уложенным в нее светло-зеленым муаровым платьем с воланами из кремовых кружев, приготовленная для отправки в Двенадцать Дубов, дабы Скарлетт могла сменить там свой туалет перед балом, но она, скользнув по платью взглядом, лишь пожала плечами. Если все пойдет так, как она задумала, это платье не понадобится ей сегодня вечером. Задолго до начала бала они с Эшли будут уже на пути к Джонсборо, к венцу. Сейчас ее волновал совсем другой вопрос: какое платье надеть на барбекю?

Какое платье сделает ее особенно неотразимой в глазах Эшли? С восьми часов утра она примеряла то одно, то другое и теперь стояла расстроенная, подавленная, в кружевных панталонах, корсете и в трех пышных полотняных, отделанных кружевом нижних юбках. А отвергнутые платья пестрыми грудями шелка, оборок и лент громоздились вокруг нее на полу, на постели, на стульях.

Розовое платье из органди с длинным ярко-красным поясом, несомненно, было ей к лицу, но она надевала его прошлым летом, когда Мелани приезжала в Двенадцать Дубов, и та, конечно, могла его запомнить. А значит, ничто не помешает ей съязвить на этот счет. Черное бомбазиновое с буфами на рукавах и большим стоячим кружевным воротником выгодно оттеняет ее ослепительную кожу, но нельзя не признать, что оно ее чуточку старит. Скарлетт озабоченно шагнула к зеркалу и взгляделась в свою шестнадцатилетнюю мордашку, словно боясь увидеть морщины или дряблый подбородок. Но Мелани так юна и свежа — ни в коем случае нельзя казаться возле нее старше своих лет. Сиреневое в полоску муслиновое платье с большими кружевными медальонами и тюлевым воланом красиво, но не в ее стиле. Кэррин с ее тонким профилем и бесцветным личиком выглядела бы в нем недурно, сама же она в этом платье будет похожа на школьницу, а это уж никак не годится — походить на школьницу рядом со спокойной, исполненной достоинства Мелани. Клетчатое платье из зеленой тафты все в мелких оборочках, обшитых по краю зеленой бархатной лентой, шло ей бесподобно, и вообще это было ее любимое платье — когда она его надевала, глаза ее приобретали совсем изумрудный оттенок, — но, увы, спереди на лифе отчетливо виднелось

жирное пятно. Конечно, можно было бы замаскировать пятно, приколов брошь, но как знать, может быть, у Мелани очень зоркий глаз. Значит, оставались либо пестрые ситцевые платья, недостаточно нарядные для такого случая, либо бальные платья, либо зеленое муслиновое в цветочек, которое она надевала вчера. Но это было скорее вечернее платье, не слишком подходящее для барбекю, с глубоким вырезом, почти как у бального платья, и крошечными буфами вместо рукавов. И все же она не видела другого выхода, как остановить свой выбор на нем. В конце концов, ей не приходится стыдиться своей шеи, плеч и рук, даже если и не очень пристало обнажать их с утра.

Стоя перед зеркалом, она изогнулась в талии, чтобы оглядеть себя сбоку, и не обнаружила в своей фигуре ни малейшего изъяна. Не слишком длинная шея была приятно округлой и соблазнительной, как и руки, да и выглядывавшие из корсета груди были очень милы. Не в пример многим шестнадцатилетним девчонкам, ей никогда не приходилось пришивать крошечные шелковые оборочки к подкладке лифа, чтобы придать фигуре более пышные формы. Ее радовало, что у нее, как у Эллин, тонкие, длинные белые кисти рук и маленькие ступни, и, конечно, ей хотелось бы стать такой же высокой, как Эллин, но, в общем, Скарлетт была вполне довольна своим ростом. Обидно, что платье закрывает ноги, подумала она, приподняв нижние юбки и окидывая взглядом округлые стройные ножки, выглядывавшие из-под панталон. Что говорить, у нее очень хорошенькие ножки. Даже девочки в фейетвиллском пансионе всегда ими восхищались. И уж конечно, такой тонкой талии, как у нее, нет ни у кого, не только в Фейетвилле и Джонсборо, а, пожалуй, и во всех трех графствах, если на то пошло.

Мысль о талии заставила ее вернуться к практическим делам. Мамушка затянула ее корсет в талии до восемнадцати дюймов — для бомбазинового платья, а зеленое муслиновое требует, чтобы было не больше семнадцати. Надо велеть ей затянуть потуже. Скарлетт приотворила дверь, прислушалась: из холла доносилась тяжелая поступь Мамушки. Скарлетт нетерпеливо окликнула ее, зная, что в этот час она может как угодно покрикивать на слуг, потому что Эллин сейчас в копильне — выдает кухарке продукты.

— Похоже, кому-то кажется, что у меня за спиной крылья, — проворчала Мамушка, поднимаясь по лестнице. Она с трудом переводила дух, и лицо ее выражало неприкрытую готовность к битве. В больших черных руках покачивался поднос, над которым поднимался пар от двух крупных, политых маслом ямсов, груды гречишных оладий в сиропе и большого куска ветчины, плавающего в подливке. При виде этой ноши легкое раздражение, написанное на лице Скарлетт, сменилось выражением воинственного упрямства. Волнение, связанное с выбором платья, заставило ее забыть установленное Мамушкой железное правило: прежде чем девочки отправятся в гости, их следует так напичкать едой дома, чтобы там они уже не могли проглотить ни кусочка.

— Зря притащила. Я не стану есть. Унеси все обратно на кухню.

Мамушка поставила поднос на стол, выпрямилась, уперла руки в бока.

— Нет, мисс, кушать вы будете! Нужно мне больно, чтоб опять трепали языком, как в тот раз: видать, нянька ее дома не покормила! Все скушаете до последнего кусочка!

— Нет, не стану! Поди сюда, затяни мне корсет потуже, я и так опаздываю. Экипаж уже подан — я слышала, как он подъехал.

Теперь Мамушка заговорила вкрадчиво:

— Ну же, мисс Скарлетт, будьте умницей, поешьте немножко. Кэррин и мисс Сьюлин скушали все до капельки.

— Еще бы им не скушать, они же трусливые, как кролики, — презрительно сказала Скарлетт. — А я не стану. Убери поднос! Я прекрасно помню, как я уплела все, что ты притащила, а потом у Калвертов было мороженое, для которого они получили лед из самой Саванны, а я не смогла съесть ни ложечки. А сегодня я буду есть в свое удовольствие все, что захочу.

Такой открытый бунт заставил Мамушку грозно сдвинуть брови. Что положено делать воспитанной барышне и чего не положено, было в ее глазах непререкаемо и так же отличалось одно от другого, как белое от черного. Никакой середины тут быть не могло. Сьюлин и Кэррин были воском в ее мощных руках и внимательно прислушивались к ее наставлениям. А вот внушить Скарлетт, что почти все ее естественные природные склонности противоречат требованиям хорошего тона, было нелегко. Каждая победа, одержанная Мамушкой над Скарлетт, завоевывалась с великим трудом и с помощью различных коварных уловок, недоступных белому уму.

— Ну, может, вам наплевать, как судачат про вашу семейку, а мне это ни к чему, — ворчала она. — Не больно-то приятно слушать, когда про вас, мисс Скарлетт, говорят, что у вас воспитание хромает. А уж я ли вам не толковала, что настоящую-то леди всегда видать по тому, как она ест, — клюнет, словно птичка, и все. Прямо сказать, не по нутру мне это, не допущу я, чтобы вы у господ Уилксов набросились, как ястреб, на еду и начали хватать с тарелок что ни попадя.

— Но ведь мама же — леди, а она ест в гостях, — возразила Скарлетт.

— Вот станете замужней дамой и ешьте себе на здоровье, — решительно заявила Мамушка. — А когда мисс Эллин была, как вы, барышней, она ничего не ела в гостях, и ваша тетушка Полин, и тетушка Евлалия — тоже. И все они вышли замуж. А кто много ест в гостях, тому не видать женихов как своих ушей.

— Неправда! Как раз на том пикнике, когда ты меня не напичкала заранее, потому что была больна, Эшли Уилкс сказал мне, что ему нравится, если у девушки хороший аппетит.

Мамушка злое покаяние покачала головой.

— Одно дело, что жентмуны говорят, а другое — что у них на уме. Я что-то не слыхала, чтоб мистер Эшли хотел на вас жениться.

Скарлетт нахмурилась, резкий ответ готов был слететь у нее с языка, но она сдержалась. Слова Мамушки попали в точку, возразить было нечего. Мамушка же, заметив смятенное выражение ее лица, коварно переменяла тактику: она взяла поднос и, направляясь к двери, испустила тяжелый вздох.

— Что ж, будь по-вашему. А я-то еще говорила кухарке, когда она собирала поднос: «Настоящую леди всегда видать по тому, как она ничего не ест в гостях. Взять, к примеру, сказала я, мисс Мелли Гамильтон, что приезжала в гости к мистеру Эшли... то бишь — к мисс Индии. Никто не ест меньше ее даже среди самых благородных белых леди».

Скарлетт бросила на нее исполненный подозрения взгляд, но широкое лицо Мамушки выражало только искреннее сожаление по поводу того, что Скарлетт далеко до такой настоящей леди, как мисс Мелани Гамильтон.

— Поставь поднос и зашнуруй мне корсет потуже, — с досадой молвила Скарлетт. — Может быть, я перекушу немного потом. Если я поем сейчас, корсет не затянется.

Не подавая виду, что победа осталась за ней, Мамушка поставила поднос.

— А какое платье наденет мой ягненочек?

— А вот это, — сказала Скарлетт, указывая на пену зеленого муслина в цветочек. В

мгновение ока Мамушка изготовилась к новой схватке.

— Ну уж нет! Совсем негоже этак обряжаться с утра. Кто это выставляет груди напоказ до обеда, а у этого платья ни воротничка, ни рукавчиков! И веснушки, ей-же-ей, опять высыпят. Вы что, позабыли уж, на что стали похожи летом, как посидели в Саванне на бережку, и столько я на вас за зиму пахтанья извела? Пойду спрошу мисс Эллин, чего она велит вам надеть.

— Если ты скажешь ей хоть слово, прежде чем меня оденешь, я не проглочу ни кусочка, — холодно произнесла Скарлетт. — Потом она уже не пошлет меня переодеваться, времени не хватит.

Мамушка снова вздохнула, на этот раз признавая себя побежденной, и выбрала из двух зол меньшее: пусть уж вырядится в вечернее платье с утра — все лучше, чем уплетать за обе щеки за чужим столом.

— Ухватитесь за что-нибудь покрепче и втяните живот, — распорядилась она.

Скарлетт послушно выполнила приказ, вцепившись обеими руками в спинку кровати. Мамушка, поднатужившись, затянула шнуровку, и когда тоненькая, зажатая между пластинок из китового уса талия стала еще тоньше, взгляд ее выразил восхищение и гордость.

— Да уж, такой талии, как у моего ягненочка, поискать! — одобрительно промолвила она. — Попробуй затяни так мисс Сьюлин, она тут же — хлоп в обморок!

— Ух! — выдохнула Скарлетт. — Я еще ни разу в жизни не падала в обморок, — с трудом вымолвила она.

— А другой раз не мешает и упасть, — наставительно сказала Мамушка. — Уж больно-то вы храбрая, мисс Скарлетт. Я давно хотела вам сказать: хорошего мало, ежели вот так-то, как вы, ничего не пугаться — ни тебе змей, ни мышей, ни чего другого, и не уметь падать в обморок. Дома, понятно, оно ни к чему, а вот ежели на людях... Сколько уж я вам толковала...

— Давай скорей. Не болтай так много. Вот посмотришь, я выйду замуж, даже если не буду взвизгивать и лишаться чувств. Господи, до чего ж туго ты меня зашнуровала! Давай сюда платье.

Мамушка аккуратно расправила двенадцать ярдов зеленого в цветочек муслина поверх торчащих накрахмаленных юбок и принялась аккуратно застегивать на спине низко вырезанный лиф платья.

— Упаси вас бог скидать шарф али шляпу, ежели солнце станет припекать, — наказывала она. — Не то вернетесь черная, как старуха Слэттери. Ну теперь поешьте, голубка, только не торопясь. Мало толку, если все пойдет обратно.

Скарлетт покорно присела к столу, исполненная сомнений: сможет ли она дышать, если проглотит хоть кусочек? Мамушка сняла с вешалки большое полотенце, осторожно повязала его Скарлетт на шею и расправила белые складки у нее на коленях. Скарлетт принялась сначала за свою любимую ветчину и, хотя и не без труда, проглотила первый кусок.

— Боже милостивый, поскорее бы уж выйти замуж! — возмущенно заявила она, с отвращением втыкая вилку в ямс. — Просто невыносимо вечно придуриваться и никогда не делать того, что хочешь. Надоело мне притворяться, будто я ем мало, как птичка, надоело степенно выступать, когда хочется побегать, и делать вид, будто у меня кружится голова после тура вальса, когда я легко могу протанцевать двое суток подряд. Надоело восклицать: «Как это изумительно!», слушая всякую ерунду, что несет какой-нибудь олух, у которого мозгов вдвое меньше, чем у меня, и изображать из себя круглую дуру, чтобы мужчинам было

приятно меня просвещать и мнить о себе невесте что... Не могу я больше съесть ни крошки!

— Одну оладушку, пока не простыли, — непреклонно произнесла Мамушка.

— Почему девушка непременно должна казаться душой, чтобы поймать жениха?

— Да думается мне, это оттого, что жентмуны сами не знают, чего им нужно. Они только думают, что знают. Ну а чтоб не горевать целый век в старых девах, надо делать так, как они хотят. А жентмунам-то кажется, что им нужны тихие, маленькие дурочки, у которых и аппетиту и мозгов не больше, чем у птичек. Сдается мне, ни один жентмун не сделает предложения девушке, ежели заметит, что она кое в чем смыслит больше его.

— Значит, для них большая неожиданность, когда они после свадьбы обнаруживают, что их супруги — не полные идиотки?

— Ну, тогда уж все равно поздно. Они ведь женились уже. Да, сдается мне, жентмуны догадываются малость, что у их жен есть кой-что в голове.

— Когда-нибудь я стану говорить и делать все, что мне вздумается, и плевать я хотела, если это кому-то придется не по нраву.

— Не бывать этому, — угрюмо сказала Мамушка. — Нет, пока я жива. Ну, ешьте оладьи. Да обмакните их в соус, моя ласточка.

— Не думаю, чтобы все девушки-янки разыгрывали из себя таких дурочек. Когда в прошлом году мы были в Саратогге, я заметила, что многие из них проявляли здравый смысл, и притом в присутствии мужчин тоже.

Мамушка фыркнула:

— Янки? Да уж, мэм, эти янки говорят все, что им взбредет на ум, только что-то я не заметила, чтобы к ним много сватались.

— Но ведь рано или поздно они все равно выходят замуж, — возразила Скарлетт. — Янки же не вырастают просто так из-под земли. Значит, они выходят замуж и рожают детей, и притом их там очень много.

— Мужчины женятся на них ради денег, — убежденно заявила Мамушка.

Скарлетт окунула кусок оладьи в соус и отправила в рот. Может, Мамушка и знает, о чем толкует. Может, в этом и вправду что-то есть, ведь Эллин, в общем-то, говорит то же самое, только выражается по-другому, более деликатно. Да, в сущности, матери всех ее подружек внушают своим дочерям, что они должны казаться беспомощными, беззащитными, кроткими, как голубки, неземными существами. Ведь не зря же было выработано и так прочно внедряется это притворство! Может, она и впрямь вела себя слишком смело? Иной раз она спорила с Эшли и позволяла себе открыто высказывать свое мнение. Что, если это, а также ее пристрастие к далеким прогулкам пешком или верхом оттолкнуло от нее Эшли и заставило обратить внимание на хрупкую Мелани? Быть может, поведи она себя по-другому... Однако она чувствовала, что перестанет уважать Эшли, если окажется, что он способен попасться на крючок таких обдуманых женских уловок. Ни один мужчина, который настолько глуп, чтобы приходить в восторг от этого жеманства, притворных обмороков и лицемерных «О, какой вы замечательный!», не стоит того, чтобы за него бороться. И тем не менее, по-видимому, всем без исключения мужчинам это нравится.

Если до сих пор она неправильно вела с себя с Эшли... Ну что ж, что было, то было, ничего тут не поделаешь. С этого дня она попробует по-другому, применит более правильную тактику. Но в ее распоряжении всего несколько часов, чтобы заполучить его, и если для этого нужно падать в обморок или делать вид, что падаешь, так она это сумеет. Если жеманством и наивно-глупым кокетством можно его привлечь, что ж, пожалуйста, она прикинется такой

пустоголовой кокеткой, что даст сто очков вперед даже этой безмозглой Кэтлин Калверт. А если понадобится действовать более смело, она готова и к этому. Сегодня или никогда! И, увы, не нашлось человека, который помог бы Скарлетт понять, что все, заложенное в ней от природы, даже ее беспощадная жизненная хватка, куда привлекательнее, чем любая личина, которую она сумеет на себя нацепить. Впрочем, хотя ей и было бы приятно это услышать, она бы все равно не поверила. Да и весь тот мир, плотью от плоти которого она была, тоже не принял бы такого воззрения, ибо простота и непосредственность в женщине никогда не имели большой цены в глазах этих людей.

Пока коляска, поднимая красную пыль, катилась по дороге к Двенадцати Дубам, Скарлетт, не без некоторых угрызений совести, радовалась тому, что ни Эллин, ни Мамушка не будут присутствовать на барбекю. Не будет никого, чьи чуть заметно приподнятые брови или невольное выпяченная нижняя губа могли бы помешать ей привести в исполнение свой план. Конечно, Сьюлин наябедничает им завтра, но, если все осуществится, как задумано, семья будет слишком взволнована ее обручением с Эшли и их бегством, чтобы выразить недовольство ее поведением на барбекю. И Скарлетт радовало, что Эллин была вынуждена остаться дома.

Джералд, с утра подкрепившись бренди, дал Джонасу Уилкерсону расчет, и Эллин осталась дома, чтобы принять у него дела и проверить отчетность. Скарлетт поцеловала мать на прощание в маленьком кабинетике, где Эллин сидела перед высоким, набитым всяческими бумагами секретером. Джонас Уилкерсон со шляпой в руке и плохо скрытым выражением бешенства на худом смуглом лице стоял перед нею: шутка ли — так бесцеремонно лишить его столь выгодной должности, какой не сыщешь больше во всем графстве! И все из-за такого пустяка, как маленькая шалость на стороне. Сколько он ни старался вдолбить Джералду — который, впрочем, с ним и не спорил, вполне разделяя его точку зрения, — что отцом ребенка Эмми Слэттери с такой же долей вероятности может оказаться любой другой мужчина, это никак не меняло дела в глазах Эллин. Джонас пылал ненавистью ко всем южанам. Он ненавидел их холодную учтивость и их высокомерное презрение к людям его круга, отчетливо проступавшее сквозь эту учтивость. И с особенной силой ненавидел он Эллин О'Хара, ибо она была олицетворением всего, столь ненавистного ему в южанах.

Мамушка, как главная над всей дворовой челядью, тоже осталась, чтобы помогать Эллин, и на козлах, рядом с Тоби, держа на коленях длинную картонку с бальными платьями, восседала Дилси. Джералд верхом на своем могучем гунтере ехал рядом с коляской, разогретый бренди и очень довольный собой: это неприятное дело с увольнением было позади, и управился он с ним неожиданно быстро. Просто предоставил Эллин довести все до конца, ни на секунду даже не подумав о том, каким это будет для нее разочарованием — не побывать на барбекю и не повидаться с друзьями. Был прекрасный весенний день, щебетали птицы, вокруг, лаская взор, расстилались земли Тары, и настроение у Джералда было самое игривое; он чувствовал себя молодым, и серьезные мысли не шли ему на ум. Временами его вдруг прорывало какой-нибудь веселой ирландской песенкой, вроде «В повозке с верхом откидным» или же меланхолической элегией в честь Роберта Эммета^[2] «На чужой стороне пал бесстрашный герой»...

Он был счастлив, с удовольствием предвкушая веселый денек с друзьями, возможность вволю подрать глотку, проклиная янки и призывая на их голову войну, а когда он взглядывал

на своих трех прелестных дочек в ярких платьях с кринолинами и с этими крошечными дурацкими зонтиками в руках, сердце его преисполнялось гордостью. Вчерашний разговор со Скарлетт нимало его не тревожил, ибо начисто испарился из его памяти. Он просто думал о том, какая она хорошенькая, и как все будут ему завидовать, и что глаза у нее сегодня кажутся такими ярко-зелеными, совсем как холмы Ирландии... И, ощутив в душе эту поэтическую жилку, он, окончательно возгордившись, осчастливил дочерей громким, хотя и несколько фальшивым исполнением «Увенчав себя зеленым клевером».

Скарлетт поглядывала на него снисходительно-насмешливым оком, как мать на маленького хвастунишку-сына. Она знала наперед, что к вечеру он будет мертвецки пьян. Возвращаясь домой в полном мраке, он, как всегда, будет пытаться перемахнуть через все изгороди на пути от Двенадцати Дубов к Таре, а ей останется только полагаться на милость Провидения и на здравый смысл лошади и надеяться, что он не свернет себе шею. Презрев все мосты на свете, он, разумеется, пустит лошадь вплавь через реку и, возвратясь домой, будет орать во всю плотку, требуя, чтобы Порк уложил его спать в кабинете на диване, а Порк, как всегда в этих случаях, уже будет дожидаться его в холле с зажженной лампой в руке.

Он, конечно, приведет в негодность свой новый серый поплиновый костюм и будет страшно чертыхаться поутру, во всех подробностях описывая Эллин, как лошадь угораздило свалиться в темноте с моста в реку, и эта явная ложь будет принята всеми как должное, хотя никто, разумеется, ей не поверит, а он будет чувствовать себя при этом великим хитрецом.

«Какой же он славный, безответственный, эгоистичный ребенок», — с внезапным приливом нежности подумала Скарлетт. Она чувствовала себя такой приятно взволнованной и счастливой сегодня, что ей хотелось обнять и Джералда, и весь мир. Она была красива и сознавала это. Нежно пригревало солнце, вокруг во всем своем великолепии блистала весна, и Скарлетт знала, что еще до заката Эшли будет у ее ног. Сочно-красная земля в глубоких, размытых зимними дождями придорожных канавах просвечивала сквозь нежную зеленую поросль куманики. Голые глыбы гранитных валунов, разбросанные по красной глине, уже оплетались стеблями диких роз, а полчища нежно-лиловых фиалок шли в наступление со всех сторон. Осыпанные белым цветом кизилловые леса на холмах за рекой блистали на солнце, подобно вершинам снежных гор. Бело-розовое буйство весны увенчало цветами ветви яблонь, а под деревьями, там, куда проникали солнечные лучи, испещренный бликами многоцветный пестрый ковер жимолости отливал пурпурным, оранжевым и алым. Легкий ветерок приносил откуда-то тонкий аромат цветущих кустарников, и воздух был так насыщен благоуханием, что его пряный привкус, казалось, можно было ощутить на языке.

«До конца жизни я буду помнить, как прекрасен был этот день! — подумала Скарлетт. — И быть может, он станет днем моего венчания с Эшли».

И у нее сладко замерло сердце при мысли о том, что сегодня на закате дня она будет скакать верхом бок о бок с Эшли среди этой зеленой многоцветной красоты, спеша в Джонсборо, под венец. Или ночью, при луне. Конечно, потом они сыграют настоящую свадьбу в Атланте, но об этом уж позаботятся Эллин и Джералд. На мгновение ей стало не по себе, когда перед ней вдруг возникло лицо Эллин, побелевшее от ужаса и стыда при вести о том, что ее дочь бежала с чужим женихом, уводя его из-под венца. Впрочем, Скарлетт не сомневалась, что Эллин простит ее, когда увидит, как она счастлива. И Джералд, конечно, будет рычать и браниться на чем свет стоит. Но какие бы он ни приводил вчера доводы против ее брака с Эшли, в душе-то он будет рад-радешенек породниться с Уилксами.

«И вообще, я успею обо всем этом подумать, когда уже стану его женой», — сказала она

себе, отгоняя тревогу прочь.

Под этим теплым солнцем, в этот яркий весенний день, когда вдаль на холме за рекой уже показались печные трубы Двенадцати Дубов, таким трепетным предвкушением счастья была полна ее душа, что в ней не оставалось места для других чувств.

«Здесь я буду жить весь остаток моих дней, и пятьдесят, а может, и больше весен будут приходить одна на смену другой, и я расскажу моим детям и внукам, как прекрасна была эта весна — прекрасней всех, какие были и будут на земле». И мысль эта переполнила ее такой радостью, что она невольно подхватила припев «Зеленого клевера», заслужив этим шумное одобрение Джералда.

— Чему это ты так радуешься сегодня с утра? — сварливо заметила Сьюлин, которая все еще злилась из-за того, что зеленое шелковое бальное платье Скарлетт было бы куда больше к лицу ей, чем его законной обладательнице. И почему Скарлетт всегда такая жадная — нипочем не даст поносить ни платья, ни шляпки? И почему мама всегда берет сторону Скарлетт и утверждает, что ей, Сьюлин, не идет зеленый цвет? — Тебе ведь не хуже моего известно, что сегодня будет оглашена помолвка Эшли. Папа мне с утра сказал. А я-то знаю, что ты уже не первый месяц сохнешь по нему.

— А больше ты ничего не знаешь? — отпарировала Скарлетт и показала ей язык. Она не даст испортить себе настроение в такой день. Интересно, что скажет мисс вредина Сьюлин в это время завтра!

— Это же неправда, Сьюзи! — возразила шокированная ее словами Кэррин. — Скарлетт нравится не он, а Брент.

Смеющиеся зеленые глаза Скарлетт скользнули по лицу младшей сестренки: эта ангельская доброта была для нее просто непостижима. Каждому человеку в доме было известно, что тринадцатилетняя Кэррин отдала свое сердце Бренту Тарлтону, хотя для него она всего-навсего младшая сестренка Скарлетт, и только. И за спиной Эллин все остальные члены семьи постоянно дразнили ее этим, доводя до слез.

— Я и думать забыла о Бренте, моя дорогая, — заявила Скарлетт, от полноты своего счастья проявляя великодушие. — А он и думать забыл обо мне. Он ждет, когда ты подрастешь.

Круглое личико Кэррин порозовело: радость боролась в ней с недоверием.

— Что ты, Скарлетт! Неужели правда?

— Ты же знаешь, Скарлетт, что говорит мама? Кэррин еще слишком мала, чтобы думать о поклонниках. Зачем ты морочишь ей голову?

— Ну и ступай, наябедничай, мне наплевать. Ты хочешь, чтобы она всегда ходила в малышках, потому что знаешь: через год-два она, как подрастет, станет красивее тебя.

— Придержи-ка хоть сегодня свой язык, не то отведаешь у меня хлыста, — предостерег Скарлетт отец. — Тихо мне! Слышите — колеса гремят? Верно, Тарлтоны или Фонтейны.

Они приближались к пересечению с дорогой, спускавшейся по лесистому склону от Мимозы и Прекрасных Холмов, и из-за высокой, плотной стены деревьев стали отчетливее доноситься стук копыт, скрип колес и веселый гомон женских голосов. Джералд, ехавший чуть впереди, натянул поводья и сделал Тоби знак остановить коляску у перекрестка.

— Это тарлтонские дамы, — сообщил он дочери, и его румяное лицо расцвело в улыбке, так как из всех женщин в округе рыжеволосая миссис Тарлтон пользовалась у него наибольшей симпатией, не считая, разумеется, Эллин. — И небось сама хозяйка на козлах. Да уж, эта женщина умеет править лошадьми! Легкая, как перышко, а крепка, что твоя

сыромятная плеть, и чертовски недурна к тому же. Можно только пожалеть, что всем вам, с вашими нежными ручками, далеко до нее, — добавил он, окинув неодобрительным взглядом дочерей. — Кэррин — та вообще боится бедных лошадок, словно диких зверей, у Сью руки делаются как крюки, стоит ей взяться за вожжи, да и ты, моя кошечка...

— Ну, меня-то, по крайней мере, еще ни одна лошадь не сбросила! — возмущенно воскликнула Скарлетт. — А миссис Тарлтон на каждой охоте вылетает из седла.

— И, сломав ключицу, держится как настоящий мужчина, — сказал Джералд. — Ни обмороков, ни ахов-охов. Ладно, хватит, вон она едет.

Приподнявшись на стремянах, он снял шляпу и приветственно взмахнул ею над головой, когда коляска Тарлтонов — все девушки в ярких платьях, с развевающимися вуалями, с зонтиками от солнца, миссис Тарлтон, как и предрекал Джералд, на козлах — показалась из-за поворота. Да для кучера и не хватило бы места: четыре дочки, мать, няня и куча длинных картонок с бальными платьями заполняли всю коляску. К тому же Беатриса Тарлтон с неохотой отдавала вожжи в чужие — будь то белые, будь то черные — руки, если ее собственные не были в лубках. Хрупкая, узкобедрая и такая белокожая, словно ее огненно-рыжие волосы впитали в себя все краски, отпущенные ей природой, она обладала цветущим здоровьем и неутомимой энергией. Родив восьмерых детей, таких же огненно-рыжих и жизнестойких, как она сама, миссис Тарлтон, по мнению графства, неплохо сумела их воспитать, дрессируя совершенно так же, как своих любимых жеребят, — строго, любовно и не слишком стесняя их свободу. «Держи в узде, но не превращай в слюнтяев» — таков был ее девиз.

Лошади были ее страстью, и о них она могла говорить не умолкая. Она знала в них толк и умела с ними обходиться не хуже любого мужчины в графстве. Жеребята резвились и на выгоне, и на газоне перед домом, а восемь ее отпрысков носились по всему звеневшему от их криков дому на холме, и в каком бы уголке плантации ни показалась миссис Тарлтон, за ней неизменно следовала целая свита мальчишек, девчонок, жеребят и гончих. Все лошади, а в особенности гнедая кобыла Нелли, обладали, по ее словам, недюжинным умом, и если какие-либо хлопоты по дому задерживали хозяйку позже установленного для верховой прогулки часа, она говорила, вручая одному из негрят сахарницу:

— Ступай отнеси Нелли и скажи ей, что я буду, как только управлюсь.

Почти всегда, за редчайшим исключением, она носила амазонку, ибо если не сидела верхом, то в любую минуту готова была вскочить в седло и потому, встав со сна, сразу же приводила себя в боевую готовность. Каждое утро, хоть в ведро, хоть в ненастье, Нелли седлали и прогуливали перед домом, ожидая, когда миссис Тарлтон улучит часок для верховой езды. Но управлять плантацией Прекрасные Холмы было делом нешуточным, урвать свободную минуту тоже не так-то легко, так что Беатриса Тарлтон, небрежно перекинув шлейф амазонки через руку и сверкая начищенными сапогами, мелькала по дому.

И сегодня в темном шелковом платье с небольшим, не по моде, кринолином она выглядела так, словно и на этот раз надела амазонку, ибо платье было, в сущности, такого же строгого покроя, а маленькая черная шляпка с длинным черным пером, слегка сдвинутая набок над карим смеющимся глазом, казалась точной копией потрепанного старого котелка, в котором миссис Тарлтон обычно выезжала на охоту.

Увидав Джералда, она помахала ему хлыстом и осадил парю своих игривых гнедых лошадок, а четыре девушки, перегнувшись через борт коляски, огласили воздух такими громкими приветственными кликами, что испуганная упряжка затанцевала на месте.

Стороннему наблюдателю могло показаться, что Тарлтоны встретились с О'Хара никак не после двухдневной, а по меньшей мере после многолетней разлуки. Это была приветливая, общительная семья, очень расположенная к своим соседям и особенно к девочкам О'Хара. Точнее говоря — к Сьюлин и Кэррин. Ни одна девушка во всей округе — разве что за исключением глупышки Кэтлин Калверт — не испытывала никакой симпатии к Скарлетт О'Хара.

Летом пикники и балы устраивались в округе почти каждую неделю, но рыжеволосые Тарлтоны, с их непревзойденной способностью веселиться от души, радовались любому балу и любому пикнику так, словно он был первым в их жизни. Они с трудом разместились в коляске — эти четыре милovidные цветущие девушки в пышных платьях с кринолинами и воланами, никак не вмещавшимися в экипаж и торчавшими над колесами, в больших соломенных шляпах, украшенных розами и завязанных под подбородком черными бархатными лентами, с зонтиками в руках, то и дело приходившими в столкновение из-за недостатка места. Все оттенки рыжих кудрей выглядывали из-под шляп: ярко-рыжие — у Хэтти, светлые, рыжевато-золотистые — у Камиллы, каштановые, отливающие бронзой — у Рэнды и почти морковно-красные у маленькой Бетси.

— Какой прелестный рой бабочек, мэм, — галантно произнес Джералд, поравнявшись с коляской. — Но всем им далеко до их матушки.

Золотисто-карие глаза миссис Тарлтон насмешливо округлились, но она так задорно закусила нижнюю губу, что это можно было принять за поощрение, и дочери закричали хором, перебивая друг друга:

— Ма, перестань строить глазки мистеру О'Хара, не то мы все расскажем папе!

— Право же, мистер О'Хара, стоит появиться мало-мальски интересному мужчине вроде вас, как она тут же старается его у нас отбить!

Скарлетт смеялась их шуткам вместе со всеми, но, как всегда, фамильярное обращение тарлтонских барышень со своей матерью шокировало ее. Они держали себя с ней, как с ровней, словно ей тоже было от силы шестнадцать лет. Одна мысль о том, что можно разговаривать в таком тоне с Эллин, казалась Скарлетт кощунственной. И все же... И все же было что-то необыкновенно притягательное в отношениях, существовавших между миссис Тарлтон и ее дочками: они ведь боготворили мать, хотя и позволяли себе подтрунивать над ней и критиковать ее и дразнить. Нет, конечно, — заговорило в Скарлетт тотчас пробудившееся чувство привязанности, — это вовсе не значит, что такая мать, как миссис Тарлтон, кажется ей чем-то лучше Эллин... Просто забавно было бы пошалить и порезвиться с мамой. Но она устыдилась такой мысли, почувствовав даже в этом какое-то неуважение к Эллин. Она знала, что ни под одну из этих соломенных шляпок, колыхавшихся там, над коляской, подобные мысли никогда не заползают, и чувство досады и неясного беспокойства охватило ее, как бывало всякий раз, когда она замечала свою несхожесть с другими.

Наделенная от природы живым, но неспособным к анализу умом, она все же подсознательно чувствовала, что взбалмошные, как дикие кошки, и своевольные, как необъезженные кобылицы, девочки Тарлтон отличаются вместе с тем какой-то необычайной цельностью. И отец и мать их были уроженцами Джорджии, Северной Джорджии, прямыми потомками пионеров этого края. Это придавало им уверенность в себе и устойчивость их образу жизни. Они инстинктивно, но так же отчетливо, как Уилксы, знали, к чему стремятся, только стремления их были направлены совсем на другое. Их никогда не раздирали противоречия, так часто терзавшие Скарлетт, в жилах которой кровь сдержанной,

утонченной аристократки Восточного побережья Атлантики смешалась с кровью жизнелюбивого, смышленного ирландского земледельца. Скарлетт, преклонявшейся перед матерью и обожествлявшей ее, хотелось порой растрепать ей прическу и какой-нибудь дерзостью вывести ее из себя. И вместе с тем она понимала, что одно несовместимо с другим. Двойственность ее проявлялась также и в том, что ей хотелось казаться своим поклонникам хорошо воспитанной, утонченной молодой леди и в то же время — таким задорным бесенком, который не прочь позволить поцеловать себя разок-другой.

— А где же Эллин? — спросила миссис Тарлтон.

— Ей надо уволить нашего управляющего, и она осталась дома, чтобы принять у него отчет. А где сам и мальчики?

— Они уже давно ускакали в Двенадцать Дубов — дегустировать пунш, достаточно ли он, видите ли, крепок. Можно подумать, что до завтрашнего утра у них не хватит на это времени. Придется попросить Джона Уилкса, чтобы он пристроил их куда-нибудь на ночь, хоть в конюшню. Пять пьяных мужчин в доме — это, знаете ли, тяжело для меня. С тремя я еще могу управиться, но уж...

Джералд поспешил переменить предмет разговора. Он чувствовал, как дочери хихикают у него за спиной, вспоминая, в каком состоянии возвратился домой их отец от Уилксов с последнего пикника прошлой осенью.

— А почему вы сегодня не в седле, миссис Тарлтон? Я вас как-то не привык видеть без вашей Нелли. Вы же настоящая Бавкирия.

— Валькирия, вы, может быть, хотели сказать, мой дорогой неуч! — воскликнула миссис Тарлтон, ловко подражая его ирландскому говору. — Так как на Бавкиду-то я уж никак не похожа, разумеется. Это была не женщина, а цветочек.

— Валькирия так Валькирия, какая разница, — ничуть не смутившись своей ошибки, отвечал Джералд. — Я хочу сказать, что, когда вы на охоте и гоните собак, так любой мужчина позавидует вашей посадке и вашему голосу.

— Ну что, мама, получила? — сказала Хэтти. — Сколько раз я тебе говорила, что ты дерешь глотку, как команч, стоит тебе завидеть лисицу.

— Да ты визжишь еще громче, когда няня моет тебе уши, — не осталась в долгу миссис Тарлтон. — А ведь тебе шестнадцать стукнуло! Ну а не в седле я потому, что Нелли сегодня утром ожеребилась.

— Вот как! — с неподдельным интересом воскликнул Джералд — страстный, как все ирландцы, лошажник, и у него заблестели глаза.

А Скарлетт снова была шокирована, невольно сравнив миссис Тарлтон со своей матерью. Ведь для Эллин кобылы никогда не жеребятся, а коровы не телятся, да, в сущности, и куры едва ли несут яйца. Эллин полностью игнорировала эти факты жизни. А вот миссис Тарлтон вовсе не свойственна была такая стыдливость.

— И кто у нее — кобылка?

— Нет, чудесный жеребеночек, ноги в два ярда длиной. Непременно приезжайте поглядеть на него, мистер О'Хара. Это настоящий племенной тарлтоновский жеребец. Рыжий, совсем как кудри у нашей Хэтти.

— Да он и вообще вылитая Хэтти, — сказала Камилла и тут же с визгом исчезла в каскаде юбок, панталон и слетевших на сторону шляп, так как Хэтти, удлинненным овалом лица и впрямь напоминавшая лошадку, бросилась на нее, пытаясь ущипнуть.

— Мои девочки так расшалились с утра, что их просто не унять, — сказала миссис

Тарлтон. — Это известие о помолвке Эшли с его кузиночкой из Атланты почему-то привело их в телячий восторг. Как, кстати, ее зовут? Мелани? Славная крошка, но, хоть убей, не могу запомнить ни имени ее, ни лица. Наша кухарка замужем за их дворецким, и он вчера сообщил ей, что помолвка будет оглашена сегодня вечером, ну а кухарка утром сказала об этом нам. Девчонок это страшно разволновало, хотя совершенно непонятно — почему. Всем давным-давно было известно, что Эшли женится на ней, если, конечно, не выберет себе в жены какую-нибудь другую из своих кузин, дочек Бэрра из Мейкона. А Милочка Уилкс выйдет замуж за брата Мелани — Чарльза. Объясните мне, мистер О'Хара, что им мешает жениться на ком-нибудь, кроме своих родственников? Потому как...

Скарлетт уже не слышала конца этой со смехом произнесенной фразы. На мгновение солнце, казалось, скрылось за тучей, все вокруг потемнело, и мир утратил краски. Молодая листва приобрела какой-то зловещий оттенок, кизилловые деревья поблекли, и дикая яблоня, вся в цвету, такая нежно-розовая минуту назад, уныло поникла. Скарлетт вонзила ногти в обивку сиденья, и зонтик, который она держала над головой, задрожал в ее руке. Одно дело — знать, что Эшли помолвлен, и совсем другое дело — слышать, как кто-то так небрежно, вскользь, упоминает об этом. Но усилием воли она не позволила себе пасть духом, и снова весело заблестало солнце, возродив к жизни окружающую природу. Она ведь знает, что Эшли любит ее. В этом не может быть сомнения. И она улыбнулась при мысли о том, как изумится миссис Тарлтон, когда оглашение помолвки не состоится, и как еще больше изумится, узнав об их с Эшли тайном побеге, и будет говорить всем, какая это продувная девчонка, Скарлетт, — сидела и словно ни в чем не бывало слушала про помолвку Мелани, в то время как они с Эшли уже давно... При этой мысли ямочки на ее щеках заиграли, и Хэтти, внимательно следившая, какое впечатление произведут на Скарлетт слова матери, откинулась на спинку сиденья, недоуменно наморщив лоб.

— Нет, что вы ни говорите, мистер О'Хара, — настойчиво продолжала миссис Тарлтон, — а все эти браки между двоюродными братьями и сестрами совершеннейшая нелепость. Мало того, что Эшли женится на этой малютке Гамильтон, но чтоб еще и Милочка вышла замуж за этого худосочного Чарльза Гамильтона...

— Да если она не выйдет за Чарльза, то так и останется старой девой, — безжалостно сказала Рэнда, исполненная спокойного сознания, что ей-то уж такая участь никак не грозит. — За ней же никогда никто не ухаживал, кроме него. И он-то — не похоже, чтобы был в нее влюблен, хоть они и помолвлены. Ты помнишь, Скарлетт, как он приударял за тобой на прошлых рождественских праздниках?

— Придержите свой скверный язык, мисс, — осадила ее мать. — И все же не следует жениться на двоюродных и даже троюродных сестрах. Это приводит к вырождению. Люди не лошади. Можно вывести породу, повязав кобылу с ее братом, если он хороший производитель, или с отцом, но с людьми это дело не пройдет. Экстерьер, может, будет и неплох, но ни силы, ни выносливости не жди. Вы...

— Тут мы с вами, пожалуй, поспорим, мэм. Много ли можете вы назвать мне людей лучше Уилксов? А они заключают внутрисемейные браки с тех пор, как Брайан Бору был совсем еще мальчишкой.

— Вот и пора это прекратить: результаты-то начинают сказываться. На Эшли это еще не так заметно — он, конечно, чертовски привлекательный малый, хотя, впрочем, и он... Но вы поглядите на этих двух бедных девочек Уилкс — что за бесцветные, малокровные создания! Они славные девчушки, спору нет, но какие же безжизненные! А эта малютка мисс Мелани!

Тоненькая, как былиночка, — ветер дунет, и нет ее. И никакого темперамента. И ни малейшего проявления личности. «Да, мэм! Нет, мэм!» Ни слова от нее больше не добьешься. Вы понимаете, что я хочу сказать? В эту семью нужно влить новую кровь — хорошую, сильную кровь для потомства. Таковую, как у моих рыжеволосых сорванцов или у вашей Скарлетт. Только не поймите меня неправильно. Уилксы по-своему очень славные люди, и я их всех люблю, но будем откровенны! Слишком уж они утонченные, они вырождаются. Разве не так? На добром ипподроме в солнечный день они могут показать неплохую резвость, но на трудной дороге я на Уилксов не поставлю. Вырождение обескровило их, лишило стойкости, и, случись какая-нибудь катастрофа, им не выстоять в неравной борьбе. Это изнеженное племя. А мне подавай такую лошадь, которая вынесет меня в любую погоду! И смотрите, как они не похожи на весь здешний народ, — это все результат их родственных союзов. Вечно сидят, уткнувшись в книгу, или бренчат на рояле. Ручаюсь, Эшли всегда предпочтет книгу охоте! Ей-богу! Хотите, поспорим, мистер О'Хара? И поглядите, какие они все узкоплечие, узкобедрые. Им нужны хорошие производители и женщины с горячей кровьюю.

— Хм, да-да, — смущенно пробормотал Джералд, до сознания которого вдруг дошло, что этот чрезвычайно интересный и вполне, на его взгляд, приличный разговор, вероятно, показался бы совсем неуместным его жене. Да узнай Эллин, что в присутствии ее дочерей шла беседа на столь откровенную тему, она не оправилась бы от этого потрясения до конца своей жизни. Но миссис Тарлтон, как обычно, не было дела до чужих взглядов, тем более что она уже села на своего любимого конька — выведение хорошей породы. Людей ли, лошадей ли — все едино.

— Поверьте, я знаю, что говорю. У меня тоже есть кузен, который женился на своей кузине, так поглядели бы вы на их детей! Все как один пучеглазые, что твои лягушки, бедные крошки! И когда мои родители вздумали выдать меня за моего троюродного братца, я брыкалась и лягалась, как молодая кобыла. Я сказала: «Нет, мама, это не для меня. Не хочу, чтобы у моих детей были ветры и вздутые животы или костный шпат». Мать лишилась чувств, когда я сказала про ветры, но я стояла насмерть, и бабушка меня поддержала. Она, понимаете, тоже знала толк в лошадях и в выведении породы и заявила, что я права. И помогла мне бежать с мистером Тарлтоном. А теперь поглядите на моих детей! Все здоровые, крепкие, ни одного заморыша или недомерка, хотя в Бойде, правду сказать, только пять футов десять дюймов. А вот Уилксы...

— Да бог с ними, мэм! — торопливо перебил ее Джералд, перехватив растерянный взгляд Кэррин и заметив, с каким жадным любопытством прислушивается к их разговору Сьюлин. Чего доброго, начнут еще приставать к Эллин с глупыми вопросами, и тогда сразу вскрыется, какой никудышной оказался он дуэньей. Одна только Скарлетт — с удовлетворением отметил он про себя, — казалось, витала мыслями где-то далеко, как и подобает благовоспитанной леди.

Хэтти Тарлтон неожиданно пришла к нему на выручку.

— Ну, поехали же, ма! Сколько мы будем тут стоять! — нетерпеливо воскликнула она. — Я уже совсем испеклась на солнце, просто чувствую, как на шее проступают веснушки.

— Одну минуточку, пока вы не уехали, мэм, — сказал Джералд. — Что вы решили насчет продажи лошадей для нашего Эскадрона? Война может начаться со дня на день, и ребята хотят, чтобы этот вопрос был решен. Это же Эскадрон графства Клейтон, и значит,

лошади для него тоже должны быть из графства Клейтон. Но вас, упрямец вы такая, мы все никак не можем уломать: продайте же нам ваших красавцев.

— Да, может, еще и не будет никакой войны, — старалась выиграть время миссис Тарлтон, сразу позабыв о странных матримониальных обычаях семейства Уилкс.

— Нет, мэм, вы уж не...

— Ма, — снова вмешалась Хэтти, — разве нельзя поговорить с мистером О'Хара о лошадях не здесь, на дороге, а в Двенадцати Дубах?

— В этом-то все и дело, мисс Хэтти, что нельзя, — сказал Джералд. — Но я задержу вас лишь на минуту. Сейчас мы приедем в Двенадцать Дубов, и все мужчины там, от мала до велика, первым делом спросят про лошадей. А у меня просто сердце кровью обливается, когда я вижу, что столь прелестная благородная дама, как ваша матушка, и вдруг так держится за своих лошадок! Да где же ваш патриотизм, миссис Тарлтон! Или уж Конфедерация пустой для вас звук?

— Ма! — закричала вдруг Бетси, младшая из дочерей. — Рэнда села мне на платье, оно теперь будет все мятое!

— Вытащи его из-под Рэнды и перестань голосить! А вы, Джералд О'Хара, послушайте, что я вам скажу! — Глаза миссис Тарлтон сверкнули. — Может быть, вы не будете объяснять мне мой долг перед Конфедерацией? У меня четверо сыновей стали под ружье, а у вас ни одного, так что, думается мне, Конфедерация для меня не меньше значит, чем для вас. Но мои мальчики могут сами постоять за себя, а мои лошади не могут. Я бы с радостью отдала вам своих лошадей даже бесплатно, если бы знала тех, кто будет сидеть на них в седле, если бы знала, что это джентльмены, понимающие толк в чистокровных скакунах. Да я бы ни минуты тогда не колебалась! Но чтоб мои красавцы попали в руки каких-то дикарей, каких-то голодранцев, умеющих обращаться только с мулами? Нет, сэр, этому не бывать! Да меня всю ночь будут мучить кошмары при мысли, что за ними плохо ходят и седлают их, невзирая на нагнеты. И вы могли подумать, что я позволю каким-то невежественным мужланам скакать на моих красавцах, стегать их хлыстом и раздирать им рот удилами до тех пор, пока их гордый дух не будет сломлен? Господи, да у меня при одной мысли об этом мурашки по спине бегут! Нет, мистер О'Хара, я, конечно, польщена, что вам пришлось по вкусу мои лошадки, но придется вам поехать в Атланту и купить там каких-нибудь старых одров для ваших деревенских пахарей. Они ведь все равно не заметят никакой разницы.

— Ма, может быть, поедem наконец? — присоединилась на сей раз и Камилла к хору нетерпеливых голосов. — Ты же прекрасно знаешь, чем это кончится. Ты все равно рано или поздно отдашь им своих любимцев. Когда па и мальчишки прожужжат тебе все уши о том, как у них там в Конфедерации не хватает лошадей, ты заплачешь и отдашь.

Миссис Тарлтон усмехнулась и шевельнула вожжи.

— Никогда этому не бывать, — твердо сказала она и совсем легонько пощекотала лошадь кнутом. Коляска резво покатила по дороге.

— Чудо что за женщина! — сказал Джералд, надел шляпу и вернулся к своему экипажу. — Ну, поехали, Тоби! Я ее еще доконаю и раздобуду-таки лошадей. Конечно, она права. Права. Если человек не джентльмен, нечего ему лезть в седло. Его место на пашне. Тем более обидно, что из одних только сыновей плантаторов никак не склотишь в этом графстве Эскадрона. Что ты сказала, котенок?

— Па, будь добр, поезжай либо позади нас, либо впереди. Мы просто задыхаемся, такую ты поднимаешь пыль! — сказала Скарлетт, чувствуя, что она не в силах больше поддерживать

разговор. Это отвлекало ее, а ей надо было собраться с мыслями и придать нужное выражение своему лицу, прежде чем коляска подъедет к Двенадцати Дубам. Джералд послушно дал шпоры коню и скрылся в густых облаках красной пыли, устремясь следом за тарлтоновским экипажем, чтобы продолжить разговор о лошадях.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Молитвенное песнопение, построенное в форме диалога. (*Здесь и далее примечания переводчика.*)

Э м м е т Р о б е р т (1778–1803) — ирландский революционер, боролся за независимую ирландскую республику, был казнен.

Сокращенное от «Диксиленд», распространенного названия Южных Штатов.

Улица в Париже, где находились самые дорогие магазины.

Строка из стихотворения английского поэта XVII в. Ричарда Лавлейса.

Распространенный в Америке напиток из коньяка или виски с водой, сахаром, льдом и мятой.

«Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто господином был тогда?» — строка из народной песни.

Популярные в середине XIX в. эстрадные представления, участники которых, загримированные под негров, играли на банджо, тамбурине, кастаньетах, пели, танцевали, перебрасывались шутками.

Шекспир У. Гамлет, акт 5, сцена 1. Перевод М. Лозинского.